

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964**

САНЬЮТЭЙ
ЭНТЕ

ПИОНОВЫЙ
ФОНАРЬ

ПОВЕСТЬ

Перевод с японского
А. Стругацкого

И (Яп)

С-18

Предисловие и примечания

В. Марковой

Художник

Д. Бисти

ПРЕДИСЛОВИЕ

Японский романист Санъютэй Энтё (1839—1900) принадлежит к чудесному племени рассказчиков Востока. Он — младший брат «Шахразады».

Слышимое слово в устах рассказчика или певца предшествовало слову зримому, но даже и после того, как родилась и расцвела литература, люди всех возрастов любят слушать «звучащую книгу». Искусство рассказчика остается бессмертным. Об этом искусстве сказал замечательный мастер художественного чтения Владимир Яхонтов: «Человек настолько совершенное создание, что ему требуется очень немного: иногда — платок, иногда — свеча, голос, руки, коврик на площади — вот, может быть, и все, чтобы объять мир и подарить его зрителям, то есть своему народу»¹.

История литературы знает немало случаев, когда талантливые писатели были и замечательными чтецами. Достаточно назвать Гоголя, Диккенса, Марка Твена. Диккенс на основе своих

¹ В. Яхонтов, Театр одного актера, изд. «Искусство», М. 1958, стр. 88.

романов создавал особые композиции для эстрадного исполнения. Так книга становилась устным рассказом.

Но бывает и наоборот. Лучшая повесть Саньютэя Энтё «Пионовый фонарь» родилась как «звучащая книга» и лишь потом вошла в литературу. Но для того чтобы «Пионовый фонарь» появился, в Японии должен был существовать высокоразвитый роман, точно так же как старая и богатая культура устного рассказа.

Искусство рассказчика сродни и литературе и театру. Саньютэй Энтё сам создавал свой репертуар, придумывая увлекательные повести со сложной авантюрной фабулой и множеством действующих лиц. Его «звучащим книгам» была присуща подлинная театральность. Большой мастер диалога, Саньютэй Энтё умело разворачивал действие, чередуя трагические сцены с комедийными. Он то потрясал зрителей ужасом, то заставлял их безудержно смеяться.

Каждый актер должен перевоплощаться из одного сценического образа в другой, но он обычно делает это от спектакля к спектаклю. В «театре одного актера» переходы совершаются внезапно. Контрастные по настроению сцены заставляют быстро менять эмоциональный ключ. Рассказчик должен найти краски для любого образа без поддержки ансамбля, самыми простыми средствами. Достигнув вершины мастерства, Саньютэй Энтё отказался от всего внешнего, показного, от театральной бутафории и музыкального сопровождения.

Небольшой тщедушный человек выходил на эстраду с веером в руке, садился на пол перед низким попнитром и начинал говорить, сплетая нити причудливого вымысла. Перед зрителями появлялись, как живые, гордые самураи, нежные девушки, разбойники с большой дороги, каждый с присущими ему характерными особенностями речи. Легкий жест рукой, удар веера по попнитру... Зал сотрясается от рыданий: сейчас герой повести «Жизнь Сиобара Таскэ» расстанется со своим любимым

конем Ао. В этой короткой сцене своего репертуара Санъютэй Энтё замечательно играл обе роли. Обхватив шею коня, Таскэ неподвижно смотрит в землю и вдруг чувствует, как на его руку упала слеза. Это тоскует конь.

Ты плачешь... Из-за меня?

Вот что сказал об исполнении Санъютэя Энтё один из трех величайших актеров Японии конца прошлого века — Оноэ Кикугоро Пятый (1845—1903): «У Энтё-сана¹ только веер в руках и голос, а он один показывает всех действующих лиц и даже пейзаж так отчетливо, словно видишь все своими глазами. Это работа, которую в театре совершает целая труппа актеров.

Роль Таскэ принадлежит к числу моих сценических удач, но ни один актер не сумеет так мастерски сыграть коня, как это делает Энтё. Положим, я бы согласился играть коня, но тогда не нашлось бы актера, который мог бы исполнить роль Таскэ».

Рассказы Санъютэя Энтё, записанные с его голоса стенографическим способом, печатались в газетах как «роман-фельетон», выходили отдельными книгами, инсценировались для театра Кабуки. Всюду им сопутствовал неизменный успех.

«Пионовый фонарь» был опубликован в середине восьмидесятых годов прошлого века. Япония только что свершила крутой поворот. Сломив (правда, не полностью) во время революции 1868 года прежний феодальный порядок, она строила буржуазное государство европейского типа. Молодая японская литература нового времени началась с памфлетов, учебников, сочинений просветительского типа. Передовое общество ожидало от нее современного романа. Но общепринятый литературный язык был наследием далекого прошлого, закостенел, утратил

¹ *Сан* — вежливая приставка к японским именам; имеется в виду Санъютэй Энтё.

гибкость и подвижность. Новая литература должна была заговорить новым языком. Можно себе представить, что получилось бы, если б Тургенев принужден был писать на старославянском языке, а Мопассан — по-латыни.

В рассказах Санъютэя Энтё люди говорили естественно и свободно: то и дело слышался говор улицы, непривычное для слуха местное наречие крестьянина, профессиональные словечки ремесленников, воровской жаргон... Это была богатая кладовая живой, образной народной речи.

Создатели современного японского романа Хасэгава Фтабатэй (1864—1908) и Ямада Бимё (1868—1910) боролись за право писать так, как говорят их современники. Стараясь приблизить литературный язык к разговорному, они стали внимательно изучать произведения Санъютэя Энтё.

Так рассказчик помог писателям создать новый литературный язык.

Санъютэй Энтё (подлинное его имя Идзубути Дзирокити) родился в дореформенной феодальной Японии, закрытой для иностранцев. Старые традиционные формы японского искусства тогда еще не испытали влияния Запада. В городе Эдо (ныне Токио) процветал театр Кабуки, очень популярны были певцы и рассказчики разных школ и жанров. Эдосцы, большие остролыбы, любили комический рассказ «ракуго», пересыпанный шутками и каламбурами, с неожиданной концовкой. Иногда такой рассказ поднимался до настоящей народной сатиры.

Первые исполнители «ракуго» в XVII и XVIII веках собирали публику в балаганах, а то расстилали свою циновку и прямо на улице. Имя «Санъютэй» обозначало принадлежность к определенной школе. Основоположник этой школы, известный рассказчик Санъютэй Энсё Первый (1768—1838), придал своим выступлениям характер театрализованной игры. Он пользовался

богатым театральным реквизитом. Ему аккомпанировали музыканты. Эффектные, броские приемы принесли ему большой успех у публики.

Согласно старинному обычаю, имя в японских династиях актеров передается по наследству от учителя к ученику. После имени ставится порядковый номер. Так в Европе различают королей.

Преемник Энсё Первого Энсё Второй следовал уже готовым традициям, передавая их своим ученикам. Среди них был отец Саньютэй Энтё, а впоследствии и он сам. Создав свой особый строгий стиль игры, Саньютэй Энтё передал своему ученику титул Энсё Третьего (на который тот имел бесспорное право), а также весь свой реквизит.

В актерских семьях дети начинали выступать перед публикой в очень раннем возрасте.

Саньютэй Энтё впервые появился на эстраде, когда ему было всего пять лет. Но затем наступил длительный перерыв. Один буддийский священник, родственник отца, восстал против того, чтобы мальчика учили такому «несерьезному делу». Лишь через двенадцать лет, уже юношей, Саньютэй Энтё вновь вернулся к любимому искусству. За это время он успел сменить несколько занятий: служил в лавке бумажника, учился у мастера цветной гравюры, но в конце концов остался верен своему призванию.

Первое время Саньютэй Энтё выступал вместе с Энсё Вторым, заменяя его, когда тот уходил отдохнуть. Но, к несчастью, в старом рассказчике заговорила профессиональная ревность. Он стал срывать номера своего талантливого соперника и всячески преследовал его.

Тогда Саньютэй Энтё решил работать один, на свой риск и страх, но это означало, что он остался без всякого репертуара. Пришлось сочинять самому. Первая же попытка оказалась удачной. Раскрылись богатые творческие способности юноши,

позволившие ему поднять жанр эстрадного рассказа на небывавую высоту и даже сказать новое слово в японской литературе.

Саньютэй Энтё создал настоящий авантюрно-фантастический роман. Он великолепно умел «закрутить сюжет» и, вдруг оборвав свое повествование в самом неожиданном месте, лукаво спрашивал своих слушателей: «А что будет дальше?»

Вторая повесть Саньютэя Энтё — «Пионовый фонарь» — впервые прозвучала с эстрады в начале семидесятых годов. Феодалное прошлое было тогда не в почете.

Молодые умы жадно тянулись к просвещению и новой европейской науке. Саньютэю Энтё приходилось отстаивать право на художественный вымысел и свою любовь к преданиям старины.

Одному из своих рассказов он предпослал такое вступительное слово:

«Сегодня я предложу вашему вниманию «повесть о привидениях». Нынче такие рассказы уже не в почете, охотников послушать их собирается немного. Говорят, призраков нет, все эти страхи — игра нервов. Просвещенные люди нынешнего времени гнушаются такими историями. Их так давно уже не рассказывают, что, мне кажется, теперь они могут прозвучать по-новому. Нынче в сверхъестественное никто уже всерьез не верит. Именно потому я подумал: «А пожалуй, неплохо было бы рассказать одну такую старомодную историю о привидениях».

Обычно считается, что сюжет «Пионового фонаря» заимствован из рассказа китайского писателя Минской эпохи Цюй-Ю Цзунци «Повесть о пионовом фонаре» (ок. 1379 г.). Сборник его рассказов «Цзяньдзи синьхуа» был ввезен в Японию еще в XVI веке и с тех пор неоднократно там перепечатывался. Эту книгу, как легкое чтение, давали изучающим китайский язык. «Повесть о пионовом фонаре» неоднократно появлялась и на японском языке в сборниках рассказов о чудесном и необычайном.

Саньютэй Энтё также был знаком с этой китайской повестью в переводе или оригинале, но, как указывает японский исследователь Окуно Синтаро¹, он заимствовал из нее очень немногое, лишь отдельные мотивы. Его «Пионовый фонарь», бесспорно, самостоятельное произведение с богатой творческой выдумкой и сложным сплелением нескольких сюжетных линий.

В японской литературе эпохи позднего феодализма существовали романы разных жанров: комический роман, «чувствительный» роман о любви, авантурный роман. «Пионовый фонарь» сочетал в себе простонародный комизм с патетикой «чувствительного» романа, ломая привычные рамки жанров, и в этом была его оригинальность.

События у Саньютэя Энтё тонко, психологически подготовлены. Мы не знаем, отчего умерла девушка О-Цую, но уже видели ее, такую слабую и беспомощную, и почувствовали, что она «не жилища». Саньютэй Энтё строит свой рассказ в точном расчете на «душевную акустику» зала (Станиславский).

В китайском рассказе с самого начала появляется призрак девушки с фонарем в руке и рассказывает историю своей несчастной любви и гибели. Служанка девушки только глиняная кукла, не более. Рассказ не слишком поднимался бы над уровнем посредственности, если б не одна деталь: таинственный пионовый фонарь, бросающий вокруг свой зловещий отблеск.

Саньютэй Энтё оценил все значение этой детали, впоследствии замечательно обыгранной в театре Кабуки. Пионовый фонарь сообщал призраку убедительную вещественность и одновременно жуткую ирреальность. Он соединял два мира: воображаемый и действительный. Вообще в его повести все время совмещаются и пересекают друг друга оба эти плана. Загробные

¹ *Саньютэй Энтё*, Кайдан ботан доро, изд-во «Иванами бунко», Токио, 1958, стр. 179—180.

призраки ведут себя как живые люди. Оказывается, что их можно даже шантажировать и вымогать у них деньги. Появление призраков порой еще более усиливает ощущение будничной пошлости жизни.

Так работает в повести Пушкина «Пиковая дама» иронический эпиграф к пятой главе:

«В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон — В**. Она была вся в белом и сказала мне: «Здравствуйте, господин советник!»

«Пионовый фонарь» — повесть историческая. Действие в ней происходит в XVIII веке. Мрачный колорит старины хорошо гармонирует с сюжетом.

На закате японского феодализма власть денег в обществе была так велика, что легко принимала характер какой-то фантасмагории. Это одна из главных губительных сил, действующих в «Пионовом фонаре». Не менее страшны законы старого феодального общества, такие как обычай кровной мести. «Честь воина» требовала, чтобы ради нее лились потоки крови. Верность господину, защита его жизни и чести — вот основа самурайской морали, ее незыблемый догмат. Здесь не могло быть никаких колебаний, никакой жалости к врагу.

Но человек всегда остается человеком. Так завязывается узел конфликта и в испанских драмах и в японских — всюду, где царствовал неумолимый закон чести.

Главный конфликт в «Пионовом фонаре» построен на том, что герой повести Коскэ оказался неведомо для себя «кровником» своего господина, которого он очень любит. Коскэ щедро наделен душевной добротой, он готов отказаться от мести. Между ним и его господином Иидзимой происходит соперничество в благородстве. Иидзима сам подставляет себя под удар копы слуги, повинувшись долгу чести и своей «карме».

Фатальное сцепление многих обстоятельств в повести находит свою мотивировку в буддизме, согласно которому ход

всех событий предопределен. Судьбу человека решают глубоко скрытые причины¹. Сильная любовь или ненависть не кончаются с жизнью, человек пронесит их сквозь много рождений. Каждый добрый или дурной поступок непременно получает свое воздаяние. Так возникает «карма», то есть судьба человека, но причинная связь событий иногда остается для него загадкой. Именно этим оправдывает автор невероятные встречи и совпадения, которые то и дело происходят в «Пионовом фонаре». Он отводит упрек в том, что «в жизни так не бывает», ссылаясь на таинственную руку судьбы.

Саньютэй Энтё всюду, где только мог, собирал предания старины. Если ему случалось услышать, что где-нибудь в отдаленной провинции бытует удивительная легенда, он отправлялся в далекое путешествие, чтобы познакомиться с ней на месте.

Так, услышав историю о привидении в Сиобара, Саньютэй Энтё пешком отправился в такую глушь, где еще водились кабаны и медведи. Недаром он говорил: «Любое искусство требует того, чтобы для него и самой жизни своей не пожалеть».

В ткань повести «Пионовый фонарь» вплетено немало преданий японской старины.

От одного из своих друзей Саньютэй Энтё услышал рассказ о том, как некий самурай и его молодой слуга оказались кровными врагами. Слуга случайно насмерть поранил копьём господина, и лишь тогда выяснилось, что тот некогда убил отца юноши. Умирая, господин простил своего невольного убийцу, считая, что понес заслуженное возмездие. В старой Японии ходило много таких рассказов о неисповедимых путях судьбы.

От другого из своих друзей Саньютэй Энтё узнал о семейной драме Иидзимы Кидзаэмона, оптового торговца рисом в

¹ См. стр. 79.

предместье Эдо. Второй сын его Гэндзиро полюбил О-Цую, дочь чаеоторговца, и хотел на ней жениться, но девушка внезапно заболела и умерла. Тогда решили, что он женится на ее младшей сестре, но умерла и эта невеста. Гэндзиро, потрясенный двойным ударом, поселился в одиночестве на берегу озера Уэво. Вдруг распространился слух, что там по ночам бродят два призрака погибших девушек в поисках любимого.

Саньютэй Энтё соединил обе легенды воедино посредством семейного родства героев. Девушка О-Цую стала дочерью хатамото, убитого своим слугой. «Пионовый фонарь» — роман тайн. Две сюжетных линии были необходимы, чтобы задержать отгадку, иначе она наступила бы слишком рано. Прервав повествование о судьбе одного героя, Саньютэй Энтё неожиданно начинал рассказывать о приключениях другого и тем самым держал своих слушателей в постоянном напряжении. Им не терпится узнать, что написал перед смертью Иидзима, но нет! Послушайте раньше, что случилось с юношей, влюбленным в привидение. Жив ли он? Рамы раздвинуты, в комнату льется солнечный свет, все свидетели в сборе... Но тут начинается рассказ о завещании Иидзimy.

Архитектоника «Пионового фонаря» превосходна. Лишь кое-где встречаются повторения, напоминающие титры в начале второй серии современного кинофильма. Этого требовала техника устного рассказа.

В повести развернута увлекательная картина нравов старой Японии. Краски романтически сгущены, но Саньютэй Энтё умеет даже необычайное сделать достоверным. У него зоркий глаз художника.

Когда призрак, проникая в дом, закрывается рукавом, чтоб не увидеть страшный для него защитный амулет у входа, хочется сказать, как говорил Станиславский, когда артист находит какую-нибудь правдивую убедительную деталь: «Верю!»

Герои Саньютэя Энтё не «представляют», они подлинно живут.

«Пионовый фонарь» — юношеское сочинение Саньютэя Энтё и в то же время непревзойденная вершина его творчества.

В 1882 году была изобретена система японской стенографии. Вскоре после этого два стенографа решили записать «Пионовый фонарь» в исполнении Саньютэя Энтё. Запись длилась пятнадцать вечеров. Повесть была напечатана в 1884 году и сразу нашла широкий круг читателей. Заинтересовала она и японский театр.

Инсценировку «Пионового фонаря» сделали два лучших драматурга прошлого века: Каватакэ Мокуами (1816—1893) и Фукути Оти (1841—1906). Они еще более усилили драматизм действия: девушки в пьесе кончают с собой. Поставил ее на сцене Оноэ Кикугоро Пятый.

«Пионовый фонарь» считается лучшей пьесой о привидениях в репертуаре театра Кабуки. По традиции, ее дают в разгар летней жары, потому что, когда на сцене появляются призраки, по спинам зрителей пробегает холодок. Согласно старинным японским поверьям, у привидений ног не бывает. О-Цую и ее служанка точно плывут через сцену, как серые тени, позади ниспадающих веток весенней ивы. Когда призраки проникают в дом возлюбленного О-Цую, пионовый фонарь словно сам проносится по воздуху и исчезает за сценой. Не мудрено, что зрителей обдавало холодом.

После «Пионового фонаря» Саньютэй Энтё создал еще много превосходных рассказов, неутомимо собирая японские поверья и легенды. В последних своих вещах он, следуя веянию времени, брал сюжеты из произведений западной литературы, например у Мопассана, или из европейской истории («Жизнь королевы Елизаветы»).

Слава Саньютэя Энтё непрерывно росла. Выступление его считалось коронным номером любого концерта.

В октябре 1899 года замечательный мастер рассказа последний раз появился перед публикой. Он читал отрывки из «Пионового фонаря». В следующем году Санъютэй Энтё умер, шестидесяти двух лет от роду.

Повесть «Пионовый фонарь» переведена на русский язык впервые. Советскому читателю будет интересно познакомиться с этим своеобразным произведением японской литературы, рожденным в «театре одного актера».

В. Маркова

**ПИОНОВЫЙ
ФОНАРЬ**

ГЛАВА I

Еще когда Токио называли Эдо, одиннадцатого апреля третьего года Кампо¹ в Юсимском храме было торжество в честь достойной памяти принца Сётоку². Богомольцев сошлось к храму великое множество, и толкотня была страшная. Неподалеку, в третьем квартале Хонго, была тогда лавка оружейника по имени Фудзимура Симбэй. Возле выставленного в лавке доброго товара остановился один самурай. По внешности было ему года двадцать два, с лица он был белый, брови красивые, взгляд прямой и смелый, как у человека с несколько запальчивым нравом, волосы уложены строго и аккуратно. Одет он был в прекрасное хаори и отличные хакама³, а обут в кожаные сандалии. Его сопровождал

¹ Третий год Кампо — 1743 год.

² Принц Сётоку — Сётоку Тайси (574—622), видный политический и культурный деятель Японии раннего средневековья, активно способствовал проникновению и распространению буддизма в Японии. Впоследствии был обоготворен.

³ Хаори — короткое верхнее кимоно, парадная накидка с гербами. Хакама — широкие штаны, заложенные складками у пояса. Все вместе составляло церемониальный костюм самурая.

слуга в голубой короткой куртке хаппи¹, подпоясанный нарядным поясом, с деревянным мечом, обшитым медью. Поглядев на выставленные мечи, самурай сел перед ними и сказал:

— А ну, хозяин, покажи-ка вон тот меч с черной рукоятью и с гардой из старого заморского железа... шнур у него не то черный, не то синий... Кажется, добрый клинок.

— Сию минуту, — с готовностью отозвался хозяин. — Эй, кто там, подать господину чай!.. Нынче у нас в храме торжество, народ валом валит, вы, верно, совсем замучились от пыли... — Он обтер меч. — Вот здесь отделка немного попорчена.

— Действительно попорчена, — согласился самурай.

— Зато клинок, как сами изволите видеть, хоть куда. Он вас не подведет, если будет у вас за поясом. Товар отменный, что и говорить, из хороших рук вышел... Да вот извольте сами взглянуть.

С этими словами хозяин протянул меч самураю, и тот принялся его разглядывать. В старину, когда самурай, выбирая себе в лавке оружие, вытягивал его из ножен прямо тут же, на улице, лучше было держаться от него подальше. Что уж тут хорошего, если молодой горячий воин, распалившись душой, принимается вовсю размахивать обнаженным мечом. Но наш самурай был настоящим знатоком оружия. Ему даже не нужно было пробовать клинок на изгиб, чтобы определить, не пережжена ли сталь. Он прежде всего прикинул, как меч будет выглядеть за поясом, попробовал острие, осмотрел головку рукояти и все прочее — словом, сразу было

¹ *Хаппи* — род куртки с гербом хозяина, которую носили слуги самураев.

видно, что он из господ хатамото¹, а не из каких-нибудь простых самураев.

— Да,— сказал он,— вещь, кажется, весьма хорошая. Бидзэнской работы², так ведь?

— Ну и глаз у вас! — воскликнул хозяин.— Я просто в восхищении! Мы, оружейники, тоже считаем, что это меч работы Тэнсё Сукэсады. К великому сожалению, в те времена он не ставил своего клейма на изделиях.

— И сколько ты за него хочешь, хозяин? — спросил самурай.

— Спасибо, господин,— ответил хозяин.— Запрашивать я не буду. Цена этому мечу была бы очень большая, если бы на нем, как я только что говорил, было клеймо. Но ничего не поделаешь, клейма нет, и я уступлю вам меч за десять золотых.

— Как? — удивился самурай.— Десять рё? Что-то очень уж дорого. А не уступишь ли за семь с половиной?

— Да ведь я тогда останусь в убытке! Он мне самому достался не дешево...

Пока они усердно торговались, какой-то пьяница за спиной самурая вдруг сцепился с его слугой. Схватив слугу за шиворот, он заорал: «Т-ты как с-смеешь?..» — пошатнулся и упал, шлепнувшись задом о землю. Затем он кое-как поднялся на ноги, исподлобья грозно уставился на слугу и, взмахнув кулаками, принялся его колотить. Слуга терпеливо сносил побои, понимая, что тот дерется спьяна. Он уперся руками в землю и нагнул голову, бор-

¹ *Хатамото* — звание самурая, непосредственного вассала дома военно-феодалных диктаторов средневековой Японии Токугава.

² *Меч бидзэнской работы*.— Бидзэн — одна из провинций центральной Японии, где было сосредоточено более половины производства оружия.

моча извинения, однако пьяница его не слушал, свирепел все больше и бил все сильнее. Самурай, видя, что избивают его слугу Тоскэ, очень удивился, вежливо поклонился пьяному и сказал:

— Я не знаю, какое невежество позволил себе мой слуга, но прошу у вас за него извинения. Простите его, пожалуйста.

— Так этот болван — твой слуга? — вскричал пьяный. — Грубый нахал, мерзавец! Раз уж сопровождаешь самурая, должен, само собой, быть подле него и вести себя тише воды ниже травы! А он что? Расселся тут возле этой вот пожарной бочки, загородил всю улицу, — ни пройти, ни проехать... Пришлось, конечно, ему всыпать!

— Я вас очень прошу, — сказал самурай, — простите этого тупицу. Я сам прошу у вас прощения вместо него.

— Иду это я себе, — продолжал пьяный, — и вдруг — бац! — патькаюсь. Что такое, думаю, собака, что ли? А тут, оказывается, холуй этот вытянул ноги на всю улицу, а я, извольте видеть, всю одежду из-за него в пыли вывалял! Ах ты, думаю, невежа, нахал! Как ему начал давать... Может, скажешь, нельзя? А ну, подай мне его сюда, я ему еще добавлю!

— Примите во внимание, — терпеливо сказал самурай, — это же тупой и невежественный человек, все равно что собака. Пожалуйста, простите его.

— Вот тебе и на! — завопил пьяный. — Впервые такое слышу! Да где это видано, чтобы самурай разгуливал с собакой? А раз он у тебя все равно что собака, так отдай его мне, отведу его домой и накормлю крысиным ядом... Нет, как ты там ни проси, не будет ему моего прощения. Ведь как хозяин должен просить прощение за невежество своего слуги? Как положено, уперев руки в землю и низко кланяясь, и приговаривать при

этом: «Признаю свою вину, очень виноват...» А ты что? Кто же просит прощения с мечом в руке? Самураи так не поступают. Ты уж не рубить ли меня собрался?

— Да нет же,— сказал самурай,— я покупаю этот меч и как раз осматривал его, когда вы схватились со слугой, вот и все.

— А мне что до этого? — сказал пьяный.— Какое мне дело, покупаешь ты или нет?

Пьяница бранился, самурай все пытался его образумить, а в толпе зевак, что собрались вокруг них на улице, говорили:

— Ну, сейчас подерутся...

— Что, драка?

— Ух ты, оба же самураи, быть беде...

— А из-за чего это опи?

— Да очень просто, ругаются, кому покупать меч, а кому не покупать... Вон тот пьяный самурай приценился первым, да цена высокая, купить не смог, а тут подходит этот молодой самурай и тоже стал прицениваться, ну пьяный и рассвирепел... Как, мол, смеешь, не спросишь меня, прицениваться к вещи, которую я сам хочу купить... Тут все и началось.

— Да совсем не так это было. Здесь ссора из-за собаки. Ты, мол, отравил крысиным ядом мою собаку, так отдавай мне свою, я ее тоже отравлю... Ссоры из-за собак исстари ведутся. Возьмите, к примеру, Сираи Гомпати¹. С ним вся эта буча началась после драки за собаку.

— И вовсе не так. Эти самураи — родственники, дядя и племянник. Вон тот, красномордый и пьяный, это дядя, а молодой красивый самурай — его племянник.

¹ *Сирази Гомпати* (Хираи Гомпати) — самурай из клана Тёсю, влюбившись в гетеру, совершил из-за нее преступление и был казнен.

А ссорятся они потому, что племянник не дает дяде карманных денег.

— Да нет же, просто вора поймали.

— Этот пьяница живет в подворье храма Маруяма Хоммёдзи,— сказал тут один человек.— Прежде он был в вассалах князя Коидэ, но потом сбился с пути, пьянствует и развратничает. Иной раз бродит с мечом наголо по городу, пугает людей, безобразничает. А то ввалится в харчевню, нальется водкой, набьет брюхо закусками, а за деньгами, говорит, приходите ко мне в подворье Хоммёдзи. Зовут этого бесчестного самурая Курокава Кодзо, он привык всюду жрать и пить бесплатно и к молодому самураю, видно, пристал, чтобы тот купил ему водки.

— Вот оно что! Ну, другой на его месте давно уже зарубил бы этого пьяницу, да молодой самурай на вид что-то немощный, где уж ему рубить!

— Что вы, просто он не умеет фехтовать. Самурай, если он не умеет фехтовать, всегда трус.

Говорилось это все вполголоса, но некоторые слова дошли до ушей молодого самурая. Он так и затрясся от ярости, лицо его покраснело, будто залитое киноварью, на лбу вспухли голубые жилы. Он подошел к пьянице вплотную и сказал:

— Итак, несмотря на все мои извинения, вы не желаете покончить дело миром?

— Заткнись! — заорал пьяный.— Напугал, тоже мне! Ай-яй-яй, как же это вы, ваша милость, такой великодушный самурай — не знаю только, прямой ли вы вассал дома сёгуна¹ или изволите принадлежать к какому-нибудь иному могучему клану,— как же это вы унизились

¹ *Сёгун* — звание военно-феодалного диктатора, фактического правителя Японии в феодальные времена.

до презрения к бедному рошину? ¹ Ну а если я и не желаю покончить дело миром, что ты сделаешь? — И с этими словами он харкнул молодому самураю прямо в лицо.

Тут уж терпение молодого самурая окончательно лопнуло. Лицо его искажилось гневом.

— Подлая тварь! — закричал он. — Ты посмел плюнуть в лицо самураю? Ну ладно, я был с тобой учтив, я хотел разойтись с тобой по-хорошему. Но хочешь? Получай!

Рука его рванулась к рукоятке бидзэнского меча. Миг — и блестящее лезвие сверкнуло перед самым носом пьяницы. Толпа зевак испуганно раздалась. Никто не ожидал, что этот слабый на вид юноша обнажит меч. Словно осенние листья под ветром, все бросились враспынную, воيا и причитая, спеша укрыться в домах и переулках. Торговцы поспешно позакрывали свои лавки, и кругом водарились тишина. Один лишь оружейник Фудзимурая, которому бежать было некуда, ни жив ни мертв остался сидеть на месте.

Курокава Кодзо был пьян, да ведь всем известно, что вино обнажает суть человека. Устрашенный блеском меча, он повернулся и, пошатываясь, побежал. Самурай бросился его догонять, шлепая по пыли кожаными сандалиями. «Стой! — кричал он. — Трус! Хвастун! Позор воину, который показывает противнику спину! Стой! Вернись!» Тогда Кодзо понял, что ему не убежать. Он остановился, ноги его тряслись. Он схватился за облезлую рукоять своего меча и обернулся. В то же мгновение молодой самурай набежал на него и, пронзительно вскрикнув, глубоко погрузил меч в его плечо. Кодзо со сдавленным воплем упал на одно колено. Стоя над ним,

¹ *Рошин* — самурай, по каким-либо причинам не имеющий сюзерена. Ипосказательно — скиталец, бродяга.

молодой самурай вновь ударил его, разрубив левое плечо до самой груди. Двумя косыми ударами Кодзо был разрублен на три части, словно рисовая лепешка. Молодой самурай быстро нанес точный завершающий удар и, помахивая окровавленным мечом, вернулся к лавке Фудзимурая. Он был совершенно спокоен — ведь противник сам накликал на себя гибель.

— Возьми меч, Тоскэ,— сказал он слуге,— и смой с него кровь водой из этой бочки.

Тоскэ, который все это время трясся возле лавки, проговорил с помертвелым от страха лицом:

— Вот ведь беда какая, и все из-за меня... Что, если при расследовании этого дела выплывет ваше имя, господин? Что мне тогда делать, как оправдаться?

— Пустяки,— сказал самурай ласково,— не волнуйся, бояться нечего. Что с того, что я зарубил негодяя, державшего в страхе весь город! — Затем он подошел ошеломленного Фудзимурая и приветливо сказал ему: — А знаешь, хозяин, я и не думал, что меч так хорош. Рубит превосходно. Более чем превосходно.

Хозяин, дрожа всем телом, отозвался:

— Да нет, дело тут не в мече, это все ваше мастерство...

— Мастерство мастерством,— возразил самурай,— а меч замечательный. Ну что ж, если уступишь мне его за семь рё и два бу¹, мы поладим.

— Уступаю, пожалуйста,— с готовностью согласился Фудзимурая, который страсть как не хотел быть замешанным в эту историю.

¹ Бу — старинная денежная единица; четыре бу составляют одно рё.

— Не бойся,— сказал самурай,— твою лавку не потревожат. Но сообщить обо всем городской страже необходимо как можно скорее. Подай мне тушечницу, я напишу тебе мое имя.

Тушечница стояла тут же, рядом с хозяином, но хозяин, в смятении своем не замечая ее, дрожащим голосом закричал: «Эй, мальчик, принеси тушь!» Никто, однако, не отозвался, в лавке было тихо, потому что все домочадцы с самого начала разбежались и попрятались кто куда. Самурай заметил:

— А ты, хозяин, молодец, вел себя достойно, остался, лавку не бросил.

— Напрасно изволите хвалить,— пробормотал хозяин.— Как мне было сбежать, когда у меня ноги со страху отнялись...

— А тушечница ведь подле тебя,— сказал самурай.

Тогда хозяин заметил наконец тушечницу и поставил ее перед самураем. Самурай открыл крышку, взял кисть и бегло написал иероглифы своего имени: «Иидзима Хэйтаро». Сообщив затем о случившемся городской страже, он направился к себе домой в особняк на Усигомэ¹, где подробно рассказал все почтенному отцу своему господину Иидзиму Хэйдзаэмону. «Ты поступил правильно»,— сказал господин Хэйдзаэмон и сейчас же пошел доложить об этом деле начальнику хатамото превосходительному Кобаяси Гондаю. Дело было оставлено без последствий, победитель был объявлен правым, а побежденный признан виноватым.

¹ Усигомэ — старинный квартал в северо-западной части Эдо.

Итак, Иидзима Хэйтаро, двадцати двух лет от роду, зарубил наглого негодя, выказав при этом отменную смелость и присутствие духа. Шли годы, он набирался знаний и мудрости, а когда скончался почтенный отец его, к Хэйтаро перешел по праву наследства родительский дом, и он принял родительское имя, став отныне Иидзимой Хэйдзаэмоном. Потом он женился, взяв за себя дочь хатамото из Суйдобата, по имени Миякэ, и вскоре у него родилась девочка, которую нарекли О-Цую. Была она на диво хороша собой, и родители души в ней не чаяли, тем более что больше детей у них не случилось, холили и нежили ее всячески.

Дни и месяцы бегут, не зная застав, и вот уже О-Цую встречает свою шестнадцатую весну, а дом Иидзимы стал полная чаша.

Но так уж повелось в этом мире, что где прибавляется, там и убавляется. Супруга Иидзимы вдруг захворала и отправилась в путешествие, из которого не возвращаются. Между тем в свое время она привела с собой в дом мужа служанку по имени О-Куни, девушку красивую и весьма расторопную, и вот после смерти супруги господин, наскучив одиночеством в постели, однажды приблизил эту О-Куни к себе, и кончилось дело тем, что стала она его наложницей. Наложница господина в доме, где нет законной супруги,— персона видная. Барышня же О-Цую возненавидела ее, и между ними пошли раздоры. Барышня пренебрежительно звала бывшую служанку просто Куни¹, а та со злости нашептывала госпо-

¹ ...звала бывшую служанку просто Куни...— Многие женские имена имеют уважительный префикс «О». Опускается этот префикс лишь при подчеркнуто презрительном обращении.

дину про его дочь всякие гадости. Не было конца этой вражде, и тогда раздосадованный господин Иидзима купил неподалеку от Янагисима небольшое поместье и переселил туда барышню на отдельное жительство с молодой служанкой О-Ёнэ.

Так он совершил ошибку, с которой началось падение его дома. Минул еще один год, и барышне исполнилось семнадцать лет.

К господину Иидземе часто заходил лекарь по имени Ямамото Сидзё. Считался он знатоком древней китайской медицины, па деле же был из тех лекарей-болтунов, что ни разу в жизни своей не подали болящему ложки с лекарством. У других лекарей в сумках пилюли и порошки, а у этого только костяшки для фокусов да бумажные шутовские маски. И был у него знакомый, ронин Хагивара Синдзабуро, живший на доходы с рисовых полей в Нэдзу и домов, которые он сдавал внаем. Природа наделила его прекрасной наружностью, но в свои двадцать с лишним лет он еще не был женат и, не в пример всем прочим холостым мужчинам, был крайне застенчив и робок. По этой причине он никуда не выходил, а целыми днями сидел взаперти у себя дома над книгой, погруженный в меланхолию. В один прекрасный день Сидзё явился к нему и объявил:

— Погода сегодня прекрасная, предлагаю прогуляться по сливовым садам в Камэидо. На обратном пути заглянем в усадьбу одного моего знакомого, Иидзимы Хэйдзаэмона. Нет-нет, не отказывайся. Я знаю, ты застенчив и сторонись женщины, но ведь нет для мужчины большей радости, нежели женщина! А в этой усадьбе, о которой я говорю, одни только женщины,— миленькая барышня да ее добрая верная служанка, больше никого нет. Зайдем хоть шутки ради! Знаешь,

на девичью красоту полюбоваться просто — и то уже утешительно. Хороша цветущая слива, спору нет, но она неподвижна и молчит, а женщина пленяет нас и речью и движениями. Я вот человек легкомысленный, мне подавай женщину... В общем, собирайся, пошли.

Так или иначе, лекарю удалось уговорить Хагивару. Они отправились в Камэидо, погуляли по сливовым садам, а на обратном пути завернули в усадьбу Иидзимы.

— А вот и мы! — крикнул у калитки Сидзё. — Разрешите?

— Кто это? — отозвалась из дома Ёнэ. — Ой, да это господин Сидзё! Добро пожаловать!

— Здравствуйте, госпожа О-Ёнэ, — сказал Сидзё. — Низжайше прошу прощения, что столь долго не навещал вас. Барышня, надеюсь, здорова? Превосходно. Нелегко, однако, стало добираться до вас, с тех пор как вы переселились сюда из Усигомэ! Но все равно, это непростительная небрежность с моей стороны.

— Вы у нас так давно не были, — сказала Ёнэ. — Мы уж решили было, что с вами что-нибудь стряслось. Мы ведь вас частенько вспоминаем. А куда это вы сегодня ходили?

— Поглядеть на цветущие сливы в Камэидо, — ответил Сидзё. — Но знаете ли, недаром говорят, что любоваться цветущей сливой можно без конца. Мы так и не нагляделись и просим разрешения побыть среди цветущих слив в вашем саду.

— Пожалуйста, сколько угодно! — воскликнула Ёнэ, отворяя калитку в садик. — Мы будем только рады... Проходите, пожалуйста.

— Вы очень добры.

Приятели прошли в садик. Ёнэ, нисколько не стеснясь, заметила:

— Можете и покурить здесь... Право, как приятно, что вы вздумали сегодня навестить нас. Мы с барышней совсем истомились от скуки. А теперь простите, я на минутку оставлю вас.

— Превосходный дом...— сказал Сидзё, когда Енэ ушла.— Кстати, мой благородный друг Хагивара, меня поразил тот изысканный стих, который ты сложил сегодня. Как это там у тебя... Э-э...

Огни до трубки
Не донесет моя рука
Средь сливовых ветвей...¹

Очаровательно! А вот у грешников, вроде меня, и стишки получают грешные:

А у меня иное на уме,
Когда хвалю я сливу,
Другой меня притягивает запах...

Каково? Нет, ты просто невозможен. Ну куда это годится — пребывать в постоянной меланхолии и ничего, кроме книг, не замечать? — Тут Сидзё извлек тыквенную бутылку.— Здесь осталось еще немного водки, глоти... Что? Не хочешь? Ну как хочешь, тогда я сам.

Но в это время появилась Енэ с угощением.

— Извините, я оставила вас одних,— сказала она.

— Госпожа О-Енэ! — провозгласил Сидзё.— Мы просим разрешения лицезреть барышню! Это мой ближайший друг, рекомендую. Мы к вам сегодня запросто, без гостинцев, так что... О, сладости! Какая прелесть. Благодарим от души. Хагивара, отведай. Бобовая пастила просто превосходна!

¹ Здесь и далее стихи даны в переводе В. Саповича.

Когда Ёнэ разлила чай и снова удалилась, Сидзё сказал:

— Ты угощайся, ешь больше. Этим ты только окажешь им услугу. Их в доме всего двое, а сладостей и всяких других гостинцев им приносят столько, что съесть они все равно не в состоянии. Добро портится, заводится плесень, хоть выбрасывай. А барышня здешняя такая красавица, какой нигде в мире не найдешь. Вот она сейчас выйдет, сам убедишься...

Пока Сидзё разглагольствовал, О-Цую, дочь Иидзимы, томимая любопытством, выглянула из своей маленькой комнатки в щелку между раздвинутыми сёдзи¹ и увидела прекрасного Хагивару Синдзабуро. Он сидел рядом с Сидзё, мужественный и изящный, лицом подобный цветку, с бровями как месяц, красавец мужчина, от которого глаз не оторвать, и сердце О-Цую затрепетало. «Да каким же ветром занесло его к нам сюда на мою погибель?» — подумала она. У нее закружилась голова и мочки ушей вспыхнули алым пламенем. Ни с того ни с сего ею овладел страх, она быстро захлопнула сёдзи, как бы желая спрятаться, но так ей не было видно его лица, и она снова раздвинула сёдзи, притворяясь, будто любитесь цветущими сливами в садике, бросила украдкой взгляд на Хагивару, снова застыдилась и спряталась и снова выглянула. Так она выглядывала и пряталась, пряталась и выглядывала, не зная на что решиться.

— Послушай, Хагивара,— сказал Сидзё,— ведь барышня с тебя глаз не сводит! Посмотри, притворяется, будто смотрит на сливы, а глядит все время сюда! Ну, друг мой, сегодня ты меня обскакал, ничего не попишешь. Вот опять спряталась... Опять выглянула... То

¹ Сёдзи — раздвижные перегородки в японском доме.

спрячется, то выглянет, то выглянет, то спрячется, ну ни дать ни взять баклан на воде — то нырнет, то вынырнет!

Сидзё уже орал во весь голос. Ёнэ принесла вино и закуски.

— Барышня просит вас принять угощение,— сказала она.— У нас, правда, все простое, без разносолов, но барышня надеется, что вы останетесь довольны и, как всегда, потешите ее своими шутками...

— Помилуйте, сколько беспокойства...— сказал Сидзё.— Что это, суп? Замечательно. И подогретая водка? Отлично. Холодная у нас еще осталась, но подогретая куда лучше. А нельзя ли попросить к нам барышню? Ведь, говоря по правде, мы к вам сегодня не из-за цветущей сливы вовсе, а из-за барышни... Что? Нет-нет, я ничего.

Ёнэ расхохоталась.

— Я ее уже звала выйти, а она сказала: «Я не знакома с приятелем господина Сидзё, и мне неловко». Я ей говорю: «Тогда, конечно, не выходите». А она и говорит: «Выйти все-таки хочется».

— Да что вы! — воскликнул Сидзё.— Это же мой самый близкий приятель, друг детства, можно сказать, мы с ним чуть ли не в лошадки вместе играли. Зачем же его стесняться? Мы ведь и пришли, чтобы хоть одним глазком взглянуть на нее!

После долгих уговоров Ёнэ все-таки вывела барышню к гостям. Барышня О-Цую едва слышно поздоровалась с Сидзё и, застыдившись, присела позади служанки. Она словно прилипла к Ёнэ и всюду ходила за ней по пятам.

— Простите, что так долго не был у вас,— обратился к ней Сидзё.— Приятно видеть вас в добром здравии. Разрешите представить вам моего приятеля. Он холост, и зовут его Хагивара Синдзабуро. А теперь давайте в честь нового знакомства обменяемся чарками... Вот так. Ого!

Ни дать ни взять брачная церемония! Только там обмениваются трижды три раза...

Сидзэ сыпал словами без передышки. Между тем барышня, стыдясь и радуясь одновременно, то и дело незаметно поглядывала на Хагивару Синдзабуро. Известно, однако, что любовь говорит глазами не хуже, чем языком, и вот Синдзабуро, глядевший как замороженный на прелестную девушку, ощутил, будто душа его вырвалась из тела и уносится в небеса. Так они сидели, а тем временем спустились сумерки, настало время зажигать огни, но Синдзабуро и не заикался о возвращении домой. Наконец Сидзэ спохватился:

— А мы изрядно засиделись, пора и честь знать.

— Ну что вы, господин Сидзэ,— возразила Ёнэ.— Может быть, ваш товарищ еще не собирается уходить, почему вы знаете? И вообще, оставайтесь у нас ночевать!

— Я с удовольствием,— поспешно сказал Синдзабуро.— Я могу остаться.

— Итак,— вздохнул Сидзэ,— я навлекаю на себя всеобщее осуждение. Впрочем, как знать, истинная доброта, возможно, в этом и состоит! Все-таки на сегодня довольно, давайте прощаться.

— Простите,— сказал Синдзабуро,— нельзя ли мне в уборную?

— Пожалуйста,— сказала Ёнэ и повела его в дом. Когда они проходили коридор, она показала:— Здесь комната барышни, можете потом зайти и покурить.

Синдзабуро поблагодарил. Вернувшись в садик, Ёнэ шепнула О-Цую:

— Когда он выйдет, полейте ему воды, пусть помоеет руки. Вот вам полотенце.

Она протянула барышне чистое полотенце. «Это доставит ей удовольствие,— сказала она про себя,— кажется,

он очень ей понравился». Так верность, не знающая меры, оборачивается подчас предательством. Ёнэ в голову никогда бы не пришло подбить свою молодую хозяйку на беспутный поступок, она думала только о том, чтобы угодить хозяйке, развлечь ее немного — ведь барышня не знала в жизни никаких удовольствий и проводила дни в грусти и унынии.

А Хагивара, выйдя из уборной, увидел перед собой барышню, державшую в руках ковшик с теплой водой. Она была так смущена, что не в силах была выговорить ни слова. «Спасибо большое, — пробормотал Синдзабуро, — вы очень любезны». Он протянул к ней ладони, и барышня, у которой от стыда потемнело в глазах, принялась лить воду мимо его рук. Гоняясь за струей воды, он кое-как обмыл руки, но теперь барышня, оробев, ничем не хотела расстаться с полотенцем. Синдзабуро, не спуская глаз с прекрасной девицы, потянул полотенце к себе. Она в смятении не отпускала. Тогда он с превеликой робостью пожал через полотенце ее руку. Знали бы вы, какая нежность была заключена в этом пожатии! Барышня, покраснев как маков цвет, ответила ему.

Между тем Ямамото Сидзё, обеспокоенный долгим отсутствием приятеля, заподозрил неладное.

— Куда это запропастился Синдзабуро? — сказал он сердито и поднялся. — Ведь нам пора идти.

— Ой, что это? — воскликнула Ёнэ, чтобы отвлечь его внимание. — Да у вас голова блестит!

— Это потому, что вы смотрите на нее при свете фонаря, — объяснил Сидзё. — Хагивара! — заорал он. — Эй, Хагивара!

— Перестаньте, — укоризненно сказала Ёнэ. — Ничего дурного не случится. Вам же известен характер нашей барышни, она у нас нрава строгого...

Тут наконец появился Синдзабуро.

— Где это ты пропадал? — сказал Сидзё и повернулся к Ёнэ.— Нам пора, разрешите откланяться. Сердечно благодарим за угощение.

— Что ж, до свидания,— сказала Ёнэ.— Жаль, конечно, что вы так горопитесь...

Сидзё и Синдзабуро пошли домой. В ушах Синдзабуро ни на минуту не смолкали слова, которые с большим чувством прошептала ему при расставании О-Цую: «Если вы не вернетесь ко мне, я умру».

ГЛАВА III

В доме Иидзимы, где теперь безраздельно хозяйничала О-Куни, наложница господина, взяла нового слугу, дзоритори¹ по имени Коскэ, красивого белолицего парня лет двадцати двух. Как-то раз, двадцать второго марта, господин Иидзима, который был в тот день свободен от дежурства при дворе сёгуна, вышел в сад, и тут Коскэ впервые попался ему на глаза.

— Эй, малый! — позвал Иидзима.— Это тебя зовут Коскэ?

— Желая здравствовать, ваша милость,— сказал тот.— Да, меня зовут Коскэ, я ваш новый слуга.

— О тебе хорошо отзываются,— заметил Иидзима.— Говорят, что ты усерден не за страх, а за совесть, и все тобой довольны, хотя ты у нас недавно. На вид тебе года двадцать два... Право, такого парня жаль держать на должности простого дзоритори.

¹ *Дзоритори* — звание слуги в доме самурая; прислужник, который несет в пути обувь своего господина.

— Я слышал,— вежливо сказал Коскэ,— что в последнее время ваша милость были не совсем здоровы. Надеюсь, вы поправились?

— Твоя заботливость мне по душе. Да, я вполне здоров. Между прочим, ты где-нибудь служил до сих пор?

— Да, ваша милость, я служил в разных местах. Сначала я поступил в услужение к торговцу скобяными изделиями в Ёцуя, пробыл у него год и сбежал. Затем я поступил в кузницу на Симбаси и сбежал оттуда через три месяца. После этого я нанялся в книжную лавку, что в Накадори, и ушел из нее на десятый день.

— Если тебе так быстро надоедает служба,— усмехнулся Иидзима,— то как же ты сможешь служить у меня?

— У вас мне не надоест, ваша милость,— возразил Коскэ.— Я ведь всегда мечтал поступить на службу к самураю. У меня есть дядя, и я просил его устроить меня, но он считает, что служить у самурая чересчур тяжело. Он убеждал меня служить у торговцев и ремесленников, старался, устраивал меня, а я со злости уходил отовсюду.

— Но почему ты хочешь служить именно у самурая? Служба эта действительно тяжелая и строгая!

— В услужении у самурая, ваша милость,— ответил Коскэ,— я надеялся научиться фехтованию.

— Тебе так нравится фехтование? — удивился Иидзима.

Коскэ сказал:

— Мне стало доподлинно известно, что господин Курихаси с улицы Бантё и ваша милость являетесь признанными мастерами старинной школы «синкагэ-рю»¹, и я решил во что бы то ни стало поступить на службу в один

¹ Школа «синкагэ-рю» — одна из старинных феодальных школ фехтовального мастерства.

из этих домов. Мое желание исполнилось, я стал вашим слугой и возношу благодарность за то, что мои молитвы были услышаны. Я поступил к вам в надежде, что, может быть, ваша милость согласится в свободное время хотя бы понемногу учить меня искусству фехтования. Я надеялся, что в доме есть молодой господин и я, ухаживая за ним, буду наблюдать со стороны за его упражнениями и смогу усвоить хотя бы некоторые выпады. К сожалению, молодого господина не оказалось. Есть всего лишь барышня, дочь вашей милости, жить она изволит в усадьбе в Янагисима, и ей семнадцать лет. Как хорошо было бы, если бы в доме жил молодой господин! Ведь барышня в доме самурая все равно что навоз!

Иидзима рассмеялся.

— А ты, однако, нахал,— сказал он.— Впрочем, ты прав. Женщина в доме самурая действительно все равно что навоз.

— Простите великодушно,— смущенно сказал Коскэ.— Я забылся и наговорил неприличных слов... Но, ваша милость, скажите, могу ли я надеяться, что вы согласитесь в свободное время, как я сейчас говорил, наставить меня в фехтовании?

— Видишь ли,— ответил Иидзима,— недавно я получил новую должность, и у меня теперь по горло всяких дел, да и площадки для фехтования у нас нет. Впрочем, как-нибудь на досуге мы займемся... А чем торгует твой дядя?

— Он мне не родной,— сказал Коскэ.— Просто он был поручителем за отца перед хозяином нашего дома и взял меня в племянники.

— Вот как... А сколько лет твоей матушке?

— Матушка оставила меня, когда мне было четыре года. Говорили, что она уехала в Этиго.

— Какая же она бессердечная женщина,— сказал Иидзима.

— Это не совсем так, ваша милость. Ее вынудило к этому дурное поведение отца.

— А отец твой жив?

— Отец умер,— грустно ответил Коскэ.— У меня не было ни братьев, ни других родственников, и позаботиться обо мне было некому. Наш поручитель, господин Ясубэй, взял меня к себе и воспитывал с четырех лет. Он относится ко мне как к родному... А теперь я слуга вашей милости и прошу не оставлять меня своим вниманием...

Из глаз Коскэ закапали слезы. Иидзима Хэйдзаэмон тоже заморгал.

— Ты молодец,— сказал он.— Ты заплакал при одном упоминании о родителях, а ведь в твои годы многие забывают годовщину смерти отца. Ты верен сыновнему долгу. Так что же, отец твой скончался недавно?

— Отец скончался, когда мне было четыре года, ваша милость.

— О, в таком случае ты, наверное, совсем не помнишь своих родителей...

— Совсем не помню, ваша милость. Я узнал о них от дяди, господина Ясубэй, только когда мне исполнилось одиннадцать лет.

— Как же умер твой отец?

— Его зарубили...— начал было Коскэ и вдруг громко разрыдался.

— Вот несчастье,— проговорил Иидзима.— Как это могло случиться?

— Это большое несчастье, ваша милость. Его зарубили восемнадцать лет назад, возле лавки оружейника по имени Фудзимуря Симбэй, что в квартале Хонго.

Иидзима Хэйдзаэмон почувствовал, как что-то кольнуло у него в груди.

— Какого месяца и числа это случилось? — спросил он.

— Мне сказали, что одиннадцатого апреля, ваша милость...

— Имя твоего отца?

— Его звали Курокава Кодзо, раньше он был вассалом господина Коидэ, служил у него в конюших и получал сто пятьдесят коку риса в год...¹

Иидзима был поражен. Все совпадало. Человек, на которого он восемнадцать лет назад поднял руку по какой-то пустяковой причине, был родным отцом этого Коскэ, и бедный парень, ничего не подозревая, поступил в услужение к убийце своего отца! Сердце Иидзимы сжалось, но он не подал вида и промолвил:

— Представляю, как тебе горько все это...

— Да, ваша милость, — сказал Коскэ. — И я хочу отомстить за отца. Но отомстить, не зная фехтования, я не могу, ведь как бы там ни было, врагом моим является доблестный самурай. Вот почему с одиннадцати лет я мечтаю научиться владеть мечом. Я так счастлив, что поступил к вам на службу! Ваша милость, научите меня фехтовать! Под вашим высоким руководством я овладею этим искусством и в смертельной схватке отомщу за убийство родителя!

— Сердце твое верно сыновнему долгу, — проговорил Иидзима. — И я научу тебя владеть мечом. Но послушай,

¹ ...получал сто пятьдесят коку риса в год... — Самураи получали от своих сюзеренов за службу не деньги, а рисовый паек, размеры которого зависели от должности самурая. Коку — мера объема, около 180 литров.

вот ты говоришь, что отомстишь за убийство родителя. А что бы ты стал делать, если бы твой враг появился перед тобой сейчас и объявил: «Я твой враг»? Ведь ты не знаешь его в лицо, и вдобавок он превосходный фехтовальщик.

— Право, не знаю,— ответил Коскэ.— Впрочем, если бы он появился передо мной, то будь он хоть трижды блестящий самурай, я брошусь на него и перегрызу ему горло!

— Горячий же ты парень,— усмехнулся Иидзима.— Ну хорошо, успокойся. Когда ты узнаешь, кто твой враг, я, Иидзима, сам помогу тебе отомстить. А пока крепись и служи мне верно.

— Ваша милость сами поможете мне отомстить? — вскричал Коскэ.— Как мне благодарить вас? С вашей помощью я справлюсь с десятком врагов! О, спасибо вам, спасибо!

«Бедняга, как ты обрадовался, что я помогу тебе отомстить»,— подумал Иидзима Хэйдзаэмон. Пораженный таким примером верности сыновнему долгу, он твердо решил при случае открыться Коскэ и дать ему убить себя. Это решение он отныне постоянно носил в своем сердце.

ГЛАВА IV

Итак, Хагивара Синдзабуро вместе с Ямамото Сидзё ходил в Камэидо любоваться цветущими сливами, на обратном пути они зашли в усадьбу Иидзимы, и там Синдзабуро неожиданно очаровала красавица барышня О-Цую. Между ними всего только и было, что пожатие рук через полотенце, но любили они друг друга уже более крепко, чем если бы спали вместе в одной постели.

В старину люди относились к таким вещам строго. Это в наше время мужчины словно бы в шутку предлагают женщине: «Эй, милашка, приходи переспать с нами!» — «Подите вы с такими шутками!» — отвечает женщина, и тогда мужчины обижаются: «Что же ты так с нами разговариваешь? Не хочешь — так и скажи, поищем другую!» Как будто ищут свободную комнату. А вот между Хагиварой Синдзабуро и барышней О-Цую ничего недозволенного еще не было, но он уже привязался к ней так, словно они лежали, склонив головы на одно изголовье.

Однако, будучи мужчиной благонаправленным, Синдзабуро никак не мог решиться на свидание с возлюбленной. «Что со мной будет, — в страхе думал он, — если меня там увидит кто-нибудь из слуг Иидзимы? Нет, одному туда лучше не ходить. Придет Сидзё, и мы отправимся вместе поблагодарить за гостеприимство».

Но Сидзё, как назло, не появлялся. Был он человек дошлый и в тот вечер сразу заподозрил в поведении Хагивары и О-Цую что-то неладное. «Если между ними что-нибудь случится, — рассудил он, — и об этом все узнают, я пропал, не сносить тогда мне своей бритой головы. Нет уж, не пойду я больше туда, ибо сказано: благородный муж от опасности держится подальше».

Напрасно прождав его в одиноких мечтах о возлюбленной весь февраль, март и апрель, Синдзабуро в конце концов даже есть перестал. И вот тут-то в один прекрасный день к нему явился некий Томодзо, снимавший с женой пристройку возле его дома. Жена его вела у Синдзабуро хозяйство.

— Что с вами приключилось, господин? — спросил Томодзо. — Вы совсем перестали кушать. Сегодня от обеда отказались.

— Не хочется,— сказал Синдзабуро.

— Кушать обязательно нужно,— объявил Томодзо.— В ваши годы надобно кушать по полтора обеда. Я, к примеру, если не улету пять или шесть полных с верхом больших чашек риса, то как будто и не ел вовсе... И со двора вы совсем выходить перестали. Вот помните, в феврале, кажется, прогулялись с господином Ямамото, полюбовались на цветущие сливы, как после этого повеселели, шутить начали... А нынче совсем перестали за здоровьем следить, губите себя!

— Послушай, Томодзо,— сказал Синдзабуро.— Ты любишь рыбную ловлю?

— Страсть как люблю. Мне это слаще рисовых колбков.

— Вот и хорошо. Поедем ловить рыбу вместе.

Томодзо удивился.

— Да вы же, кажется, рыбную ловлю терпеть не можете!

— Меня как-то сразу разобрало,— сказал Синдзабуро.— Захотелось вдруг поудить.

— Что ж, разобрало так разобрало,— сказал Томодзо.— А куда бы вы хотели поехать?

— Говорят, хорошо клюет на Ёкогаве у Янагисимы. Может быть, поедем туда?

— Это там, где Ёкогава впадает в Накагаву? Помилуйте, да чему там клевать-то?

— Большие бониты клюют.

— Что за глупости вы говорите, господин,— рассердился Томодзо.— С каких это пор бониты водятся в реках? Самое большее, что там можно поймать, это лобана или окуня... А в общем, если вам так хочется туда, поедем туда.

Он тут же приготовил дорожную закуску, наполнил бамбуковые фляги водкой, нанял лодку с гребцом на лодочном дворе у моста Сяхэйбаси, и скоро они были на Ёкогаве. Синдзабуро, который не рыбу ловить хотел, а надеялся хоть одним глазком полюбоваться своей возлюбленной через ограду усадьбы Иидзимы, сразу принялся за водку, сильно опьянел и заснул. Томодзо удил до самых сумерек и только тогда заметил, что Синдзабуро спит.

— Господин! — окликнул он с беспокойством. — Проснитесь, господин! Простудитесь еще чего доброго, в мае здесь вечера прохладные! Слышите, господин, проснитесь! Водки я взял слишком много, что ли?

Синдзабуро вдруг открыл глаза и огляделся. Ёкогава?

— Томодзо, — сказал он, — где это мы?

— На Ёкогаве, — ответил Томодзо.

Синдзабуро посмотрел на берег. На берегу возвышался храм Кэннин, окруженный двойной оградой, в ограде виднелась калитка. Да нет, это же усадьба Иидзимы, конечно...

— Подгреби к берегу, Томодзо, — попросил Синдзабуро. — Причалъ вон у того места, мне надо сходить кое-куда.

— Куда это вы пойдете? — возразил Томодзо. — Тогда уж давайте я с вами пойду.

— Ты подождешь меня здесь.

— Разве Томодзо здесь не для того, чтобы все время быть подле вас? Пойдемте вместе!

— Дурень, — нетерпеливо сказал Синдзабуро. — В любви провожатый только помеха!

— Да вы никак шутите! — засмеялся Томодзо. — Это хорошо...

Тут лодка пристала к берегу. Синдзабуро подошел к калитке и, весь дрожа, оглядел усадьбу. Калитка была

приоткрыта, он толкнул, и она распахнулась. Он прошел за ограду. Он знал, где и что находится, и потому направился прямо через садик к сосне, которая росла на берегу пруда, а от сосны свернул вдоль живой изгороди. Вот наконец и комната О-Цюю. Барышня тоже любила его, с минуты расставания думала только о нем и тяжело переживала разлуку. На кого бы она ни взглянула, виделся ей один только Синдзабуро, и, когда он подошел к двери и заглянул в комнату, она вскрикнула и спросила, не веря глазам:

— Вы ли это, господин Синдзабуро?

— Тише, тише,— проговорил Синдзабуро.— Простите, что я так долго не давал о себе знать. Мне так хотелось снова посетить вас и поблагодарить за гостеприимство, но Ямамото Сидзё с тех пор и не заходил ко мне, а явиться к вам одному мне казалось как-то неловко.

— Как хорошо, что вы пришли! — воскликнула О-Цюю.

Куда девалось ее смущение! Забыв обо всем на свете, она схватила Синдзабуро за руку и увлекла под сетку от комаров. Не в силах слова молвить от полнившей ее радости, она положила руки на колени Синдзабуро, и из глаз ее покатались счастливые слезы. Это были истинные слезы счастья, не те пустые слезы, что проливает, желая выразить сочувствие, чужой человек. Теперь мне все равно, подумал Синдзабуро. Будь что будет. И тут же, под сеткой от комаров, они разделили изголовье. После этого О-Цюю принесла шкатулку для благовоний и сказала:

— Эту драгоценную шкатулку я получила в наследство от моей матери. Я хочу сделать тебе подарок на память.

Синдзабуро оглядел шкатулку. Это была прекрасная вещь, вся в инкрустациях из слоновой кости и золота,

изображающих бабочек на осеннем поле. О-Цую отдала Синдзабуро крышку, себе оставила ящик, и они сидели, нежно беседуя, как вдруг фусума¹ раздвинулись, и в комнату вошел отец О-Цую, господин Иидзима Хэйдзаэмон. При виде его любовники так и ахнули. Они были так испуганы, что не могли двинуться с места. Хэйдзаэмон, подняв ручной фонарик, гневно сказал:

— Цую, ко мне! А вы кто такой?

— Я недостойный ронни,— ответил Синдзабуро.— И зовут меня Хагивара Синдзабуро. Поистине я совершил ужасный проступок.

— Что же, Цую,— сказал Хэйдзаэмон,— ты жаловалась, что Кунн обижает тебя, отец твой ворчит, ты захотела жить отдельно от нас, просила, чтобы тебя переселили в какое-нибудь тихое место. Я поселил тебя здесь — и что же? Ты затащила сюда мужчину? Видно, для того ты и искала укромное местечко, чтобы распутничать вдали от родительских глаз. Дочь хатамото затащила к себе мужчину! Да знаешь ли ты, что, если это станет известно, имя мое будет опозорено? Иидзима не уследил за чистотой домашнего очага своего!² Но самое главное — ты опозорила нас перед предками. Дрянь, забывшая о чести отца, забывшая о своей девичьей чести, приготовься, я зарублю тебя сейчас своею рукой!

— Подождите! — вскричал Синдзабуро.— Выслушайте меня! Да, дважды справедлив ваш гнев, но виновата не барышня, виноват я, один только я! Не она забыла

¹ *Фусума* — раздвижная перегородка.

² *Иидзима не уследил за чистотой домашнего очага...*— Феодальное судебное законодательство предусматривало наказание для главы семейства, в доме которого совершен проступок против морали (наказание вплоть до указа совершить самоубийство).

девичью честь и затащила меня к себе, а я соблазнил ее и склонил к разврату! Умоляю вас, сохраните ей жизнь, убейте меня!

— Нет! — закричала О-Цую.— Нет, отец! Это я во всем виновата! Руби меня, только прости Синдзабуро!

Крича наперебой, оспаривая друг у друга смерть, они на коленях подползли к Хэйдзаэмону. Хэйдзаэмон обнажил меч.

— Прощения не будет никому,— сказал он отрывисто.— За блуд отвечают оба. Первой умрет дочь. Молись.

Он нанес страшный косой удар, и голова в прическе «симада» со стуком упала к его ногам. Хагивара Синдзабуро, вскрикнув от ужаса, упал ничком. В тот же миг меч Хэйдзаэмона с хрустом разрубил его лицо от виска до подбородка. Он застонал и перевалился на спину...

— Господин! Господин! — встревоженно тормозил его Томодзо.— Что это вы так страшно воете? Перепугали меня до смерти. Не простыньте смотрите...

Синдзабуро наконец открыл глаза и глубоко, с облегчением вздохнул.

— Что с вами? — спросил Томодзо.

— Послушай, Томодзо,— с трудом проговорил Синдзабуро,— скажи, есть у меня что-нибудь на плечах?

— Есть, конечно,— ответил Томодзо.— Одеты вы как полагается. А что, замерзли?

— Да я не об этом... Я спрашиваю, голова у меня на плечах? Не отрублена?

— Вы сегодня все шутки шутите,— сказал Томодзо.— Ничего у вас не отрублено, голова на месте.

Синдзабуро даже вспотел. Значит, все это приснилось ему. Верно, очень уж сильно он хотел повидать О-Цую. Плохое предзнаменование, решил он, надо скорее возвращаться. Он сказал:

— Поехали домой, Томодзо. И поскорее.

Лодка быстро отправилась в обратный путь. Когда они пристали к берегу и Синдзабуро хотел сойти, Томодзо остановил его.

— Вы тут обронили, господин, возьмите, — сказал он, протягивая Синдзабуро какой-то предмет.

Синдзабуро взял и поднес к глазам. Это была крышка от шкатулки для благовоний с инкрустациями в виде бабочек на осеннем поле, той самой шкатулки, которую во сне подарила ему дочь Иидзимы. Пораженный, он долго смотрел на эту крышку, силясь понять, как она могла очутиться в его руках.

ГЛАВА V

Иидзима Хэйдзаэмон был человек выдающихся достоинств и добродетелей. Он превзошел все искусства, особенно же славился своим искусством владеть мечом, так как постиг все тонкости старинной школы фехтования «синкагэ-рю». Лет ему было сорок, и он выделялся среди людей обычного толка, но все же его наложница Куни, бесстыжая баба, тайно спуталась с сыном соседа, молодым парнем по имени Гэндзиро. Всякую ночь, когда господин уходил на дежурство, этот Гэндзиро прокрадывался в дом через садовую калитку, которую О-Куни предусмотрительно оставляла открытой, и никто об этом даже не подозревал, поскольку в господских покоях всем управляла сама О-Куни.

Так было и двадцать первого июля. Господин Иидзима отправился на ночное дежурство, а его наложница в ожидании любовника выставила у открытой калитки гэта¹

¹ Гэта — род деревянной обуви.

и приказала служанке раздвинуть на веранде ставни. «Жарко сегодня, сил нет,— пожаловалась она.— Без свежего воздуха не уснешь».

Гэндзиро, убедившись, что в доме все заснули, прошел босиком по плитам садовой дорожки, забрался на веранду через раздвинутые ставни и прокрался в спальню О-Куни.

— Почему ты так поздно? — обиженно спросила О-Куни.— Я вся извелась, не знала уж, что и подумать.

— Мне тоже хотелось пораньше,— сказал Гэндзиро,— да ничего не вышло. У нас из-за жары никто спать не ложился. Брат, сестра, мать, слуги даже, все сидели и обмахивались веерами. Насилу я вытерпел, пока они улеглись... Слушай, о пас никто не знает?

— Никто, не беспокойся. Да и кому знать, когда сам господин покровительствует тебе? Это я устроила, чтобы тебя приняли в нашем доме после того, как старший брат твой простил тебя. Это я так ловко настроила господина в твою пользу. Уж на что мой господин умен и тонок, сразу насторожился бы, заметь он у нас с тобой хоть что-нибудь странное, а ведь так ничего и не подозревает.

— Да,— сказал Гэндзиро,— дядюшка¹ человек необычайной мудрости, я его, признаться, очень боюсь. Кроме того, ведь это он уговорил брата разрешить мне вернуться, когда меня за разные делишки сослали отсюда к родственникам в Оцука. Было бы просто ужасно, если бы открылось, что я сошелся с тобой, возлюбленной моего благодетеля!

— Как у тебя язык поворачивается говорить мне это? — рассердилась О-Куни.— Сердца у тебя нет, вот что! Я за тебя умереть готова, а ты только и знаешь, что

¹ Дядюшка — почтительное обращение к знакомому старшему.

придумываешь разные отговорки, лишь бы отвязаться от меня... Послушай, Гэн, дочка господина умерла, других наследников нет, не миновать брать в наследники кого-нибудь со стороны!¹ Я на этот счет намекнула господину, что подошел бы сын соседа Гэндзиро, но господин сказал, что ты слишком молод и жизненные намерения твои еще не определились...

— Да, уж конечно, не определились, если я забрался в постель к любимой наложнице своего благодетеля...

— Вот что, Гэндзиро,— решительно сказала О-Куни.— Господин проживет еще много лет. Если я вечно буду подле него, а тебя отдадут в сыновья куда-нибудь на сторону, видеться мы не сможем. А если вдобавок жена у тебя будет красивой, ты обо мне и думать забудешь. А раз так, то вот тебе мой наказ: если ты мне по-настоящему верен, убей господина!

— Что ты! — воскликнул Гэндзиро.— Убить дядюшку, убить своего благодетеля? Нет, этого я не могу. Совесть у меня еще есть.

— Теперь нам уже не до благодарности и не до чести,— сказала О-Куни.

— Все равно, дядюшка же лучший в округе мастер школы «синкагэ», он шутя справится с двумя десятками таких, как я! Мечом-то я владею из рук вон плохо!

— Да, мечом ты владеешь плохо, ой как плохо,— насмешливо заметила О-Куни.

— В том-то и дело... И нечего из-за этого смеяться надо мной!

¹ брать в наследники кого-нибудь со стороны.— Имеется в виду обычай усыновлять или брать в зятья с правами сына и наследника молодого человека из чужой семьи, иногда даже слугу.

— Мечом ты владеешь плохо, это так,— сказала О-Куни.— Но ты часто выезжаешь с господином на рыбную ловлю. Кажется, вы договорились четвертого числа будущего месяца отправиться на Накагаву, не так ли? Вот там ты столкнешь господина в воду и утопишь его.

— Действительно, плавать дядюшка не умеет... Нет, все равно ничего не выйдет. Ведь с нами будет лодочник.

— А лодочника заруби. Как бы плохо ты ни владел мечом, но хоть лодочника-то зарубить сумеешь?

— Лодочника зарубить я, конечно, смогу...

— Когда господин упадет в воду, ты рассердишься и не сразу дашь лодочнику искать его. Спорь, придирайся, выдумывай всякую чепуху, но пусть он начнет искать не раньше, чем часа два спустя. Когда же он вытащит тело, скажи ему, что во всем виноват он, и заруби его. Затем на обратном пути ты заедешь на лодочный двор и объявишь хозяину, что лодочник по небрежности столкнул господина в реку, господин утонул и ты, вне себя от горя, зарубил лодочника на месте. Далее ты скажешь, что вина лежит не только на лодочнике, что следовало бы зарубить и его хозяина, но ты, мол, великодушно решил замять это дело и потому приказываешь хозяину никому ничего не рассказывать. Дрожа за свою жизнь, хозяин лодочного двора, конечно, рта не посмеет открыть. Ты же вернешься домой, как будто ничего не знаешь, и сразу приступишь к старшему брату с просьбой, чтобы тебя без промедлений отдали наследником в дом Иидзимы, поскольку-де наследников у господина Иидзимы нет. Об этом доложат начальнику хатамото, затем дело о твоём усыновлении пойдет на высочайшее утверждение, а мы тем временем доложим, что господин заболел. Когда же ты будешь введен в права усыновленного наследника, мы сообщим, что господин скончался, ты станешь здесь хозяином, и уж

тут-то я прилеплюсь к тебе на веки вечные. Дом наш гораздо богаче вашего, у тебя будет много прекрасной одежды и оружия.

— Ловко придумано! — восхитился Гэндзиро.

— Я три дня и три ночи думала, глаз не смыкала, — сказала О-Куни.

— Превосходно, совершенно превосходно!

Вот о чем втайне сговаривались О-Куни и Гэндзиро, обуянные подлыми устремлениями под соединенным действием похоти и жадности. А тем временем верный дзоритори Коскэ, которому не спалось от жары в его комнатке у ворот, вышел во двор. «Такой жары, как в этом году, еще не было», — бормотал он, обмахиваясь веером. Прохаживаясь по саду, он вдруг заметил, что калитка в ограде приоткрыта и легкий ветер раскачивает ее. «Странно, — сказал он себе, — я же сам закрыл ее, почему она открыта? Ого, да тут и гэта стоят... Кто-то пробрался к нам, не иначе. Не нравится мне поведение соседского шалопая и госпожи О-Куни, уж не снюхались ли они?»

Он на цыпочках направился к дому, уперся руками в каменную ступеньку и заглянул в комнату. Услышав, что собираются убить его господина, Коскэ рассвирепел. А так как права он был в свои двадцать с небольшим лет горячего, то, забывшись, яростно шмыгнул носом.

— О-Куни, — испуганно прошептал Гэндзиро, — здесь кто-то есть!

— Экий ты, однако, трус, — сказала О-Куни. — Ну кому здесь быть?

Все же она невольно насторожила уши и сразу почувствовала, что рядом кто-то затаился.

— Кто это там? — окликнула она.

— Это я, Коскэ, — отозвался дзоритори.

— Каков наглед! — вскричала О-Куни.— Как ты смел среди ночи приблизиться к женским покоем?

— Мне было жарко и душно, я вышел освежиться.

— Господин сегодня ночью на службе,— строго сказала О-Куни.

— Да, я знаю. Каждое двадцать первое число он ночью на службе.

— А если знаешь, то почему ты не у ворот? Сторож должен зорко охранять ворота, а ты осмелился покинуть свой пост, да еще явился освежаться в сад, где одни только женщины! Смотри, это тебе так не сойдет!..

— Да,— сказал Коскэ,— я сторож. Но я обязан сторожить не только ворота. Я охраняю также и дом и сад, я охраняю здесь все. И я не стану смотреть только за воротами, если в покои проникнут воры и набросятся с мечами на моего господина.

— Послушай, любезный,— сказала О-Куни.— Если господин благоволит к тебе, это не значит, что ты можешь своевольничать. Ступай в людскую и спи. В этом доме покои охраняю я.

— Вот как? — сказал Коскэ.— Почему же, охраняя покои, вы оставляете открытой садовую калитку? В открытую калитку пробралась собака, гнусная скотина, не знающая ни благодарности, ни чести, и эта скотина, жадно чавкая, пожирает самое ценное в доме моего господина. Я простою здесь в засаде всю ночь, но дождусь ее. Глядите, вот валяются гэта, значит, в дом кто-то забрался!

— Ну так что же? — сказала О-Куни.— Это пришел господин Гэндзиро, наш сосед.

— И для чего же господин Гэндзиро пожаловал?

— Это совершенно не твое дело! Ты дзоритори, ступай и охраняй ворота.

— Однако и господину Гэндзиро хорошо известно, что по двадцать первым числам наш господин находится на дежурстве. Странно, что он явился к нашему господину в его отсутствие!

— Ничего странного. Он явился вовсе не к господину.

— Да, не к господину, а к вам. И по какому-то тайному делу.

— Как ты смеешь? — возмутилась О-Куни. — Ты что, подозреваешь меня?

— Ничего я не подозреваю. Странно только, что вам пришло на ум, будто я подозреваю. Мне кажется, всякий на моем месте удивился бы, узнав, что в дом, где одни только женщины, среди ночи забрался мужчина.

— Ну, это уж слишком. Мне просто стыдно перед господином Гэндзиро. Как ты можешь так думать обо мне?

Гэндзиро, слышавший весь этот разговор, решил, что пора вмешаться. Он был человеком хитрым, как и всякий мерзавец, способный покуситься на наложницу соседа. Кроме того, в те времена положение самурая отличалось от положения простого слуги-дзоритори, как небо от земли. Гэндзиро вышел из комнаты и строго сказал:

— Что это ты там говоришь, Коскэ? Поди-ка сюда!

— Что вам угодно? — отозвался Коскэ.

— Я сейчас слушал тебя и поражался, — сказал Гэндзиро. — Ты намекаешь, будто мы с госпожой О-Куни находимся в непозволительной связи. Возможно, в свое время, когда за разгульное поведение меня изгнали из дома к родственникам в Оцука, такие подозрения и могли иметь основания. Но сейчас я собираюсь идти в наследники, и накануне такого серьезного шага в моей жизни слушать подобные вещи я не желаю.

— А если вы сами изволите сознавать, что находитесь накануне такого серьезного шага,— сказал Коскэ,— то почему среди ночи приходите в дом к женщине в отсутствие ее господина? Вы сами, словно нарочно, навлекаете на себя подозрения в нехороших намерениях! А что мальчика и девочку с семи лет вместе не сажают, что по бахчам в сапогах не ходят и под грушей шапку не поправляют — хоть это-то вам известно?

— Молчать! — закричал Гэндзиро. — Не смей мне дерзить! А если я пришел по делу? А если мое дело не требует присутствия хозяина? Что ты скажешь тогда?

— В этом доме не может быть дел, которые бы не требовали присутствия моего господина,— сказал Коскэ.— Если вы такое найдете, можете поступить со мной как вам благоугодно.

— На, читай! — сказал Гэндзиро и швырнул Коскэ лист бумаги.

Коскэ поднял лист. Это было письмо.

«Господину Гэндзиро. Позвольте напомнить вам, что ловить рыбу на Накагаве мы отправимся, как было условлено, четвертого числа будущего месяца. Поэтому прошу вас об одолжении: если у вас будет на то желание и свободное время, хотя бы даже и ночью, не сочтите за труд зайти в мой дом и починить рыболовную снасть, которая у меня пришла в негодность. К сему *Иидзима Хэйдзэмо*».

Коскэ был обескуражен. Он внимательно оглядел письмо. Все было правильно, письмо было написано рукой хозяина.

— Ну что? — с ехидством спросил Гэндзиро. — Ты ведь грамотный? Письмо, в котором твой господин приглашает меня зайти хотя бы ночью и починить снасть!

Нынче ночью мне от жары не спалось, вот я и пришел. А ты приилялся меня подозревать в разных глупостях, всячески меня поносил, оскорбил меня! Что же мы теперь с тобой будем делать?

— Все, что вы изволите говорить, ничего не значит,— угрюмо ответил Коскэ.— Не будь этого письма, я бы доказал свою правоту. Но письмо есть, и я проиграл. А кто из нас в действительности прав и кто виноват, спросите у своей совести. Только не извольте забывать, что я слуга этого дома и зарубить меня было бы опрометчиво.

— Кому нужно рубить такую грязную скотину, как ты? — презрительно сказал Гэндзиро.— Изобью до полусмерти, и будет с тебя. Не найдется ли у вас какой-нибудь палки? — обратился он к О-Куни.

— Вот, пожалуйста,— отозвалась та и протянула ему обломок лука сигэдо¹.

— Это несправедливо, господин,— сказал Коскэ.— Как же я смогу служить, если вы изувечите меня?

— Если подозреваешь человека, говори ему об этом прямо,— сказал Гэндзиро.— Приведи доказательства. Ты что, застал нас с госпожой О-Куни на одном ложе? Я пришел потому, что меня пригласил твой хозяин! Заруби это на носу, мерзавец!

Он с размаху ударил Коскэ. Тот вскрикнул от боли и сказал:

— Все равно вы говорите неправду. Прислушайтесь лучше к своей совести, а не бейте безответного дзоритори.

— Молчать! — закричал Гэндзиро и набросился на Коскэ. Коскэ с воплями покатылся по земле. Нанеся

¹ Лук *сигэдо* — лук, древко которого устроено из специального дерева со сложным, тонко рассчитанным расположением слоев.

дюжину ударов, Гэндзиро остановился, и Коскэ с ненавистью поглядел ему в лицо. Гэндзиро ударил его по лбу. Брызнула и полилась кровь.

— Тебя бы следовало убить, подлеца,— сказал Гэндзиро,— но так уж и быть, дарую тебе жизнь. Если впредь будешь болтать такое, то убью. А в дом ваш, госпожа О-Куни, я больше не приду.

— Если вы не будете приходить,— возразила О-Куни,— нас будут подозревать еще больше!

Но Гэндзиро, довольный поводом улизнуть, не стал слушать ее и отправился домой, шлепая босыми ногами по каменным плитам садовой дорожки. О-Куни повернулась к Коскэ, изнемогавшему от боли.

— Что, попало? — сказала она.— Сам виноват. Надо же, наговорить такое господину соседу! Ну что ты здесь торчишь? Убирайся вон отсюда!

Она изо всех сил пнула его в бедро. Он упал, больно ударившись коленом о каменную плиту. О-Куни задвинула ставни и удалилась к себе. А Коскэ бормотал дрожащим от злости голосом: «Скоты, скоты, подлые собаки, погрязли в своих гнусностях и меня же избили, все расскажу господину, когда он вернется... Нет-нет, так прямо рассказать нельзя, господин непременно устроит мне с ними очную ставку, они в оправдание покажут письмо, а и только разговор их слышал, других доказательств у меня нет, да еще этот Гэндзиро из самурайской семьи, а я всего-навсего подлого звания дзоритори, меня просто выгонят из дома хотя бы из вежливости перед соседом... А если меня здесь не будет, господина моего уж наверняка убьют. Сделать нужно по-другому. Гэндзиро и О-Куни заколоть пикой, а затем вспороть себе живот». Вот что придумал верный Коскэ. Что же будет дальше?

ГЛАВА VI

Двадцать третьего июня, когда Хагивара Синдзабуро одиноко сидел у себя дома в мечтах о барышне Иидзиме, к нему вдруг явился Ямамото Сидзё.

— Давненько я у тебя не был,— принялся он болтать.— И ведь все собирался, но, понимаешь, тащиться к тебе сюда с Адзабу очень уж далеко, да и лень, признаться, да вдобавок еще жара наступила такая, что даже у коновалов вроде меня пациенты появились, вот так одно на другое нашло, что только сегодня собрался... А ты что-то бледен, видимо, самочувствие у тебя неважное.

— Да, чувствую я себя скверно,— сказал Синдзабуро.— Лежу с середины апреля. Кушать не хочется совершенно, почти ничего не ем. И ты тоже хорош, столько времени не приходил! Я так хотел еще раз пойти в усадьбу господина Иидзимы, поблагодарить, хоть коробку сладостей отнести... Но ведь без тебя я пойти не мог...

— А знаешь,— сказал Сидзё,— барышня Иидзима-то скончалась, бедняжка.

— Как так скончалась?

— Зря я тогда водил тебя к ней. Она в тебя, кажется, влюбилась по уши, и что-то у вас там с нею было в ее комнате... Не думаю, впрочем, чтобы что-нибудь серьезное, но больше я туда не ходил. Помилуй! Да узнай об этом ее батюшка, он бы сразу что? «Где этот мерзкий сводник Сидзё?» — и — чик! — покатила бы моя бритая голова. Нет уж, уволь. А на днях захожу я в дом Иидзимы, и господин Хэйдзаэмон сообщает, что дочка его скончалась и следом за нею умерла также ее служанка О-Ёнэ. Я начал расспрашивать, что и как, и постепенно

понял, что барышня сгорела от любви к тебе. Вот и получается, что ты совершил преступление. Если мужчина родился чересчур красивым, он преступник. Вот так, друг мой. Ну ладно, умершие умерли, ничего не поделаешь. Помолись хоть за нее. Прощай.

— Погоди, Сидзё! — попытался остановить его Синдзабуро, но он уже скрылся.— Ушел... Хоть бы сказал, в каком храме ее похоронили, так нет, умчался... Какой ужас, неужели бедная девушка и вправду умерла от любви ко мне?

У него закружилась голова, уныние овладело им с новой силой, а так как он был человеком доброго сердца, то здоровье его совсем расстроилось. Он проводил теперь дни в молитвах перед домашней божницей, на которую возложил дощечку с посмертным именем своей возлюбленной.

Наступил праздник Бон¹, пришло тринадцатое число. Вечером, закончив все приготовления, Синдзабуро расстелил на веранде циновку, возжег ароматические палочки, надел белое кимоно и, обмахиваясь веером от комаров, устремил грустный взгляд на ясную полную луну. Вдруг он услышал за оградой стук гэта. Он оглянулся и увидел двух женщин. Впереди шла представительная женщина лет тридцати, в прическе «марумагэ». Она несла фонарь с модным в те времена шелковым колпаком в виде пиона. Следом шла молоденькая девушка в высокой прическе «симада». На ней было кимоно цвета осенней травы с узорами на подоле и рукавах, под которым виднелось нижнее кимоно алого шелка, затянутое атласным оби².

¹ Праздник Бон — день поминовения умерших, отмечается тринадцатого июля.

² Оби — широкий пояс, неременный предмет женской одежды.

В руке у нее был веер с лакированной ручкой. Женщины вышли на лунный свет. Синдзабуро всмотрелся. Что такое? Да ведь это же О-Цую, дочь Иидзимы! Он поднялся и вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть девушку. Увидев его, женщины остановились, и та, что была впереди, воскликнула:

— Не может быть! Господин Хагивара?

Синдзабуро тоже узнал ее.

— Госпожа О-Ёнэ? Как же так?

— Вот никогда бы не подумала,— сказала Ёнэ.— Нам же сказали, что вы умерли.

— Как? — изумился Синдзабуро.— А мне сказали, что умерли вы.

— Не смейте так говорить, это плохая примета. Кто вам мог такое сказать?

— Да вы заходите, пожалуйста,— спохватился Синдзабуро.— Вон там калитка, открывайте...— Когда женщины поднялись на веранду, он сказал:— Мне ужасно стыдно, что не навещал вас... А тут недавно заходит ко мне Ямамото Сидзё и рассказывает, что вы обе умерли...

— Ну что за негодяй,— воскликнула Ёнэ.— У нас он тоже был и рассказал, что вас больше нет на свете. Я понимаю, человек вы добродушный, и обвести вас нетрудно... А объясняется все, по-моему, очень просто. После вашего посещения барышня только и думала, что о вас. Ну, нет-нет, забудется и заговорит о вас. Бывало, при господине даже. А надо сказать, что у господина в доме есть наложница по имени О-Куни, женщина очень скверная. Все это, конечно, ее грязные проделки. Чтобы разом лишить всех надежд и вас и барышню, она уговорила Сидзё сообщить нам, будто умерли вы, а вам сказать, будто скончалась барышня. Барышня, когда услышала о вашей

смерти, хотела было даже в монахини постричься, бедняжка. Насилу я отговорила ее, кое-как убедила, что монахиней можно быть и в сердце своем, безо всякого пострига. А тут еще при всем этом господин велел барышню выходить замуж. Барышня отказалась,— ни за что, говорит, замуж не пойду, усыновите лучше наследника с женой со стороны. И так уперлась, что в доме все пошло кувырком. Отец пришел в ярость: ты, говорит, сошлась с кем-то втайне от меня, но сам видит — барышня одна-одиношенька, рубить некого. Все равно, говорит, ты дрянь, в Янагисиме я тебя не оставлю, а из дома выгоню. Так мы с барышней ушли из дома и переселились в Сансаки, живем теперь в бедной хибарке, я занимаюсь рукоделем и кое-как свожу концы с концами, а барышня все дни проводит в молитвах. Нынче, по случаю праздника Бон, ходили по храмам, да и припозднились...

— Вот, значит, что с вами было! — сказал Синдзабуро. — А я ведь тоже все эти дни молился перед божницей с посмертным именем барышни, можете убедиться, не вру...

— Спасибо вам за то, что вы так помнили о ней, — сказала Ёнэ. — А уж она-то все время одно твердит, пусть, говорит, меня из дома выгнали, пусть меня зарубят, лишь бы он меня любил... Послушайте, господин Хагивара, удобно ли ей будет переночевать у вас сегодня?

— Пожалуйста, — ответил Синдзабуро. — Только вам лучше будет пробраться в дом через черный ход. Дело в том, что у меня здесь живет некий Хакуодо Юсай, гадалщик-физиогномист, я ему многим обязан, а человек он ужасно настырный, и мне не хотелось бы, чтобы он что-нибудь узнал.

Женщины так и поступили, переночевали у Синдзабуро и удалились перед рассветом. Семь вечеров подряд

приходили они к нему в любую погоду, невзирая ни на дождь, ни на ветер, оставались у него ночевать и уходили, пока не рассвело. Влюбленные словно прилипли друг к другу, и Синдзабуро совсем потерял голову. Между тем Томодзо, живший рядом в пристройке, слыша каждый вечер женские голоса в покоях хозяина, забеспокоился. «Больно уж прост наш господин,— подумал он.— Не окрутили бы его дурные женщины». И вот ночью девятнадцатого числа он подкрался к дверям дома и заглянул внутрь. Покои были завешены сеткой от комаров, и через нее можно было разглядеть, что на блестящей циновке сидят рядышком, ничуть друг друга не смущаясь, словно муж и жена, Синдзабуро и молоденькая женщина и любовно беседуют.

— А если родитель так и выгонит меня,— говорила женщина,— ты возьмешь нас с О-Ёнэ к себе?

— Ну, конечно, возьму,— отвечал Синдзабуро.— Я буду только счастлив, если так случится, но ты ведь — единственная дочь, и мы вряд ли можем на это надеяться. Как бы нас не разлучили, как дерево колют пополам, вот чего я боюсь!

— А я твердо знаю, что нет и не будет у меня мужа, кроме тебя,— сказала женщина.— Пусть об этом узнает отец, пусть он убьет меня, все равно я люблю только тебя. И смотри не вздумай оставить меня!

С этими словами она прислонилась к его коленям, с нежностью заглядывая ему в глаза. Видно было, как беззаветно она любит. «Вот странная женщина,— подумал Томодзо.— Разговаривает по-благородному... Надо посмотреть на нее как следует». Он потихоньку отогнул полог и в ужасе отшатнулся. «Оборотень... Оборотень!» — проборотал он, позеленев от страха. Словно во сне побежал он за помощью к гадалышке Хакуодо Юсаю.

Узнав о гнусном заговоре О-Куни и Гэндзиро, верный Коскэ сказал себе: «Этому не бывать. Прелюбодеев придется убить, другого пути нет. И пусть я погибну, но из этого дома не уйду, иначе они погубят господина». Решив так, он вернулся в людскую и, сказавшись больным, из своей комнатухи не выходил.

Когда настало утро, господин Иидзима вернулся домой. Время было жаркое, и О-Куни, расположившись возле него, словно приношение на алтаре, принялась обмахивать его веером.

— Рада видеть моего господина в добром здравии,— сказала она.— Я все время беспокоюсь, как бы вам не стало худо от этой жары.

— Никто не приходил в мое отсутствие? — осведомился Иидзима.

— Вас ожидает господин Аикава,— ответила О-Куни.— Говорит, что хотел бы повидаться с вами.

— Аикава Сингобэй? Опять, наверное, будет просить посоветовать ему лекаря. Такой, право, потешный старик... Ну что же, пригласи его.

Но старый Аикава, не дожидаясь приглашения, уже бесцеремонно входил в покои.

— Простите за вторжение,— вскричал он.— Я вижу, господин Иидзима уже изволил вернуться. Надеюсь, в добром здравии? Извините великодушно, совсем перестал бывать у вас. Все-то вы на службе, день-деньской в трудах без усталы, и это в такую невыносимую жару!

— Жара ужасная,— согласился Иидзима.— А что барышня О-Току, выздоровела?

— Дочь все больна,— сказал Аикава со вздохом.— Сколько я из-за нее беспокоюсь перенес. И то, и это.

Нет, ничего не помогает. Да я, собственно, как раз по этому поводу... Ну до чего же жарко! Ах, госпожа О-Куни, давеча вы меня так славно угостили, так славно! Спасибо вам большое... Я вас даже и не отблагодарил-то тут... Гм... Э-э... Да, жара. Страшная жара.

— А вы немного отдохните, — посоветовал Иидзима. — Остынете, тогда и ветерок почувствуете.

— Я пришел к вам с одной просьбой, господин Иидзима, — сказал Аикава. — Очень прошу вас, снизойдите!

— Какая же у вас просьба?

— Я как-то затрудняюсь в присутствии госпожи О-Куни... И слуги, опять же... Нельзя ли нам поговорить с глазу на глаз?

— Отчего же, можно... Всем удалиться и сюда не входить! — распорядился Иидзима. — Слушаю вас, — обратился он к Аикаве.

— Господин Иидзима, — сказал Аикава. — Я пришел к вам сегодня с совершенно особенной просьбой. Дело касается болезни моей дочери. Как вам известно, болеет она давно. Я делал все, что в моих силах, но ничего не помогало. Непонятно было, чем она страдает. Наконец вчера вечером она мне призналась. Тут уж я ей задал! Чего же ты раньше молчала, говорю, бесстыжая ты тварь, говорю, где твое уважение к отцу?.. Вы знаете, она у меня семи лет осталась без матери, а сейчас ей восемнадцать, и вырастил ее я, можно сказать, сам, мужской рукой, потому она так и проста, ничего совсем не знает, ну такое подобие своего глупого родителя, да и только... Прошу вас, господин Иидзима, не смейтесь над моими словами, не презирайте нас...

— Но чем же она больна?

— Как изволите видеть, единственная дочь, мечтал я поскорее взять в дом жениха и отправиться на покой,

и молился о ее выздоровлении, хотя я не такой уж и верующий, и даже водой при этом холодной обливался, даром что я старый человек, хотя по летнему времени это ничего, и все зря. А вчера вечером она мне и говорит: заболела, говорит, вот отчего. И такое она мне сказала, что кормилице ее не расскажешь. Сушая дура, вся в родителя... Вы только не презирайте нас, пожалуйста!

— И отчего же она заболела?

— А я-то беспокоился, все не знал, как ее выводить, всяких лекарей приглашал, ну откуда мне знать? От этого ни боги, ни Будды не спасут. Что же ты, говорю, сразу не сказала?

— Так что же оказалось?

— Прямо не знаю, как и сказать. А вы не будете смеяться?

— Не понимаю, — признался Иидзима. — В чем все-таки дело?

— По правде говоря, — решил я Аикава, — все дело в вашем слуге Коскэ. Вы, господин Иидзима, часто расхваливали его при мне. Говорили, что человек он преданный, происходит из самурайского рода, хотя и опустился сейчас до положения дзоритори, и сыновнему долгу он верен, и вообще малый славный. Вы еще говорили, что нет у него ни родных, ни близких, и потому вы-де сами позаботитесь о нем, отдадите его в какой-нибудь дом наследником и сделаете самураем. И вот я, наслушавшись, как вы его хвалите, прихожу, бывало, домой и об этом рассказываю, слугам своим кричу, чтобы брали пример с Коскэ, что у господина Иидзимы, и кухарка наша О-Сан нахвалиться им не может: и собой, говорит, он хорош, и душой приятен, и благороден, и даже кормилица наша его на все лады расхваливает... В общем, получилось так, что моя дочь... только вы не смейтесь,

господин Иидзима... Фу, даже в пот от стыда бросило... Короче говоря, моя дочь, оказывается, в этого Коскэ влюбилась до изнеможения. Срам какой! И ведь никому ни слова не говорила, даже своей бабке-кормилице, и только вчера вечером мне во всем призналась... «Как же ты смела молчать, — я ей говорю, — разве ты не дочь самурая? Разве даже в каком-то дзёрури¹ не сказано: «Пусть мы бедны, но я — дочь воина»? Как, говорю, ты, дочь самурая, опустилась до того, что влюбилась, забыв о чести и долге, да еще заболела? Да я, говорю, тебя зарублю, хоть ты у меня и одна на всем свете! И чем он тебе приглянулся, говорю, этот Коскэ, у него же за душой ничего, кроме синей куртки и деревянного меча, нет. Неужто, говорю, он такой уж на вид красивый? Она тогда мне и отвечает: «Нет, говорит, батюшка, я господин Коскэ полюбила не за то, что он красивый». — «А за что же это?» — я спрашиваю. «За его преданность, — она отвечает. — Кто предан своему хозяину, говорит, тот и сыновнему долгу верен». — «Так, — я говорю, — это верно, кто верен родителю, тот верен долгу, а кто верен долгу, тот верен родителю непременно». Тут дочь мне и говорит: «Получаем мы в год на прокорм, говорит, всего сто мешков риса, вот возьмете вы, говорит, в сыновья кого-нибудь со стороны и уйдете на покой, а что будет, если этот человек плохим окажется? Рису мы получаем мало, говорит, и мне придется плохо, и я не смогу выполнить свой долг перед вами. Не хочу я, говорит, в отплату за ваши благодеяния, быть плохой дочерью. Вот, говорит,

¹ *Дзёрури* — напевный сказ, обычно в сопровождении цитры или сямисена. Певцы дзёрури были очень популярны в средневековых городах Японии; также — название пьесы для кукольного театра.

я и подумала, что лучше нам взять в дом хоть дзоритори, хоть простого слугу, только бы он был человеком верной души, тогда бы мы с таким мужем служили бы вам верой и правдой. Вот, говорит, почему я полюбила Коскэ и даже заболела от любви...» Ну, тут она залилась слезами и принялась просить у меня прощения. Рассуждения ее показались мне разумными, и я пообещал ей попросить вас, господин Иидзима, отдать мне в наследники вашего Коскэ. Покорнейше прошу не отказать в моей просьбе, пожалуйста, очень прошу!

— Ну что же,— сказал Иидзима, когда Аикава замолчал,— благодарю за честь. Буду только рад.

— Так вы согласны? — вскричал Аикава.— Вот спасибо-то вам!

— Но прежде следует сообщить ему. Не сомневаюсь, что он будет весьма обрадован. Получив его согласие, я немедленно дам вам знать.

— Да зачем мне его согласие? — удивился Аикава.— Достаточно того, что согласны вы!

— Простите, однако, ведь не я же иду к вам в наследники!

— Коскэ не может отказать,— убежденно сказал Аикава.— Он верен долгу и согласится на все, что вы ему ни прикажете. Только бы вы приказали ему, господин Иидзима. В этом году мне будет пятьдесят пять, дочери исполняется восемнадцать, и мне хотелось бы прямо сейчас узнать, как решится дело с моим наследником. Покорнейше прошу, не отказывайте мне!

— Хорошо, согласен,— сказал Иидзима.— Если у вас есть сомнения, могу дать клятву на мече.

— Нет-нет, что вы, вполне достаточно вашего слова! Покорно вас благодарю... Ну, побегу сказать дочери, то-то обрадуется! Понимаете, если бы я пришел и сказал,

так, мол, и так, господин Иидзима не возражает, но должен сперва спросить согласие у самого Коскэ, она бы страшно расстроилась, что там еще Коскэ скажет. А вот теперь, когда все решилось так определенно, совсем другое дело. Она на радостях съест несколько чашек риса, и болезни ее как не бывало! Только есть, знаете ли, поговорка: «С добрым делом поспеши». Так давайте же завтра, когда вы изволите вернуться с дежурства, сразу обменяемся подарками в знак помолвки. И господина Коскэ приведите, пожалуйста, хотелось бы его дочери показать... Ну, бегу!

— Может быть, выпьете чарку? — предложил Иидзима, но Аикава, полный радости и весь мокрый от пота, торопился к дочери и попросил разрешения откланяться немедленно. Повернувшись, он налетел на столб, охнул от боли и выскочил из дома.

— Вот растяпа, — весело сказал Иидзима. — Эй, кто-нибудь, проводите его! — Он был очень доволен и гордо приказал:

— Позвать Коскэ!

— Коскэ нездоров, — сказала, входя, О-Куни.

— Это ничего, — сказал Иидзима. — Позови его на минуту.

— О-Такэ, — обратилась О-Куни к служанке. — Ступай и передай Коскэ, что господин требует его к себе.

О-Такэ побежала в людскую.

— Коскэ! — крикнула она. — Вставай, Коскэ! Господин зовет!

— Сейчас иду, — отозвался Коскэ.

«А у меня лоб разбит, — подумал он. — Как появиться в таком виде перед господином? — Но верный слуга должен повиноваться, что бы ни случилось. — Придется идти, как есть», — решил Коскэ и явился к Иидзиму.

— Подойди ко мне, Коскэ,— сказал Иидзима, едва увидев его.— А все остальные удалитесь. Оставьте нас одних.

— В такую жару,— пробормотал Коскэ,— господину, должно быть, вредно утомлять себя každодневной службой...

— Мне доложили, что ты нездоров и лежишь,— начал Иидзима.— Но тем не менее я вызвал тебя, потому что мне надобно поговорить с тобой. Речь пойдет вот о чем. У старика Аикавы, что живет на Суйдобата, есть дочь О-Току. Ей восемнадцать лет. Девушка эта изрядной красоты, а также примерна в отношении долга перед своим родителем. Случилось так, что, восхищенная твоей преданностью, она полюбила тебя и от любви занемогла. Аикава обратился ко мне с настоятельной просьбой отпустить тебя к нему в наследники, и ты пойдешь.

Тут Иидзима взглянул на Коскэ и увидел ссадину на лбу.

— Пстой, Коскэ,— сказал он,— что у тебя со лбом?

— Виноват,— пробормотал Коскэ.

— Ты что, подрался? Ну что ты за негодяй! Так изуродовать себе рожу накануне серьезного шага в своей жизни... Преданный слуга получает раны только на службе господина, ты что, не знаешь этого? Да ведь будь ты настоящим самураем, тебе пришлось бы теперь убить себя!

— Я не дрался,— сказал Коскэ.— Я выходил по делу, и возле дома господина Миябэ на меня упала черепица. Угодила прямо в лоб. Неудачно получилось, прошу извинить меня. Я просто в отчаянии, что это вызвало ваше недовольство, господин...

— Что-то мне кажется, что эта ссадина не от черепицы... Ну да ладно. Все же запомни: затевать драки и

получать увечья не годится. Нрав у тебя прямой, но, когда противник хитрит, прямо действовать нельзя. Необходимо терпение. Недаром иероглиф «терпение» изображается знаками «меч» и «сердце» под ним. Ибо терпение чрезвычайно необходимо в таких обстоятельствах, когда стоит сделать один лишний шаг, и сердце твое будет пронзено мечом. Помни, поступив на службу, ты уже принадлежишь не себе, а господину своему. Будь до конца верен долгу. Никогда не поступай опрометчиво. И не выступай против тех, кто силен хитростью.

Поучения господина четко отдавались в груди Коскэ, и он сказал сквозь слезы благодарности:

— Господин, я слышал, что четвертого числа будущего месяца вы собираетесь на рыбную ловлю... Но ведь совсем недавно скончалась барышня, ваша дочь! Пожалуйста, отложите вашу поездку на реку, с вами там что-нибудь случится!

— Хорошо, хорошо,— нетерпеливо сказал Индзима.— Рыбную ловлю мы отложим, не беспокойся. Не в этом сейчас дело. Так вот, я попросил тебя идти к Аикаве...

— Какое будет поручение?

— При чем здесь поручение? Дочь Аикавы полюбила тебя, и ты пойдешь к нему в наследники.

— Да, понимаю. Кто, вы говорите, идет к нему в наследники?

— Ты идешь!

— Я? — воскликнул Коскэ.— Я не хочу!

— Дурак! — прикрикнул Индзима.— Ты будешь человеком! Лучшего тебе и желать нечего.

— А я хочу всегда быть возле своего господина! Не гоните меня от себя, позвольте быть рядом с вами!

— Но ты ставишь меня в очень неловкое положение. Ведь я уже дал согласие, я поклялся на мече!

— Не надо было клясться!

— Если я нарушу слово, мне придется вспороть себе живот.

— И вспорите!

— Если ты не будешь меня слушаться, выгоню.

— Выгоняйте! А разве нельзя было рассказать мне все толком до того, как вы дали клятву?

— Да, в этом я виноват,— сказал Иидзима.— Виноват и прошу тебя простить меня. Видишь, кланяюсь тебе, уперев руки в пол, и прошу прощения. Теперь ты согласен пойти к Аикаве?

Коскэ сдался.

— Хорошо, господин, раз так — я согласен. Но пусть это пока будет только сговор, а я останусь у вас еще на десять лет!

— Что ты! — возразил Иидзима.— Завтра устроится обмен подарками по случаю помолвки. В начале будущего месяца состоится уже брачная церемония.

Коскэ думал о том, что, если он уйдет в наследники, О-Куни и Гэндзио убьют господина. Значит, заколоть этих двух негодяев пикой и вспороть себе живот придется сегодня ночью. При мысли о том, что он видит своего господина в последний раз, Коскэ побледнел, и из глаз его полились слезы.

— Экий ты упрямый! — с досадой сказал Иидзима.— Неужели тебе так не хочется уйти к Аикаве? Живут они совсем рядом, от нас до Суйдобата рукой подать, можешь навещать меня хоть каждый день. Совершенно незачем расстраиваться так. Парень ты как будто бравый, а точишь слезы... Мужчина должен иметь твердый дух!

— Господин,— сказал Коскэ.— Я стал вашим слугой пятого марта. Узнав, что нет у меня ни родных, ни близких, вы отнеслись ко мне с особой благосклонностью, и

этой вашей доброты я не забуду даже после смерти. Одно только хочу сказать вам. Откушав водки, вы обыкновенно очень крепко спите. Без водки же вам не спится. Кушайте водки поменьше. Даже с героем, если он крепко спит, злодеи могут сделать все, что угодно. Я места себе не пахожу, когда думаю об этом. Будьте всегда настороже, господин! И еще не забывайте каждый день принимать лекарство, которое прислал господин Фудзита...

Индзима нахмурился.

— Что это ты, словно в дальние страны собрался? — сказал он.— Такое мне мог бы и не говорить.

ГЛАВА VIII

Услыхав в покоях Хагивары женские голоса, Томодзо подкрался и заглянул за полог от комаров. Волосы у него встали дыбом, и он со всех ног бросился было за помощью к Юсаю, но был так перепуган, что вместо этого прибежал к себе домой и, весь дрожа, забился в постель. Только на рассвете он постучался в двери Юся.

— Кто это? — сонно спросил Юсай.

— Это я, Томодзо!

— Чего тебе?

— Сэнсэй¹, откройте, пожалуйста.

— Рано же ты сегодня поднялся,— недовольно проворчал Юсай.— Никогда так рано не встаешь... Да погоди, погоди, сейчас отворю!

Он поднял щеколду и открыл дверь.

¹ Сэнсэй — почтительное обращение к старшему, обычно ученому.

— Ну и темно здесь у вас,— сказал Томодзо, входя.

— Так ведь еще не рассвело,— ответил Юсай.—
А фонарь я тушу, когда ложусь...

— Вы только не волнуйтесь, сэнсэй...

— Да ты сам весь трясешься! Что случилось? Чего ты пришел?

— С господином Хагиварой беда!

— Что с ним?

— Такое с ним, что не знаю, как быть... Вот и вы, сэнсэй, и я — мы оба снимаем жилье на земле господина Хагивары. Живем мы все вместе. Обо мне и говорить нечего, я у него совсем как вассал копаю его огород, смотрю за его садом, бегаю по его поручениям, жена моя ему стирает, и он с нас платы даже не берет, а иногда жалуется нам на мелкие расходы или одежду со своего плеча. Он мой благодетель, и вот с ним такая беда приключилась! Каждый вечер к нему приходят ночевать женщины...

— Он молод и одинок,— заметил Юсай.— Что же удивительного! Впрочем, может быть, это какие-нибудь злоумышленники?

— Совсем не то. Да вы слушайте, сэнсэй. Вышел я вчера по одному делу, возвращаюсь уже вечером, слышу — в покоях господина Хагивары женские голоса. Подкрался я и заглянул...

— Нехорошо.

— Ничего! Гляжу, там сетка от комаров висит, а за сеткой сидит господин Хагивара с какой-то красивой женщиной. Сидят они и так это любезно беседуют. Она просит ее не бросать, он отвечает, что в жизни никогда не бросит, пусть даже родитель твой, говорит, тебя выгонит из дома, все равно возьму к себе женой, а она клинется, что не бросит его, даже если родитель убьет ее...

— Сколько же можно подглядывать?

— Вся штука в том,— сказал Томодзо, понизив голос,— что женщина эта — не просто женщина!

— Разбойница?

— Да какая там разбойница!.. Понимаете, сэнсэй, взглянул я за полог и вижу, что на самом деле не красавица она, вся тощая, кожа да кости, лик у нее синий, с прически «симада» свешиваются космы волос, подола у нее нет, и вообще от бедер книзу ничего нет, и вот своей рукой из кожи да кости она вцепилась господину Хагиваре в шею, а господин сидит со счастливым лицом... Рядом сидит еще одна женщина в прическе «марумагэ», тоже тощая, одна кожа да кости. Поднимается вдруг она и идет прямо на меня, и подола у нее тоже не видать, от бедер книзу ничего нет, совсем как привидение, как рисуют на картинках... Увидел я это, перепугался, зуб на зуб не попадает, побежал домой и спрятался... Никак не пойму, как это привидения околдовали господина Хагивару!

— Томодзо,— строго сказал Юсай.— Это правда?

— Ну что за глупости — правда, неправда... С чего я стану врать? Если не верите, сходите нынче ночью сами и убедитесь!

— Да нет, мне как-то не хочется... Странное дело, никогда не слыхивал, чтобы привидения ходили на любовные встречи. Впрочем, в одном китайском романе такой случай описан... Да нет, не может это быть на самом деле! Ты не врешь, Томодзо?

— Я же вам говорю, сходите сами, если не верите...

— Ну что же,— глубокомысленно сказал Юсай.— Сейчас уже рассвело, привидения, наверное, ушли...

— Сэнсэй, вот что я хочу спросить... Раз господин Хагивара спит с привидением, он должен умереть?

— Непременно умрет. Пока человек жив, он исполнен света, он свободен от скверны и чист. Мертвый же он погрязает во тьме и исполняется злобы. Вот почему, вступив в плотскую связь с привидением, живой утрачивает чистоту крови и быстро погибает, пусть ему на роду будет написано прожить хоть сто лет.

— Я слышал, энсэй, что незадолго до смерти у человека на лице проступает тень смерти,— сказал Томодзо.— Вы бы сходили и поглядели на господина Хагивару...

— Хагивара облагодетельствовал тебя,— важно сказал Юсай,— а я дружил еще с его отцом, господином Хагиварой Синдзаэмоном, и господин Синдзаэмон перед смертью наказал мне присматривать за его сыном, господином Синдзабуро, как же я могу остаться безучастным при таких обстоятельствах? Ты же о том, что случилось, не смей рассказывать никому!

— Еще чего,— сказал Томодзо.— Я даже жене не рассказал, неужели расскажу кому постороннему?

— Вот и помалкивай, никому ни слова...

Тем временем совсем рассвело, и добрый Хакуодо Юсай, постукивая палкой, вместе с Томодзо вышел во двор. Томодзо отправился в свою пристройку, а Юсай остановился у дверей Синдзабуро.

— Господин Хагивара! — крикнул он.— Господин Хагивара!

— Кто там, простите? — отозвался Синдзабуро.

— Это Хакуодо, с вашего разрешения.

— Рано вы изволили подняться,— удивился Синдзабуро и отворил дверь.— Впрочем, пожилые люди всегда встают рано. Доброе утро, входите, прошу вас... У вас, вероятно, какое-нибудь дело?

— Я пришел,— объявил Юсай,— как физиогномист. Позвольте осмотреть вас по правилам моего ремесла.

— Что это вы в такую рань? Живем рядом, могли бы пожаловать в любое время...

— Нет, не скажите,— возразил Юсай.— Лучше всего осматривать в такое время, как сейчас, когда только что взошло солнце... Да и отношения у нас с вами еще со времен вашего отца самые близкие... Ну-ка!

Тут Юсай извлек из-за пазухи увеличительное стекло и стал всматриваться сквозь него в лицо Хагивары.

— Что это вы? — испуганно спросил Синдзабуро.

Юсай спрятал стекло и торжественно сказал:

— Господин Хагивара! Физиогномика говорит, что не пройдет и двадцати дней, как вы умрете!

— Я? Умру?

— Умрете непременно. Необъяснимые вещи бывают на свете, и сделать здесь ничего нельзя.

— Как же мне быть?.. Да, мне говорили, что, когда человеку суждено скоро умереть, на лице его появляется тень смерти... Слышал я также и то, что вы, сэнсэй, знаменитый физиогномист... Но ведь были же исстари люди, которым за добродетельные поступки даровался полный срок жизни! Может быть, для меня еще есть средство, сэнсэй, чтобы избежать смерти?

— Такого средства нет. Вот разве что, пожалуй, удалить от себя женщин, которые приходят к вам каждый вечер...

— Никакие женщины ко мне не приходят!

— Ну полно, вчера ночью их видели у вас. Кстати, кто это?

— Да нет, она никак не может быть опасной для моей жизни.

— Более опасного ничего для вас нет на свете.

— Послушайте, сэнсэй, это дочь хатамото Иидзими, что живет на Усигомэ. По некоторым причинам, она со своей служанкой О-Ёнэ переехала жить в Сансаки, это такая деревня в Янаке... Мне передали, будто она умерла от любви ко мне, а недавно я встретил ее, и теперь мы встречаемся очень часто... В дальнейшем я намерен взять ее в жены.

— Вы сами не знаете, что говорите! — сказал Юсай. — К вам ходят не женщины, а привидения! В этом теперь не приходится сомневаться, раз вам передавали, что она умерла. И она сидит рядом с вами, обняв вас за шею тощими, как нитки, руками из кожи и костей! Кстати, вы бывали у них дома в деревне Сансаки?

Синдзабуро ответил, что бывать у них ему не пришлось и что он встречался с ними у себя дома семь вечеров подряд, считая со вчерашним. От слов Юсай ему стало как-то жутко, и он переменялся в лице.

— Вот что, сэнсэй, — сказал он. — Раз так, я сейчас же пойду в Сансаки и все проверю.

Он вышел из дому и отправился в Сансаки. Там он стал расспрашивать, где живут две женщины такой-то и такой-то внешности, но никто ничего не мог ему сказать. Устав от расспросов, он пошел домой, но на обратном пути, проходя мимо храма Симбандзуй-ин, заметил вдруг позади храма новую могилу с большим памятником, а возле могилы — промокший под дождем красивый фонарь с колпаком в виде пиона. Не могло быть никаких сомнений — это был тот самый фонарь, с которым каждый вечер приходила О-Ёнэ. Вконец ошеломленный, Синдзабуро зашел на монастырскую кухню и спросил:

— Простите, не скажете ли мне, чья это могила там, позади храма, на которой лежит фонарь с колпаком в виде пиона?

— Это могила дочери хатамото Иидзимы Хэйдзаэмона из Усигомэ,— ответил монах.— Скончалась она недавно, и ее должны были похоронить у храма Ходзю-дзи, но похоронили у нас, потому что наш храм все равно у Ходзю-дзи в подчинении...

— А чья могила еще там рядом?

— А рядом могила служанки этой девушки. Она умерла от усталости, ухаживая за своей больной госпожой, и их похоронили вместе.

— Вот оно что,— в смятении пробормотал Синдзабуро.— Значит, это, и верно, привидения...

— Как вы сказали?

— Нет-нет, ничего,— сказал Синдзабуро.— До свидания.

Он чуть ли не бегом возвратился домой и рассказал обо всем Хакуодо Юсаю.

— Странное дело,— озабоченно сказал Юсай.— Удивительное. И за какие только грехи привидение влюбилось в вас?

— Горе мне,— отозвался Синдзабуро.— И ведь, наверное, сегодня вечером опять придут...

— Откуда вы знаете? Они обещали?

— Да. Она сказала, что придет обязательно. Сэнсэй, пожалуйста, оставайтесь сегодня на ночь у меня, а?

— Ну уж нет, увольте! — испуганно сказал Юсай.

— Тогда сделайте что-нибудь при помощи ваших гаданий...

— Нет, гадания против привидений бессильны... А вот напишу-ка я господину Рёсэки, настоятелю этого самого храма Симбандзуй-ин! Он человек огромного ума, искусственный в молитвословиях... И мы с ним в дружбе. Отнесите ему мое письмо и попросите помочь.

Юсай написал, Синдзабуро отправился в храм и попросил передать письмо настоятелю, господину Рёсэки. Настоятель Рёсэки действительно благоволил к Юсаю. Прочитав письмо, он сейчас же велел проводить Синдзабуро в свои покои. В коричневой рясе поверх белого кимоно, он восседал, неподвижно выпрямившись, на простом дзабутоне¹. Лет ему было за пятьдесят, и весь его облик свидетельствовал о высоких его добродетелях и самоотверженности в служении Будде. Синдзабуро невольно перед ним склонился.

— Ты и есть Хагивара Синдзабуро? — услышал он.

— Да, я недостойный ронин, и зовут меня Хагивара Синдзабуро. Не знаю, за какие грехи, но меня преследует призрак умершей. Так пишет вам Хакуодо, и это чистая правда. Почтительно молю вас, отгоните от меня этот призрак.

— В письме сказано, что на твоём лице проступила тень смерти. Подойди ко мне, чтобы я мог взглянуть на тебя. Вот так... Да, сомнений нет, в ближайшее время ты умрешь.

— Молю вас, — воскликнул Синдзабуро, — сделайте так, чтобы я избежал смерти!

— Твою судьбу определяют глубокие скрытые причины, — задумчиво произнес настоятель. — Этому трудно поверить, и все же это так. Призрак преследует тебя не из злобы, но от большой любви. Весь ужас и вся неизбежность судьбы твоей в том, что тебя на протяжении вот уже трех или четырех существований, умирая и вновь рождаясь, меняя свой облик, любит одна женщина. Судьбы избежать невозможно. Но чтобы отогнать при-

¹ *Дзабутон* — подушка для сидения.

зрак, я вручу тебе могучий талисман, именуемый Кайоннёрый», и вознесу молитвы за умиротворение голодной души этой женщины. Что касается талисмана, то он из чистого золота, и потому его следует беречь от чужих глаз. В нем четыре суна¹ и изрядный вес, жадный человек может польститься и украсть его в надежде получить хорошую цену, продав хотя бы в виде золотого лома. Ты получишь талисман в ларце и будешь носить его либо в поясе, либо за спиной. Далее, я вручаю тебе сутры «Уבודарани», возьми их, будешь их читать вслух. Название их означает «Дождь сокровищ», ибо, когда их читают, всевозможные драгоценности дождем сыплются с неба. Можно подумать, будто это сутры для исполнения алчных желаний, но это не так. Талисман «Кайоннёрый» именуется так потому, что к уверовавшему в него нисходит будда Нёрый по имени Кайон — Шум Моря. А сутры «Уבודарани» Сакья-Муни некогда вручил отшельнику Мёгэцу, когда тот попросил Будду дать денег для помощи беднякам, страдающим от мора... И еще ты возьмешь вот эти ярлыки-заклятия. Ты оклеишь ими свое жилище, так чтобы привидения не смогли проникнуть к тебе, и будешь читать сутры.

Поблагодарив настоятеля за его доброту, Синдзабуро воротился домой, передал все Хакуодо Юсаю, и они вместе принялись обклеивать стены дома ярлыками с заклинаниями. Затем Синдзабуро заперся в своих покоях, опустил полог от комаров и взялся за сутры. Но как он ни старался читать, ничего у него не получалось. «Нобобагябатэйбадзарадара, сагяраниригуся, татагятая, таниятаонсоропэй, бандарабати, богярэасярэйасяхарэй...» Ничего не понять, словно бред иноземца. А тем време-

¹ Суи — 3,3 см.

нем — бо-он... — ударил четвертую стражу¹ колокол в Уэно, эхом откликнулся пруд у холма Синобугаока, плеснула вода в источнике Мукогаока, и огромный темный мир погрузился в тишину, нарушаемую лишь шумом осеннего ветра среди холмов. Но вот, как всегда, со стороны Нэду послышался стук гэта. «Идут!» — подумал Синдзабуро. По лицу его струился обильный пот, сжавшись в комок, он истово, изо всех сил громко читал сутры «Убодарани».

У живой изгороди стук гэта внезапно прекратился. Синдзабуро, бормоча молитвы, выполз из-под полога и заглянул в дверную щель. Видит — впереди, как обычно, стоит О-Энэ с пионовым фонарем, а за ее спиной неслыханно прекрасная О-Цую в своей высокой прическе «бункин», в кимоно цвета осенней травы, под которым, словно пламя, переливается алый шелк. Ее красота ужаснула Синдзабуро. «Неужели это привидение?» Он мучился, как грешник в геенне огненной. Между тем, поскольку дом был обклеен ярлыками-зажлятиями, привидения попятись.

— Нам не войти, барышня! — сказала О-Энэ. — Сердце господина Хагивары вам изменило! Он нарушил слово, которое дал вчера ночью, и закрыл перед вами двери. Войти невозможно, надобно смириться. Изменник ни за что не впустит вас к себе. Смиритесь, забудьте мужчину с прогнившим сердцем!

— Какие обеты он давал! — печально сказала О-Цую. — А сегодня ночью двери его закрыты... Сердце мужчины что небо осеннее! И в сердце господина Хагивары нет больше любви ко мне... Слушай, Энэ, я

¹ *Четвертая стража* — старинная мера времени от часу до трех ночи.

должна поговорить с ним! Пока я не увижу его, я не вернусь!

С этими словами она закрыла лицо рукавом и горько заплакала. Она была и прекрасна и ужасна в своей красоте. Синдзабуро молча трясся у себя за дверью, повторяя про себя только: «Наму амида Буцу, наму амида Буцу...»¹

— Как вы преданы ему, барышня,— сказала О-Ёнэ.— Достоин ли господин Хагивара такой любви?.. Ну что ж, пойдемте, попробуем войти к нему через черный ход.

Она взяла О-Цюю за руку и повела вокруг дома. Но и с черного хода войти им не удалось.

ГЛАВА IX

Наложница О-Куни, эта гнусная гадина, спала и видела, как бы выгнать из дома Коскэ или поймать его на каком-нибудь проступке. Когда на следующий день господин Иидзима удалился на службу, пришел Гэндзирос. О-Куни встретила его, как будто отношения у нее с ним самые невинные.

— Добро пожаловать! — жеманно произнесла она в ответ на его приветствие.— Ужасная жара стоит эти дни, не правда ли? Надеюсь, у вас все здоровы? Прошу вас, садитесь сюда, здесь ветерок...

Гэндзирос вполголоса спросил:

— Коскэ не проболтался?

— Нет,— так же тихо ответила О-Куни.— Я страшно боялась, что он донесет, но он смолчал. Сказал господину, что лоб ему поранило упавшей черепицей. Я сама

¹ «Наму амида Буцу...» — начальные слова буддийской молитвы: «Помилуй меня, Будда...»

не своя была, вот, думаю, сейчас он скажет про обломок лука, как его били. Нет, не сказал. И о том деле ничего не сказал. Что-то это подозрительно, как ты думаешь?.. Примо не знаю, куда деваться от этой жары! — сказала она громко и продолжала шепотом: — И вот еще что. В нашего Коскэ влюбилась О-Току, дочка господина Аикавы Сингобэй, знаешь, что живет на Суйдобата... Заболела от любви, есть же дуры на свете, ну что ты скажешь! Так старик Аикава притащился к нам весь в поту просить господина, чтобы Коскэ отдал к нему в наследники. И господин дал согласие, потому что благоволит к Коскэ. С тем Аикава ушел, а сегодня у них устраивается обмен подарками по случаю помолвки...

— Вот и хорошо, — обрадовался Гэндзиро. — Коскэ уйдет из дому, и конец волнениям...

— Так, да не так, — возразила О-Куни. — Правда, он идет наследником в дом Аикавы, но ведь господин будет при этом его посаженным отцом! А уж тогда этот парень будет держаться совсем как родня господина. Он и в слугах-то нахален не по чину, а тогда и подавно рассчитается с тобой за побои... И наш разговор тогдашний он вдобавок подслушал! Нет, как ты там хочешь, а Коскэ ты должен убить.

— Он умеет владеть мечом, как же я его убью? — уныло проговорил Гэндзиро.

— Хотелось бы все же знать, почему ты не владеешь мечом?

— Придумал! — сказал Гэндзиро. — У нас есть слуга, этаким молодой дурак Айскэ. Он влюблен в барышню Аикава, и его надо натравить на Коскэ. Когда они подерутся, мы выгоним Айскэ за драку из дома. Но наказание участникам драки полагается одинаковое, и дядюшке из вежливости перед соседями тоже придется про-

гнать Коскэ... Вот плохо только, что завтра от Аикавы дядюшка и Коскэ будут возвращаться вместе. Нельзя ли устроить так, чтобы Коскэ пошел домой раньше и один?

— Ничего нет легче,— сказала О-Куни.— Я скажу господину, что Коскэ мне будет нужен, и попрошу отослать его домой пораньше. Не сомневаюсь, что господин так и сделает. Пусть этого наглеца встретят за поворотом дороги и как следует избьют...— Она заговорила в полный голос.— Право, вам не следовало бы уходить так скоро. До свидания.

Вернувшись домой, Гэндзиро поспешил в людскую и застал придурковатого Айскэ, когда тот выводил носом простую песенку «дэрорэн».

— Молодец, Айскэ! — сказал Гэндзиро.— У тебя хорошо выходит!

Айскэ вскочил.

— Никак молодой господин? — растерянно сказал он.— Жарко больно нынче, что ни день, то жарища...

— Да, жарко... Кстати, старший брат тоже ставит тебя высоко и всегда хвалит. Айскэ, говорит, у нас лучший слуга— и с хозяйскими делами успевает, и со своими управляетя. А поскольку у тебя, кажется, нет никого из родных, он намерен отдать тебя в хороший дом наследником к какому-нибудь самураю. Хочет быть твоим посаженным отцом.

— Покорнейше благодарим,— радостно осклабился Айскэ.— Очень даже благодарим за такую милость. И господина благодарим, и вас, молодой господин, что вы обо мне, недотепе, так полагаете... И сказать толком не могу, как вам благодарен... Только вот трудно мне будет стать самураем, я же неграмотный совсем...

— Говоря по правде,— продолжал Гэндзиро,— старший брат заметил однажды, будто собирается предло-

жить тебя в наследники к Аикаве, да знаешь ты, который живет на Суйдобата. В мужья дочери его О-Току, ей нынче восемнадцать лет.

— Вот это да! — вскричал Айскэ. — Неужто правда? Это здорово! Это барышня приятная, таких поди больше на свете и нет... Щечки такие кругленькие, задок пухлый... Красивая барышня, очень красивая!

— Рисовый паек у них невелик, — продолжал Гэндзиро, — так что им все равно, кого в дом брать, лишь бы был человек серьезный. И совсем было уже договорились, что ты подойдешь, но вмешался этот дзоритори соседский, Коскэ, и все пошло насмарку. Коскэ заявился в людскую у Аикавы и наговорил там, что Айскэ, мол, негодий, пьяница, в пьяном виде ничего не разбирает, всех лупит, даже хозяев, путается с девками, играет на деньги, да еще и вороват вдобавок. Узнав об этом, Аикава, конечно, от тебя отказался, и переговоры наши кончились. А теперь в наследники туда идет сам Коскэ, сегодня, говорят, уже устраивают обмен подарками в честь помолвки. Видишь, даже на дзоритори согласились. А ты ведь как-никак два меча носишь, хоть и деревянных. Представляешь, как бы тебе были рады? Нет, этот Коскэ скотина все-таки!

— Что-о? — взревел Айскэ. — В наследники Коскэ идет? Ах он мерзавец! Мешать моей любви!.. И я же еще вороват!.. И вдобавок хозяев луплю!.. Нет, вы мне скажите, когда это я хозяев своих лупил?

— Какой толк мне это говорить? — сказал Гэндзиро.

— Так обидно же, молодой господин! Ну и подлец же он! Ну, я этого так не оставлю!

— А ты задай ему хорошенько, — посоветовал Гэндзиро.

— Задай... Драться мне с ним нельзя, он меня одолеет. Он же фехтование знает, мне с ним не справиться.

— А ты вот что сделай. Ты знаешь слугу господина Танаки? Его еще зовут Забияка Камэдзо, он весь в шрамах с головы до ног. Вот ты его и подговори, да еще Токидзо, слугу господина Фудзиты. Втроем нападите на Коскэ за поворотом дороги, когда он будет возвращаться от Аикавы, избежите до полусмерти, даже убейте, и бросьте в реку.

— Убивать не стоило бы, а излупить надо. А что мне будет, если про драку узнают?

— Если про драку станет известно, я доложу старшему брату, он прикажет немедленно уволить тебя, и тебя прогонят.

— Нет, тогда я драться не буду,— решительно сказал Айскэ.

— погоди, послушай. Как только мы тебя уволим, сосед из вежливости тоже, конечно, уволит Коскэ. А раз его уволят, Аикава не сможет взять его в наследники, потому что у него не будет посаженного отца. Мы же немного погоды снова возьмем тебя и отдадим Аикаве в наследники. Понял?

— Все понял, молодой господин,— сказал Айскэ.— Сердечно благодарим за вашу доброту...

Гэндзирос достал из-за пазухи несколько монет.

— Возьми,— сказал он.— Выпей и угости Камэдзо и Токидзо.

— Ко всему еще и деньги! — обрадовался Айскэ.— Покорнейше благодарим, молодой господин...

Айскэ побежал разыскивать Камэдзо и Токидзо, рассказал им, в чем дело, те из озорства согласились и тут же сговорились обо всем. Между тем Иидзима Хэйдза-

рмон, ни о чем не подозревая, в сопровождении Коскэ вернулся со службы домой.

— Господин, — обратилась к нему О-Куни. — Я слышала, что вы сейчас уходите к Аикаве для обмена подарками. Так я хотела попросить вас отпустить Коскэ домой пораньше, у меня есть для него одно поручение. Как только он управится, я пошлю его встретить вас.

— Хорошо, — сказал Иидзима, и они вместе с Коскэ отправились к Аикаве.

Аикава жил в маленьком домике на Суйдобата.

— Прошу прощения! — крикнул Коскэ у дверей. — Разрешите войти?

— Кто это? — всполошился Аикава. — Эй, Дзэндзо, поди в прихожую, посмотри, кто пришел... Дзэндзо, ты где? Куда он девался?

— Сами же отослали его по делу, — сказала служанка.

— Совсем запамятовал... Пстой, уж не господин ли Иидзима пожаловал? Живо, положи в пепельницу уголек, приготовь чай! А вдруг с ним и господин Коскэ? Беги, скажи О-Току! Все приготовь как следует! А я пойду встречать...

Он выбежал в прихожую, где ждали Иидзима и Коскэ.

— Вот уж не знал, что вы так рано пожалуете! — радостно вскричал он. — Прошу вас, проходите прямо сюда... Дом наш, правда, неказист на вид... И господин Коскэ... Впрочем, с вами мы потом... — тут он, спеша и волнуясь, стукнулся головой о столб и, охнув от боли, проводил Иидзиму в гостиную. — А жарко все по-прежнему... Как мне благодарить вас, господин Иидзима, вы так благосклонно отнеслись к моей вчерашней просьбе... и вот уже все сделано...

— Я должен извиниться перед вами,— учтиво сказал Иидзима.— Вы вчера так спешили, и я не успел вас попочевать чаркой.

— Прихожу это я вчера от вас и рассказываю дочери, что вы благосклонно согласились отдать господина Коскэ в наш дом и что завтра в вашем присутствии устраивается обмен подарками, так она даже заплакала от радости... Я так рассказываю, что вы можете подумать, будто она легкомысленна, но это совсем не так... Это, говорит, потому, что я все время думаю о вас, это она мне говорит, и я теперь должна поскорее поправиться, потому что, говорит, я и так доставляла вам до сих пор одни только неприятности... Выпила сразу три порохка лекарства и скушала две чашки кашицы. Это, говорит, потому, что придет господин Коскэ. Сегодня она уже совсем поправилась. Боюсь, говорит, что не поправлюсь господину Коскэ в таком неприглядном виде, принарядилась, накрусилась... Кормилица и та себе зубы начернила¹, просто беда! Да и то сказать, мне ведь уже пятьдесят пять лет, хочется все передать наследнику и уйти на покой... И как ни стыдно мне за свою поспешность, но сердечно благодарю вас, господин Иидзима, за то, что вы столь скоро снизошли к моей просьбе.

— Когда я сообщил о своем решении Коскэ,— сказал Иидзима,— он очень обрадовался. «Это просто счастливый случай,— сказал он,— что выбор пал на меня, недостойного». Видимо, он доволен.

— Ну еще бы,— подхватил Аикава.— Он верный человек и делает все, что прикажет господин, даже если это ему не по душе. Таких верных людей нигде не

¹ Чернить зубы (покрывать зубы черным лаком) — старинный обычай у японских замужних женщин.

сыщешь. Даже среди хатамото, а их восемьдесят тысяч всадников, нет такого верного ни одного. За это его дочь и полюбила... Эй, кто там? Дзэндзо еще не вернулся? Бабка!

— Что прикажете? — отозвалась кормилица.

— Приветствуй господина Иидзиму.

— Я и то все хочу ему поклониться,— проворчала кормилица,— да вы все говорите, суетитесь, никак не встрянуть... Господин Иидзима, добро вам пожаловать!

— Здравствуй, бабка,— сказал Иидзима.— Позволь поздравить тебя с выздоровлением госпожи О-Току. Ты, верно, совсем с нею извелась, не так ли?

— Вашими заботами, господин, она нынче здорова. И ведь при барышне давно, еще младенцем она была, прав ее знаю, а вот подите же, ничего она мне не сказала, все только недавно открылось. И вам хлопот с этим делом доставили, спасибо вам сердечное...

— Что, Дзэндзо еще не вернулся? — сказал Аикава.— Долго он что-то... Подавай сладости, бабка. Как изволят видеть, господин Иидзима, у нас тут довольно тесно... Разрешите, однако, попотчевать вас рыбой и чаркой водки... И еще позвольте обратиться к вам с такой просьбой... У нас здесь тесно, и другой гостинной в доме нет, так что мне хотелось бы пригласить Коскэ сюда, вместе с вами... Хотелось бы сегодня без церемоний, как будто он и не слуга, попотчевать его водкой за одним столом с вами. Разрешите, я схожу за Коскэ...

— Зачем же? — сказал Иидзима.— Давайте я сам позову.

— Нет-нет,— сказал Аикава.— Позвольте уж мне. Он жених моей дочери, мой наследник, он подаст мне на смертном одре последнюю чашку воды...

С этими словами он поднялся и вышел в прихожую.
— Господин Коскэ! — вскричал он.— Рад, что вы в добром здравии. И служите вы, как всегда, хорошо... Пойдемте! — Он повел Коскэ в гостиную.— Хочу сегодня без церемоний угостить вас чаркой за одним столом с вашим господином... Впрочем, прошу прощения, водки вы не пьете, тогда отведайте закуски...

— Очень рад видеть вас во здравии, господин Аикава,— сказал Коскэ.— Мне говорили, что барышня, ваша дочь, нездорова. Надеюсь, ей лучше?

— Что же это вы,— укоризненно сказал Аикава.— Разве свою жену называют барышней?

— Так вы его только смущаете,— сказал Иидзима.— Коскэ, тебя пригласили. Извинись и пройди сюда.

— Действительно, превосходный парень,— восхитился Аикава.— Гм... Э-э... Ну вот, ваш господин был так любезен, что не замедлил выполнить просьбу, которую я изложил ему вчера. Конечно, рисовый паек наш мал, дочь у меня глуповата, сам я, как вам известно, человек легкомысленный... Что с нас возьмешь? Дочь полюбила вас и заявила, что никого, кроме вас, ей не нужно. Может быть, вы думаете, что это ветреность? Вовсе нет. Семи лет она осталась без матери, и до восемнадцати лет воспитывал ее я. Это обо мне она думала, когда полюбила вас за вашу верность долгу и даже заболела от любви. И прошу вас ее любить и жаловать такую, как она есть... А я мешать вам не буду, сразу отойду от дел, забьюсь куда-нибудь в уголок, и все тут, только иногда давайте мне карманные деньги... Вот, правда, подарить тебе у меня нечего, разве что меч работы Тосиро Ёсимицу, отделка грубая, а так ничего, вещь стоящая. Его я тебе и передам. А уж успех твой в жизни будет зависеть от твоих достоинств.

— Вы совсем смутили Коскэ,— сказал Иидзима.— Ну, конечно, он очень благодарен вам. Но по некоторым причинам ему хотелось бы отслужить у меня до конца этого года. Пусть уж дослужит, а свадьбу устроим в феврале будущего года. Помолвка, разумеется, состоится сегодня.

— В феврале будущего года...— сказал Аикава.— А нынче у нас июль. Июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль... Через восемь месяцев, значит. Не слишком ли это долго? Ведь за восемь месяцев вещь в закладе и та пропадает...

— Причины весьма основательные,— настаивал Иидзима.

— Ах, вот как? Понял, молодец!

— Поняли все-таки?

— Все понял,— сказал Аикава.— Понятно теперь, почему дочь в него влюбилась. Да я и сам еще прежде нее влюбился. Причина-то, наверное, вот в чем... До конца года Коскэ будет учиться у вас фехтованию и так руку набьет, что получит диплом! Ну конечно, так оно и должно быть... Господин Коскэ, видно, так полагает: умный я, и собой хорош, но войти наследником в дом самурая без подарка как-то все-таки не годится. Вот он и хочет войти с дипломом в руках. Или хотя бы в списке мастеров попасть. Ведь верно? Молодец, молодец... И держится так скромно...

— Господин,— сказал Коскэ, поднимаясь.— Мне пора возвращаться.

— Уходите? Ну что ж, если по поручению господина, то так, стало быть, и надо... Погодите, однако, разрешите угостить вас, хоть в доме нашем ничего особенного нет... Куда это Дзэндзо запропастился? Послушайте, господин Коскэ, вы, может быть, еще вернетесь сюда сегодня вечером? Впрочем, вы идете по поручению, так что,

может быть, и не вернетесь... Пройдите, пожалуйста, в покои О-Току и повидайтесь с нею... Она ведь так вас ждала сегодня, столько пудры извела... Не пропадать же зря пудре!

— Вы опять Коскэ смущаете,— с упреком сказал Иидзима.

— Одним словом, сходите и проведайте...

— Раз тебя просят,— строго сказал Иидзима,— сходи и проведай барышню. Пока ты не вошел наследником в этот дом, ты остаешься слугой дома Иидзimy. Изволь пойти и справиться у барышни о ее здоровье. Отчего же ты мнешься, однако? Ступай и спроси барышню, выздоровела ли она.

Коскэ только кланялся, не зная, куда деваться от смущения.

— Сюда пожалуйста,— сказала кормилица,— дозвольте вас проводить...

Когда она ввела его в комнату О-Току, он выпалил:

— Долго изволили недужить, барышня, пришел справиться, каково ваше здоровье.

— Вот она у нас какая, господин Коскэ,— сказала кормилица.— Просим любить да миловать... Барышня, к вам господин Коскэ пожаловали! Да что ж вы покраснелись-то так, это тот самый, из-за кого вы исстрадались вся, говорили еще, грозилась обиды ему высказать, как он придет... А сейчас только краснеете, вот и задом еще повернулись, да кто же это задом здороваётся?

— Разрешите откланяться,— поспешно сказал Коскэ и вернулся в гостиную.— С вашего разрешения,— обратился он к Аикаве,— мне пора. Если успею управиться, снова беспокою вас.

— Ну что ж,— вздохнул Аикава.— Ступайте... На дворе темно уже, у вас есть что-нибудь?

— Что именно?

— Ну фонарь какой-нибудь есть?

— Да, фонарь есть.

— А может быть, вы все-таки в чем-нибудь нуждаетесь? Вот свеча, например, у вас есть?.. Ах, есть? Ну, тогда прекрасно.

Коскэ попрощался и вышел. Если бы он стал возвращаться обычной дорогой, то у поворота его встретила бы тройца, о которой мы упоминали. Но Коскэ перешел мост Рюкэйбаси и вернулся домой со стороны холма Каруко. Судьба ему благоприятствовала. О-Куни даже испугалась, когда он доложил о возвращении. Она-то думала, что его сейчас лупят насмерть в три деревянных меча, обшитых медью, а он явился как ни в чем не бывало.

— Откуда это ты, что это ты? — спросила она растерянно.

— Вы приказали вернуться, потому что у вас есть для меня поручение по дому, вот я и вернулся...

— А как же ты шел?

— Из Суйдобата через мост Рюкэйбаси и дальше через холм Каруко.

— Вот оно что... Ну так вот, я думала, что тебя сегодня задержат у Аикавы, и все сделала сама. Иди обратно и встречай господина. И смотри не разминись с ним. Господин всегда ходит там, где поворот, вот и ступай по этой дороге. На дороге и встретишь его, если он уже вышел. Иди сейчас же, не мешкай.

— Знал бы, не стал бы возвращаться, — пробормотал Коскэ и пустился в обратный путь.

Трое приятелей, сидевших в засаде у поворота с деревянными мечами наготове, ждали его с другой стороны. Но они сразу заметили человека с фонарем.

Пригляделись — точно, он, Коскэ. Айскэ вышел ему навстречу и крикнул:

— Эй, стой!

— Кто это? — остановился Коскэ.— А, это ты, Айскэ?

— Да, Айскэ! Жду тебя, чтобы задать тебе взбучку!

— Что это ты? С какой стати нам с тобой драться?

— Ты наврал про меня у Аикавы, сволочь,— объявил Айскэ,— и не дал мне стать наследником. Ты болтал там, будто я воришка! Зачем врал? Сам к барышне пристраиваешься? Дерьмо ты этакое, все остальное бы ладно, но воришку я тебе не спущу. Я тебе так сейчас накостыляю, что долго будешь помнить...

Тут Камэдзо, подойдя сбоку, ударил деревянным мечом по фонарю, который держал Коскэ. Фонарь упал на дорогу и загорелся.

— Без году неделя служишь, сволочь,— сказал Камэдзо, хватая Коскэ за грудь,— подольстился к господину, так думаешь, можешь нос задирать? И вообще ты мне не по праву...

Да у них здесь целая шайка, подумал Коскэ. Вглядевшись в темноту, он заметил еще одного, сидевшего на корточках у края дороги. И тогда он вспомнил поучение господина: когда врагов много, нельзя терять голову и лучше всего действовать лежа. Воспользовавшись неосторожностью Камэдзо, схватившего его за грудки, он вцепился за бивяке в бока, мигом опрокинулся на спину и правой ногой точно ударил его в пах. Камэдзо перевернулся через голову, ударился о землю и остался лежать возле дороги. Айскэ и Токидзо разом бросились на Коскэ слева, но он ловко увернулся, выхватил из-за пояса свой деревянный меч и с треском обрушил его на зад Айскэ. У Айскэ от боли закружилась голова, потом-

нело в глазах, подкосились ноги, он, шатаясь, пробежал несколько шагов, не разбирая дороги, и повалился в придорожную канаву. Вслед за ним свалился, получив удар, и Токидзо.

— Кто там еще есть, выходи! — закричал Коскэ.— Все вассалы Иидзимы живы и готовы к бою! Но сгорел фонарь с гербом, как я оправдаюсь перед господином?

— Довольно с них,— сказал Иидзима, выступая из темноты.— Успокойся.

— Господин? — опешил Коскэ.— Зачем вы тут? Ну, конечно, вы видели, что я дрался, и теперь мне опять попадет...

— Я возвращаюсь от Аикавы,— объяснил Иидзима,— и вдруг вижу это безобразие. Ну что ж, подумал я, если этот мальчишка не справится, придется помочь ему. Хорошо хоть, что справился... Подбери обломки фонаря и иди за мной.

Когда они вернулись домой, О-Куни была удивлена и испугана второй раз. Но вида она не подала, и вечер прошел, как обычно. А на следующее утро к Иидзиме явился Гэндзиро.

— Доброе утро, дядюшка,— почтительно поздоровался он.

— Доброе утро,— благосклонно отозвался Иидзима.

— Дядюшка,— сказал Гэндзиро.— Вчера вечером у поворота дороги ваш слуга Коскэ и наш слуга Айскэ учинили драку. Айскэ припелся домой весь избитый. Старший брат мой сильно разгневался, назвал его мерзавцем и выгнал со службы. Известно, однако, что наказание участникам драки полагается одинаковое, поэтому мы надеемся, что будет уволен и Коскэ. Ведь затевать драку из-за личных счетов — проступок для слуги непро-

стителный. Я позволил себе доложить вам обо всем этом от имени старшего брата.

— Вы прекрасно сделали,— ответил Иидзима.— Но вины на Коскэ нет. Вчера вечером он с фонарем сопровождал меня по дороге домой, как вдруг у поворота на него набросились Камэдзо из дома Танаки, Токидзо из дома Фудзиты и ваш Айскэ. Они не только задержали меня, но еще и сожгли фонарь с моим гербом. Я хотел казнить мерзавцев на месте, но решил, что рубить слуг соседей было бы недостойно. А тем временем разъяренный Коскэ разогнал их своим деревянным мечом. Так что за вчерашний случай он не несет ответственности. Вы, несомненно, правильно сделали, что доложили мне обо всем. Прошу и впредь докладывать, если Коскэ подаст повод для вашего недовольства. И вы совершенно правильно сделали, что уволили негодяя, посмевшего заступить мне дорогу. Держать таких слуг, разумеется, нельзя. Так и доложите вашему старшему брату. А я сейчас напишу Танаке и Фудзите, чтобы уволили Камэдзо и Токидзо...

Гэндзиро, видя, что план его провалился и Коскэ остался в доме Иидзимы, так растерялся, что удалился домой, не попрощавшись.

ГЛАВА X

Томодзо, которому в том году исполнилось тридцать восемь лет, жил со своей женой, тридцатипятилетней О-Мицэ, небогато, но, благодаря Хагиваре Синдзабуро, вполне сносно. Томодзо возделывал огород Хагивары, убирал его сад и двор, О-Мицэ готовила Хагиваре обед, стирала на него, солила и мариновала овощи, и Хагивара относился к ним, как к родовым вассалам. Он не только не брал

с них денег за жилье, но время от времени жаловал им карманные деньги и одежду со своего плеча. Надо сказать, что Томодзо был ленив и никаким ремеслом не занимался, работала одна лишь О-Минэ, просиживая над рукодельем каждый вечер до восьмой, а то и до девятой стражи.

Раз вечером О-Минэ, по обыкновению, сидела за своим рукодельем, а Томодзо валялся на спальной циновке за пологом от комаров и болтал ногами. Полог был дырявый и весь в узлах от веревочек, стягивавших дыры. Колокол вдали пробил четвертую стражу, мир затих, только изредка слышался звонкий плеск воды в источнике да ночной осенний ветер как-то жутко шуршал в листьях и траве, когда же порывы ветра стихали, тишина становилась еще более тоскливой и глубокой. В такой тишине хорошо слышен малейший шорох, и вот О-Минэ, к своему изумлению, услышала, что ее муж с кем-то шепчется за пологом. Она подкралась и осторожно взглянула сквозь тень, которую фонарь отбрасывал на сетку. Видит — Томодзо поднялся и сидит прямо, положив руки на колени. И кто-то еще есть за пологом, кто разговаривает с ним. Но кто, разглядеть она как следует не смогла, только показалось ей, что голос — женский, и в груди ее зашевелился червячок ревности. Высказать свою ревность открыто она не посмела, ведь ей было уже тридцать пять лет, не молоденькая; а пока она всячески поносила мужа про себя, женщина скрылась. О-Минэ на этот раз промолчала, но на следующий вечер женщина пришла опять и снова шепталась с Томодзо за пологом, и так продолжалось три вечера подряд. На третий вечер О-Минэ уже еле удерживалась, нос у нее стал острым, и она раздувала ноздри.

— О-Минэ, — позвал из-за полога Томодзо, — пора спать, ложись.

— Дура я, дура,— сказала О-Минэ.— Работаю до четвертой, до пятой стражи.

— Не ворчи, иди и ложись скорее.

— Дурой надо быть, чтобы работать так без сна...

— Идешь ты под полог или нет?

О-Минэ со злости рывком высоко подняла полог и вошла к мужу.

— Кто же так под полог входит? — закричал Томодзо.— Ты же комаров напустила полно!

— Томодзо,— сказала О-Минэ,— что за женщина приходит к тебе каждый вечер?

— Не твое дело,— буркнул Томодзо.

— Может, и не мое, но я этого терпеть не буду. В самом деле, я ночей не сплю, работаю на тебя в поте лица, а тебе на все наплевать, девок сюда таскаешь... Какая там я ни на есть, постыдился бы... Мог бы прямо сказать, так, мол, и так...

— Погоди,— сказал Томодзо.— Совсем не в этом дело. Я уже давно хотел поделиться с тобой, да все боялся испугать тебя...

— Это меня-то испугать? Ну уж нет! Тебя эта дрянь, может быть, и испугала чем-нибудь, ты ей, верно, сказал, что есть у тебя жена и ты с другими девками путаться не можешь, а она тебе пригрозила отомстить или что-нибудь в этом роде... Вот дрянь бессовестная! Нагло влезла в дом к женатому мужчине и еще смеет грозить! Да пусть только попробует вытащить нож, я ей покажу!..

— Да не то это совсем,— остановил ее Томодзо.— Ладно, я расскажу, только ты не пугайся. Женщина, что сюда каждый вечер приходит, это служанка одной барышни, влюбленной в господина Хагивару. И барышня эта к нему все время ходит...

— Господин Хагивара имеет на то доходы господина Хагивары, а ты куда из своей нищеты за ним тянешься? Порезвиться захотелось? Значит, ты с этой прислугой спутался?

— Говорю тебе, здесь совсем другое! Вот что было по-настоящему. Позавчера вечером, только я задремал, появляется со стороны источника женщина в летах с фонарем в виде цветка пиона и ведет за собой молоденькую барышню. Подходят они к нашему дому, а я и думаю, зачем бы это женщинам такой благородной наружности могли понадобиться такие люди, как мы с тобой. Однако старшая женщина заходит ко мне, кланяется и спрашивает: «Вы Томодзо?» Я отвечаю, что да, я, мол, Томодзо и есть. «Вассал господина Хагивары?» — спрашивает. Да, говорю, все равно что вассал. «Ну так вот, — говорит она. — Господин Хагивара очень жестоко обошелся с моей госпожой. Барышня его любит всем сердцем, и они сговорились встретиться нынче ночью, но он, видно, разлюбил ее и устроил так, что мы не можем к нему войти. Так поступают только бессердечные люди. А в дом его мы не можем войти потому, что на окошко, которое выходит на задний двор, наклеен ярлык с заклятием. И я очень прошу вас, из жалости к моей госпоже отклейте этот ярлык, окажите любезность». Ну что ж, говорю, раз вы так просите, завтра, так и быть, сдеру вам этот ярлык. «Только не забудьте, пожалуйста», — сказала она и ушла. Но вчера я целый день копался на огороде и совсем забыл об этом деле. Вечером она опять приходит и спрашивает: «Почему же вы не отклеили?» Ах, говорю, забыл, но уж завтра сдеру непременно. Нынче утром собираюсь на огород, зашел по пути на задний двор и вижу — действительно, на маленьком окошке наклеен ярлык со святой молитвой. Как же так, думаю,

никакой человек через такое узкое окошко не пролезет. И вспомнил тут я, что мне рассказывали, будто барышня эта умерла и ходит к господину Хагиваре в виде привидения. Так вот, думаю, в чем дело! Значит, ко мне два вечера подряд привидения ходили... У меня от страха даже волосы дыбом встали.

— Что за глупые шутки,— сердито заметила О-Минэ.

— Решил я, что больше они не придут,— продолжал Томодзо.— Нет, пришли-таки. Но сегодня я знал, что это привидения, и от страха не мог рта раскрыть, только обливался холодным потом и весь заостенел. Было мне так тяжело, будто меня чем-то придавили. «Что же вы не отклеили? — спрашивает старшая женщина.— Смотрите, мы можем на вас рассердиться...» И лицо у нее при этом стало такое жуткое, что сказать нельзя. Ладно, ладно, говорю, завтра обязательно все сделаю. С тем они и ушли. Я сижу весь сам не свой, а тут еще ты со своей ревностью... И вот что я думаю. Мне совсем не хочется, чтобы привидения обратились против меня, но если содрать ярлык, они господина Хагивару загрызут, либо как-нибудь по-иному убьют, так что я решил отсюда переехать.

— Врешь ты все,— сказала О-Минэ.— Хочешь меня одурачить. Разве такое может случиться?

— Если сомневаешься, завтра сама их встретишь и будешь разговаривать. А с меня довольно, я в шкаф спрячусь.

— Значит, это правда?

— А вот поговоришь с ними и увидишь.

— Но ведь я слышала стук гэта, когда она уходила...

— Да. И она очень красивая женщина. Только от этого еще страшнее. И завтра вечером, когда они явятся, ты будешь со мной рядом.

— Ужас какой... Нет, я не хочу.

— Барышня в узорчатом кимоно, в причёске «симада», служанка тоже очень благородной наружности... Так вежливо кланяется до земли, с грустным таким, исхудалым лицом, и говорит: «Господин Томодзо, вы...»

— Боюсь! — взвизгнула О-Минэ.

— Фу ты, напугала меня! Что ты так кричишь?

— Как же быть, Томодзо, страх-то какой!.. У нас ведь есть, чем губы помазать, только милостями господина Хагивары... А ты вот что сделай! Завтра, как привидения явятся, ты уж соберись с духом и скажи им: так, мол, и так, дело обыкновенное, вы собираетесь свести с господином Хагиварой какие-то счёты, но мы-то с супругой, скажи, только милостями его и живы, и, если с ним что случится, жить нам будет не на что. Так что, скажи, сделайте такую милость, принесите мне сто рё золотом, и я сразу же сдеру ярлык... Конечно, тебе будет очень страшно, но ты всегда хвалился, что, если выпьешь водки, тебе все нипочем. Я эту ночь поработаю и куплю тебе завтра пять го¹ водки, а ты выпьешь, запьянеешь и скажешь им все...

— Вот дура,— сказал Томодзо.— Да откуда у привидений деньги?

— Вот в том-то и дело! Не принесете денег, не отклею ярлык. Нет такого непонятливого привидения, которое убило бы тебя за то, что ты отказываешься сдирать ярлыки даром. Вдобавок против тебя ведь они ничего не имеют. То, что ты им скажешь, вполне разумно. А принесут деньги, тогда, так и быть, отклеивай...

¹ Го — мера жидкости, около 0,2 литра.

— И верно,— сказал Томодзо.— Эти привидения с понятием, если им все как следует объяснить, они согласятся и уйдут. А может, и впрямь принесут сто рё!

— Тогда отклей этот ярлык! Подумай только, если у нас будет сто рё, да мы всю жизнь с тобой ни в чем нуждаться не будем!

— Да, это было бы здорово,— сказал Томодзо.— А ведь обязательно принесут деньги! Ладно, попробуем.

Страшная это вещь — жадность. Весь день супруги ждали захода солнца. Когда стемнело, О-Минэ объявила, что смотреть она не будет, и забралась в шкаф. Близилась четвертая стража, и Томодзо залпом осушил большую чашку водки. Он твердо решил, что говорить с привидениями будет в пьяном виде. Вот колокол у пруда Синобадзу ударил четвертую стражу. О-Минэ в шкафу, несмотря на жару и духоту, зарылась в тряпье и застыла, скорчившись в три погибели. Томодзо ждал, восседая за пологом. Со стороны источника послышался стук гэта, и, как всегда, словно в тумане, у живой изгороди появились две женщины с пионовым фонарем. Томодзо затрясся, будто его облили ледяной водой, хмель мигом слетел с него, так что выпитые им три го водки пропали даром. Так он сидел и дрожал, когда привидения приблизились к пологу и окликнули его.

— Да-да,— проговорил Томодзо.— Добро пожаловать...

— Простите нас за то,— сказала старшая женщина,— что мы приходим и беспокоим вас каждый вечер. Но ведь и сегодня ярлык не отклеен, и нам не войти к господину Хагиваре. А барышня капризничает, я совсем извелась с нею. Сжальтесь же над нами, пожалуйста, отклейте ярлык!

Томодзо сказал, стуча зубами:

— Да-да, все это верно, конечно... Да только дело-то в том, что мы с женой живы ото дня ко дню одними милостями господина Хагивары. Если с ним что случится, нам же с женой жить не на что будет. Вот если бы вы принесли нам на бедность сотню золотых рё, я бы этот ярлык с превеликой радостью отодрал...

Он говорил с трудом, обливаясь холодным потом. Женщины поглядели друг на друга и задумались, опустив головы. Затем служанка сказала:

— Теперь вы сами изволите видеть, барышня, что мы зря беспокоим этого доброго человека. Он ведь не сделал нам никакого зла. Что делать, сердце господина Хагивары вам изменило, напрасно вы стремитесь к нему. Будьте мужественны, забудьте о нем!

— Я не могу, О-Ёнэ,— сказала девушка и тихо заплакала, закрыв лицо рукавом.— Дай господину Томодзо сто рё, и пусть он отклеит ярлык. Прошу тебя. Я должна увидеть господина Хагивару.

— Да где же мне взять сто золотых? — сказала О-Ёнэ.— Ну ладно, я что-нибудь придумаю и достану... Но это еще не все, господин Томодзо. Нам мешает не только ярлык. За пазухой у господина Хагивары хранится святой талисман «Кайоннэрай», и талисман этот тоже не дает нам приблизиться к господину Хагиваре. Завтра днем вы должны выкрасть его и куда-нибудь выбросить. Сможете вы сделать это?

— Изловчусь,— ответил Томодзо.— Выкраду и талисман. Вы только деньги принесите.

— Ну что ж,— сказала О-Ёнэ,— пойдемте, барышня. Придется подождать до завтра.

— Опять возвращаться, не повидав его! — простонала девушка.

О-Ёнэ взяла ее за руку и увела.

Двадцать четвертого числа господин Иидзима ушел на ночную службу, а О-Куни долго лежала без сна, мечтая о том, как она в конце концов все-таки соединится с Гэндзиро. Четвертого числа будущего месяца господин должен будет отправиться с Гэндзиро на рыбную ловлю, и там Гэндзиро утопит его, после чего станет в этом доме наследником. Замысел хорош, но о нем пронохал Коскэ. Как сделать, чтобы господин либо уволил Коскэ, либо в гневе зарубил его? О-Куни ломала над этим голову, пока не задремала от усталости. Вдруг она открыла глаза и увидела, что фусума в ее комнате тихо раздвинулись.

В те времена в самурайских домах еще не было бамбуковых штор, и сёдзи на верандах, а также фусума в покоях задвигались на ночь даже во время жары. И вот фусума в спальне О-Куни раздвинулись, и послышались крадущиеся шаги. Затем раздвинулись фусума в покоях рядом. Что это, подумала О-Куни, неужели кто-нибудь в доме еще не ложился? Было слышно, как кто-то подергал дверцу стеного шкафа и заскрипел отпираемый замок. Не успела О-Куни опомниться, как фусума с треском захлопнулись и ночной посетитель, шурша одеждой, быстро удалился в сторону кухни. Странно, подумала О-Куни. Она была женщиной не из робкого десятка, поэтому тут же поднялась, зажгла фонарь и обошла покои. Никого. Она подошла к стенному шкафу. Дверца была раскрыта, и наружу свисал край шелкового кошелька. Шкатулка господина, в которой хранился кошелек, оказалась взломанной, а из кошелька пропало сто золотых. Вор, подумала О-Куни, и по спине ее побежали мурашки.

Но тут в голове ее мелькнула мысль. Да ведь это просто удача, что пропали деньги! Теперь можно будет обвинить Коскэ в воровстве и уговорить господина либо казнить, либо выгнать его. И то и другое будет хорошо, нужно только подстроить доказательство. О-Куни спрятала кошелек в рукав и вернулась в спальню. Утром она как ни в чем не бывало позвала Коскэ, вручила ему бэнто¹ и послала встречать господина. В это время в сад с веником в руке вышел старший слуга Гэнскэ и принялся подметать дорожки. О-Куни окликнула его.

— А, с добрым утром, — добродушно сказал Гэнскэ. — Приятно видеть вас всегда в добром здравии. А то по нынешним временам жара стоит невыносимая. Свирепая ныпче жара, хуже, пожалуй, чем в разгар лета была...

— Я заварила чай, Гэнскэ, выпей чашечку.

— Покорно благодарю. И ведь на высоком месте наш дом, ветерок со всех сторон обдувает, а у ворот не продохнуть все равно... Спасибо большое. Водки я, видите ли, не пью, так что чай мне в самый раз. Самое для меня что ни на есть большое удовольствие, когда меня чашечкой чая жалуют...

— Послушай, Гэнскэ, — сказала О-Куни. — Ты у нас уже восемь лет служишь, и человек ты прямой и честный. Как тебе нравится Коскэ? Он поступил к нам только пятого марта, но очень уж возгордился тем, что наш господин благоволит к нему. Боюсь, тебе трудно приходится из-за его своеволия, ведь ты с ним живешь в одной комнате...

— Ну что вы, — засмеялся Гэнскэ. — Я такого славного парня, как наш Коскэ, и не встречал. Господину всей душой предан, если господину что нужно, работает

¹ *Бэнто* — коробка с завтраком.

как бешеный. И всего-то ему двадцать один год... Очень преданный человек. И добрый на удивление. Вот болел я недавно, так он всю ночь ходил за мной, глаз не сомкнул, а утром, бодрый как всегда, пошел сопровождать господина... Нет, человек он сердечный, душевный человек, я его люблю.

— Ловко тебя Коскэ одурачил,— сказала О-Куни.— Он же тебя перед господином оговаривает!

— Как это — оговаривает?

— А ты и не знал? Я своими ушами слышала. Жаловался он господину, что-де, мол, Гэнскэ человек скверный, служить с ним трудно... что жить с тобой в одной комнате одно мучение, что ты его не учишь, а, наоборот, стараешься делать так, чтобы он оплошности совершал... Что когда господа жалуют в людскую чай и вкусную еду, ты все сам съедаешь, ничего ему не даешь... Скверный, говорит, человек этот Гэнскэ. Господин, конечно, рассердился, посетовал, что ты в свои годы стыд потерял, и решил в скором времени выгнать...

— Да ведь Коскэ же наврал все! — вскричал Гэнскэ.— Зачем же он на меня наговаривает такое? Вот, например, когда жалуют нам вкусные вещи, я же, наоборот, все Коскэ отдаю, ешь, говорю, ты молодой, тебе больше надо... Зачем же он так?

— И это еще не все. Коскэ обворовывает господина... А раз ты живешь вместе с ним, тебя посчитают за соучастника!

— Да неужто он украл что-нибудь?

— Вот тебе и неужто! Не знаешь ничего, так вот как раз и попадешь в соучастники. Я точно знаю, что украдено у господина. У служанок я уже искала. А теперь принеси сюда ящик с вещами Коскэ...

— Я не причастен к этому,— проговорил Гэнскэ.

— Я господину так и сказала,— успокоила его О-Куни.— Ступай принеси ящик Коскэ, да так, чтобы не заметил никто...

Гэнскэ, человек простодушный, ни о чем не подозревая, побежал в людскую, принес ящик с вещами Коскэ и поставил его перед О-Куни. О-Куни открыла крышку и, делая вид, что копается в ящике, незаметно вытряхнула в него из рукава кошелек.

— Какой ужас! — воскликнула она.— Здесь оказалась очень ценная для господина вещь! Господин доверил мне ее, а я даже не заметила, что она пропала! Какая же я нерадивая... Нет, это надлежит расследовать со всей строгостью. Пусть вернется господин, и мы осмотрим вещи всех слуг прямо при них...

— Надо же,— растерянно сказал Гэнскэ,— а на вид такой честный парень...

— Смотри,— сказала О-Куни,— никому не говори, что я смотрела в его ящике.

— Ладно, не скажу,— уныло проговорил Гэнскэ, отнес ящик в людскую и поставил его обратно на полку.

В час Овцы, а по-нынешнему в четвертом часу, все домочадцы вышли к парадному входу встречать господина. Господин проследовал в покои, уселся на дзабутон и тут заметил, что О-Куни, которая обыкновенно сразу же принималась развлекать его болтовней, что-то не в духе.

— Почему ты грустна, О-Куни? — осведомился он.— Ты больна? Что случилось?

— Ах, мой господин,— ответила О-Куни,— я просто не знаю, как оправдаться перед вами... Вчера вечером в ваше отсутствие к нам забрался вор. Пропали сто золотых. Они были в шелковом кошельке и пропали вместе с кошельком... А дело было так. Ночью мне показалось,

будто кто-то раздвинул сѣдзи на кухне. Я встала и все осмотрела. Никого нет, все двери наружные крепко заперты. И вдруг я заметила, что взломана шкатулка, которая хранится в шкафу, что в вашем кабинете. Это меня очень испугало. Я помолилась Бисямону¹ и обратилась к гадальщику. Гадальщик сказал мне, что кража, несомненно, учинена кем-то из домашних... Я думаю, следует обыскать ящики и корзинки у всех слуг.

— Не надо этого делать,— возразил Иидзима.— Вряд ли среди моих домашних есть хоть один, у кого достанет смелости украсть сто золотых. Это дело рук пришло-го вора.

— Да ведь ворота были на крепком запоре,— сказала О-Куни,— а сѣдзи открывали только на кухне... Нет, я всех обыщу. О-Такэ! О-Кими! Все идите сюда!

— Беда-то какая! — воскликнула О-Такэ, когда О-Куни объяснила, в чем дело. А О-Кими затараторила:

— Я, кроме как для уборки, в господские покои и не захожу никогда, то-то, должно быть, в огорчение вам эта пропажа, а я и не знала ничего, что вчера ночью случилось, просто странно мне это как-то, правду говорю...

— Я вас не подозреваю,— объявил Иидзима.— Но, поскольку это случилось в мое отсутствие, когда дом был оставлен на О-Куни, она считает непременно, чтобы я всех обыскал.

— Пожалуйста, господин,— сказали служанки.— Будьте так любезны.

¹ *Бисямон* (Бисямонтэн) — буддийское божество индийского происхождения (*санскритск.* Вайсравана). Один из четырех царей-воителей, охраняющих Страны Света, царит над Севером. Он же отождествляется с богом богатства Куберой. Изображается в доспехах,— в одной руке держит пагоду, в другой — кошь.

Они, не мешкая, притащили на веранду свои корзинки.

— Ну-ка,— сказал Иидзима,— посмотрим, что в корзинке у Такэ... Так, женщина ты бережливая, я вижу здесь полотенце, которое тебе пожаловали в позапрошлом году. Молодец, такой и положено быть женщине. Всякую тряпочку заверни в бумажку и сохрани... Давай сюда твою корзинку, О-Кими!

О-Кими, смущенно хихикая, попросила:

— Если можно, господин, пусть мою корзинку кто-нибудь другой осмотрит...

— Нет, так нельзя,— возразил Иидзима.— Я осмотрел вещи Такэ, и, если не осмотрю твои, она может обидеться.

— Ну, пожалуйста...

— Что ты так смущаешься?.. А, вот в чем дело! Накопила полкорзины срамных книжек...¹

— Простите великодушно, я их не копила, это мне родственники прислали...

— Ладно, можешь не оправдываться. Читай на здоровье. Говорят, от этого охота пуше становится...

— А теперь надо обыскать Коскэ и Гэнскэ,— распорядилась О-Куни.— О-Такэ, беги и пришли их сюда с вещами.

О-Такэ побежала в людскую.

— Коскэ! Гэнскэ! — крикнула она.— Вас господин зовет!

— Что там случилось, Такэ? — спросил Гэнскэ.

— Пропало сто золотых! Берите свои вещи и идите, всех сейчас обыскивают! Говорят, что украл кто-то из домашних!

¹ Срамные книжки («макурадзоси») — лубочные книжки с непристойными рисунками.

— Вот беда,— сокрушенно сказал Гэнскэ.— И откуда только к нам вор пробрался? Ну да ладно, сейчас идем.

Они вынесли свои ящики на веранду и поставили перед Иидзимой. Гэнскэ запричитал:

— И как это могло случиться, ума не приложу... Сто золотых рё пропало, это что же такое! Мы же с Коскэ так строго ворота охраняем... Вот ведь несчастье какое...

— Мы обыскиваем потому только,— объяснил Иидзима,— что это случилось в мое отсутствие, когда дом был на попечении О-Куни, и это ее очень взволновало...

— Коскэ,— сказала О-Куни.— И ты, Гэнскэ. Мне очень жаль, но вы тоже оказались под подозрением. Давайте сюда ваши вещи.

— Вот, проверьте, пожалуйста,— сказал Гэнскэ.

— Больше у тебя ничего нет?

— Это все, что я имею. Больше у меня ничего нет.

— Ай-яй-яй... Как же ты укладываешь кимоно, подвернув рукава? Надо складывать как следует... А это что? Ночное кимоно? Неряха, скатал в комок и сунул как попало... Тесемка какая-то... От вшей? Все в грязи, засалено... Ну, ладно. Давай твой ящик, Коскэ. У тебя только этот ящик, больше нет?

О-Куни запустила руки в ящик Коскэ и принялась неторопливо перекладывать вещи. Подброшенный кошелек, конечно, оказался там. О-Куни подцепила его ручкой верера, подняла на всеобщее обозрение и, повернувшись к Коскэ, осведомилась:

— Как попал этот кошелек в твой ящик?

Коскэ остолбенел.

— Что такое? — проговорил он.— Откуда это? Впервые вижу!

— Не прикидывайся! — строго сказала О-Куни.— Сто золотых пропали вместе с этим вот кошельком! Я уж не

знала, что и подумать, даже к гадальщику обращалась. Я отвечаю за эти деньги перед нашим господином, медленно верни их!

— Да не брал я их! — закричал Коскэ. — И не думал брать, хоть вы что угодно говорите! И как этот кошелек ко мне попал, не понимаю!

— Гэпскэ,— сказала О-Куни.— Ты служишь в этом доме дольше всех. Ты старше всей челяди по возрасту. Я думаю, Коскэ воровал не один. Он был в сговоре с тобой. Сознавайся, Гэпскэ. Сознайся первым.

— Это... Я ведь...— забормотал Гэпскэ и вдруг завопил:— Что же это, Коскэ? Что ты наделал? Ведь теперь из-за тебя и меня запутают! Я здесь уже восемь лет служу, меня всегда честным считали, а теперь будут подозревать, потому что я старше всех!.. Не дай меня запутать, Коскэ, скажи все!

— Я ничего не могу сказать!

— Это ты говоришь, что не можешь! А как же кошелек у тебя в вещах оказался?

— Да откуда я знаю, сам по себе оказался!

— Этим ты не отделаешься,— сказала О-Куни.— Кошелек сам собой в твой ящик попасть не мог. Я теперь тебя насквозь вижу, какой ты есть! И не смей притворяться! Конечно, наружность у тебя милая, невинная, а на поверку выходит, что ты жулик! Это таких, как ты, называют скотами, псами, не знающими ни чести, ни благодарности! Из-за тебя я виновата перед господином! Свинья!

Она пнула Коскэ в колено.

— Что вы делаете! — вскрикнул Коскэ.— Не знаю я ничего! Не знаю, говорю вам, не знаю!

— Гэпскэ,— сказала О-Куни.— Сознавайся ты первым.

— Коскэ, опомнись! — умоляюще сказал Гэнскэ.— Ведь меня же подозревают, думают, что это я тебя побил на это дело! Признайся, и дело с концом!

— Не знаю я,— твердил Коскэ.— Что ты пристал ко мне? Ну как это можно, чтобы слуга украл у господина сто золотых? Это же подумать страшно! Не знаю я, говорят тебе!

— Не знаешь? — разозлился Гэнскэ.— Твердишь, что не знаешь, а как кошелек у тебя очутился? Украл, а я из-за тебя страдать должен? Признавайся, негодник, живо признавайся, ну? — Он ударил Коскэ.— Будешь ты признаваться или нет?

Коскэ со слезами твердил, что он не виноват. О-Куни торжествовала. Вот она, месть за ту ночь! Господин сегодня же либо зарубит, либо выбросит Коскэ из дома. От избытка чувств она изо всех сил ушипнула Коскэ за ногу и прошипела:

— Так не скажешь, Коскэ, нет?

Коскэ плакал от обиды и отчаяния, не понимая, как это могло произойти, зная только, что ему не оправдаться перед господином.

— Бейте, шипайте сколько угодно,— бормотал он.— Все равно я ничего не знаю, все равно ничего не могу сказать...

— Ну что ж,— сказала О-Куни,— тогда сознавайся ты, Гэнскэ.

Тот ударил Коскэ и крикнул:

— Признавайся!

— За что ты бьешь меня?

— Я за тебя страдать не желаю,— прорычал Гэнскэ и ударил снова.— Признавайся, ну?

Они били и шипали Коскэ с двух сторон, и тогда он закричал голосом, полным нестерпимой обиды:

— Бей, Гэнскэ, бей, все равно я ничего не знаю! Тебе стыдно должно быть, ведь мы живем с тобой в одной комнате, ты меня хорошо знаешь! Ты знаешь, что, когда я убираю в саду, я веточки, травинки стараюсь не сломать! Ты знаешь, что, когда я гвоздь ржавый подберу, я его тебе сразу несу показать! Как же ты можешь, зная меня, подозревать во мне вора?.. А вы что визжите? Чтобы восстать против меня господина?

Иидзима, до того молча слушавший эту перебранку, заорал:

— Молчать, Коскэ! Как ты смеешь, мерзавец, поднимать голос, не стесняясь своего хозяина? Говори, как попал кошелек в твой ящик! Отвечай немедленно! Как там оказался кошелек?

— Не знаю я!

— Ты полагаешь, что так тебе удастся отвертеться? Негодяй! Я так заботился о тебе, старался вывести в люди, а ты в благодарность обокрал меня? Где твой стыд? Нет, верно, ты не один, у тебя и сообщники есть... Так вот знай, если не расскажешь все начистоту, зарублю своей рукой!

Тут Гэнскэ перепугался.

— Пойдите, господин,— сказал он,— погодите его рубить! Вдруг это все-таки кем-нибудь подстроено? Пожалуйста, отложите казнь, позвольте мне сперва как следует допросить Коскэ!

— Молчать, Гэнскэ! Хочешь, чтобы я и тебя подозревал? Попробуй мне только еще раз вступить за этого негодяя, я и тебя зарублю!

— Проси прощения, Коскэ,— шепнул Гэнскэ.

— Мне не в чем просить прощения,— отозвался Коскэ,— я ни в чем не виновен. Господин зарубит меня? Так ведь это же счастье для вассала — умереть от руки

господина! Моя жизнь принадлежит господину с первого дня службы, я всегда был готов умереть за него... Плохо только, что господин считает меня бессовестным негодяем, это омрачает радость смерти от его руки... это несправедливо, но ничего, видно, не поделаешь. Все равно когда-нибудь объявится настоящий вор, и тогда все скажут: «Да, украл не Коскэ, мы напрасно обвинили Коскэ!» А сейчас я умру с легким сердцем. Прошу вас, господин, казните меня! Убейте одним ударом!

С этими словами Коскэ на коленях подполз к ногам господина.

— Нет,— сказал Иидзима холодно,— пролить в доме кровь при солнечном свете — это дурная примета. Я казню тебя вечером, когда наступят сумерки. А сейчас ступай и запишись в своей компате. Эй, Гэискэ, стереги его, чтобы не сбежал!

— Проси же прощения,— прошептал Гэискэ.

— Я не буду просить прощения,— сказал Коскэ.— Я прошу только, чтобы меня скорее убили.

— Слушай меня, Коскэ,— сказал Иидзима.— Случается иногда, что люди недостойные, подлого звания, возымевают обиду на господина своего и обвинив его в черствости и жестокости, из упрямства откусывают себе язык или вешаются. Ты же происходишь из самураев и самоубийства совершить не должен. Ты будешь ждать казни от моей руки.

Коскэ дрожащим от обиды голосом произнес:

— Я умру только от вашей руки. Но прошу вас, убейте меня скорее!

Гэискэ повел его в людскую.

— Почему ты не просишь прощения? — сердито спросил он.

— Я не вор,— ответил Коскэ.

— Смотри,— продолжал Гэнскэ,— господин ведь никогда никому, бывало, грубого слова не скажет, а тут так разволновался... Ну, конечно, сто золотых пропало, дело не шуточное... А может, ты попросишь молодого соседа, господина Гэндзиро, пусть замолвит за тебя словечко перед господином...

— Я скорее откушу себе язык, чем пойду к нему с какой-нибудь просьбой!

— Тогда попроси господина Аикаву... господина Сянгобэй...

— Нечего мне просить, нет за мной никакой вины! Настоящий вор потом все равно отыщется, ведь говорят же, что небо открывает правду! И тогда господин вспомнит обо мне и скажет: «Да, жаль, что с Коскэ так получилось». Для моей души на том свете это будет самой большой наградой... Послушай, Гэнскэ, ты делал для меня много доброго, и я думал отблагодарить тебя хотя бы карманными деньгами, когда стану наследником Аикавы, но сам видишь, теперь все пошло прахом. И я теперь тебя об одном только прошу. Когда меня не станет, служи нашему господину за двоих, береги его, будь ему верен до конца... И еще вот что, Гэнскэ... Я знаю, ты слаб здоровьем, так следи за собой, старайся не болеть... Ну до чего обидно, что обвинили меня в воровстве, о котором я даже и знать не знаю!

Коскэ разрыдался и бросился ничком на пол. Гэнскэ тоже зашмыгал носом и стал вытирать глаза.

— Прощения бы попросил,— пробормотал он.— Попросил бы, а?

— Ладно,— сказал Коскэ.— Не будем так убиваться.

Он решил, что перед казнью откроет господину все. И то, что Гэндзиро вступил с О-Куни в преступную связь, и то, что они задумали совершить четвертого числа буду-

щего месяца на Накагаве. Он сразу успокоился и стал терпеливо ждать. Когда стемнело и зажглись огни, женские голоса вдруг закричали у дверей:

— Коскэ! Гэнскэ! Господин зовет!

А что произошло, вы узнаете позже.

ГЛАВА XII

Пока Томодзо разговаривал с привидениями, его жена О-Минэ, обливаясь потом и едва дыша, пряталась в шкафу, зарывшись в тряпье. Наконец О-Енэ взяла О-Цую за руку, и они удалились, словно растворившись в тумане. Томодзо постучал по шкафу кулаком.

— Можешь выходить, О-Минэ! — крикнул он.

— А вдруг они еще здесь? — отозвалась жена.

— Ушли, ушли. Выходи.

— Ну как? — спросила О-Минэ, выбравшись из шкафа.

— В общем, я держался изо всех сил, — стал рассказывать Томодзо, — но все равно сразу протрезвел. Понимаешь, когда я пьяный, я даже самурая не испугаюсь, но тут как подумал, что рядом со мной привидения, меня будто холодной водой окатили, весь хмель из головы вылетел, слова не могу выговорить...

— Я было в шкафу прислушалась, — сказала О-Минэ, — так голоса едва слышны были. А страшно до чего!

— Вот я и говорю привидениям, — продолжал Томодзо, — принесите, говорю, сто рё золотом. Если, говорю, с господином Хагиварой что случится, нам с женой жить не на что будет. А как только принесете деньги, мигом ярлык отдеру, говорю. Привидение говорит, деньги, говорит, мы завтра принесем, а ты отклей ярлык, да еще, говорит,

изловчись, выкради и выброси у господина Хагивары талисман «Кайоннёрай», который он носит на шее, потому что, говорит, этот талисман тоже мешает нам войти к нему. А ты знаешь, что это за талисман? Он из чистого золота, больше четырех сун в длину. Я его недавно видел, когда поднимали занавес перед статуей Будды. Один монах еще тогда что-то о нем рассказывал... Что же он рассказывал?.. Да, говорил, что это, дескать, очень ценное изделие... Не украсть ли его, как думаешь?

— Это было бы неплохо! — согласилась О-Минэ.— Ну и везет нам, ничего не скажешь... Ведь его, наверное, продать где-нибудь можно...

— Только не здесь, не в Эдо. Продадим в провинции, где о нем не знают. Я думаю, на лом продать, и то можно взять сто или двести рё.

— Да что ты говоришь! Ну, если у нас будет двести рё, мы всю жизнь с тобой проживем припеваючи... Ты уж постарайся, сил не жалея!

— Само собой... Только вот в чем дело — он же висит у господина Хагивары на шее. Что бы тут придумать?

— Господин Хагивара давно уже не мылся, — сказала О-Минэ.— Он только и делает, что читает сутры под пологом от комаров. Скажи ему, что от него воняет потом и ему пора мыться... А пока я буду его мыть, ты потихоньку украдешь.

— Правильно! — воскликнул Томодзо.— Но ведь он ни за что не согласится выйти во двор...

— Я искупаю его прямо в покоях. Уберу циновки, и все будет в порядке.

На следующий день они нагрели воды, и Томодзо отправился к Хагиваре.

— Господин, — сказал он, — мы нагрели воды, можно искупаться. Мойтесь первым.

— Нет-нет,— испугался Хагивара,— мне нельзя мыться. По некоторым причинам купание мне сейчас противопоказано...

— В такую жару вредно не мыться. У вас ведь даже постель отсырела от пота. Ну хорошо, пока ясная погода, а как пойдут дожди, что тогда? Ведь все тело у вас сопреет...

—купаются перед вечером, и надо выходить наружу, а я по некоторым причинам из дому выходить не могу. Нельзя мне, понимаешь?

— А зачем выходить? Поднять три циновки, и мойтесь на здоровье в покоех.

— Все равно нельзя. Придется раздеться догола, а раздеваться догола мне никак невозможно...

— Наш сосед, физиогномист Хакуодо,— значительно произнес Томодзо,— часто говаривал, что грязь вызывает болезни и привлекает оборотней и привидений. Ежели содержать себя в чистоте, никакие привидения не приходят. А ежели быть неопрятным, изнутри вылезают всякие болезни, и еще к грязному человеку являются привидения.

— К грязному человеку являются привидения?

— И не одно, а сразу по двое, взявшись за руки.

— Вот беда,— озабоченно сказал Хагивара.— Придется и впрямь искупаться. Подними, пожалуйста, циновки... Дело сделано, подумали супруги. Томодзо крикнул жене:

— Тащи сюда кадку, неси горячую воду!

Они быстро приготовили все для купания. Хагивара разделся, снял с шеи талисман и протянул Томодзо:

— Этому талисману цены нет,— сказал он.— Положи его пока на божницу.

— Слушаюсь,— сказал Томодзо.— О-Минэ, помой господина. И смотри, хорошенько мой и осторожно.

О-Минэ принялась за дело.

— Не поворачивайтесь, господин, стойте смирно,— приговаривала она,— голову склоните и шею вытяните... Еще больше склонитесь...

Она притворялась, будто моет ему шею, стараясь только, чтобы он не видел Томодзо, а тот тем временем развязал матерчатый кошелек и извлек из него ларец, покрытый черным матовым лаком. В ларце лежал «Кайоннё-рай» литого золота, завернутый плотно в черный шелк. Томодзо сунул талисман за пазуху, а на его место положил припасенную заранее глиняную фигурку бога Фудо¹ того же примерно веса. Затем он положил кошелек на божницу и сказал:

— Ну что ты так копаешься, О-Минэ? Если долго мыться, у господина может голова заболеть... Может быть, довольно?

— Да, пожалуй, хватит,— сказал Хагивара.

Он вылез из кадки, обтерся и надел купальный халат. «Хорошо-то как стало»,— пробормотал он. Не будучи богом, не знал он, что купальный халат этот станет вскоре его саваном, а это купание было омовением мертвого тела. Чувствовал он себя прекрасно, позакрывал все двери и, забравшись за полог от комаров, снова принялся прилежно читать сутры «Уבודарани».

Томодзо же с супругой, заполучив вещь, подобной которой они никогда не имели, возликовали и вернулись домой.

— Какая красивая штука! — сказала О-Минэ.— И дорогога, верно...

¹ Бог Фудо — один из пяти богов синтоистского пантеона. Изображался сидящим на камне, охваченный пламенем, с мечом в руке.

— Нам-то, конечно, не понять,— сказал Томодзо.— Но талисман это могучий, если из-за него привидения в дом попасть не могут.

— Везет нам...

— Постой, однако,— встревожился Томодзо.— Ведь и к нам привидения, значит, войти не смогут из-за этого талисмана, когда принесут деньги! Как же быть?

— Выйдешь к ним и поговоришь с ними на улице...

— Дура, да я же помру со страха!

— Тогда отдай кому-нибудь на сохранение.

— Нельзя, у Томодзо таких вещей быть не может, это всякий знает. Начнут спрашивать, откуда это у меня, откроется, что я украл, вот мы и пропали... В заклад снести нельзя, дома оставить тоже нельзя. Привидения заберутся к господину Хагиваре через окошечко, с которого я сдеру ярлык, а затем заедят или как-либо по-иному расправятся с ним. Когда власти узнают об этом, начнется следствие. Сразу увидят, что талисмана на теле нет. Кто украл? Заподозрят скорее всего Хакуодо и меня. Хакуодо знают как честного старика, поэтому подозрение падет на меня. Обыщут наш дом, найдут талисман, что тогда? Вот что я сделаю. Положу талисман в коробку из-под пастилы и зарюю на огороде, место замечу бамбуковой палкой, тогда все будет в порядке, пусть обыскивают. Потом мы на время скроемся, а через полгода или год, когда все успокоится, вернемся и откопаем. И все будет шито-крыто...

— Правильно,— сказала О-Минэ.— Только, гляди, закапывай поглубже...

Не теряя времени, Томодзо уложил талисман в старую коробку из-под пастилы, вынес в огород и глубоко закопал. Сверху он воткнул для приметы бамбуковую палку и возвратился домой. Теперь оставалось только ждать, пока принесут деньги. Супруги заранее отпраздновали это

событие, проведя остаток дня за водкой и болтовней. Когда стало смеркаться, О-Минэ опять забралась в шкаф, а Томодзо все сидел и ждал, подкрепляясь водкой. Но вот колокол у Синобуоки пробил четвертую стражу, и мир погружился в тишину, словно и воды застыли, и травы загнули. Еле слышно и уныло запели сверчки на стенах, и тогда снова со стороны источника явственно донесся зловещий стук гэта. «Они»,— подумал Томодзо, и волосы на его теле завились в колечки от страха. Он взглянул. Привидения приближались к живой изгороди. Он зажмурился, а когда открыл глаза, привидения были уже у веранды.

— Господин Томодзо! — позвала О-Ёнэ.

Томодзо почувствовал, что язык ему не повинуется. Собрав все силы, он выговорил:

— Слушаю вас...

— Простите нас за назойливость,— сказала О-Ёнэ.— Мы каждый вечер обращаемся к вам с одной и той же просьбой. Но ведь ярлык на окне у господина Хагивары все еще не отклеен. Отклейте, пожалуйста, барышня так хочет повидаться с господином Хагиварой. Она меня измучила, у меня нет больше сил. Прошу вас, сжальтесь над нею, сжальтесь надо мной, уберите ярлык!

— Уберу,— сказал Томодзо.— Сейчас уберу. А деньги вы принесли?

— Да, я принесла вам сто золотых. Но вы убрали талисман «Кайоннэрай»?

— Конечно. Он у меня, и я припрятал его.

— Вот, возьмите ваши деньги,— произнесла О-Ёнэ и протянула ему сверток.

Томодзо все не верил, что это будут настоящие деньги, но, когда руки его ощутили тяжесть золота, он понял, что теперь у него столько денег, сколько не было никогда в жизни. Он даже страх забыл и тут же, трясясь от волне-

ния, спустился во двор. «Идите за мной», — сказал он призракам, взял лестницу и направился к дому Хагивары. Он приставил лестницу к стене, вскарабкался на дрожащих ногах к окну и стал отдирать ярлык. Но руки его тряслись, и он никак не мог закончить дело. Наконец он вцепился в ярлык и рванул, в тот же миг лестница качнулась, он кувырком полетел на землю и выкатился в огород. Не в силах подняться, он остался лежать, сжимая в руке ярлык, и только бормотал про себя: «Наму амида Буцу... Наму амида Буцу...»

Привидения радостно переглянулись.

— Ну вот, барышня, — сказала О-Енэ. — Сейчас вы увидите господина Хагивару и сможете высказать ему все свои обиды. Пойдемте же!

Она взяла О-Цую за руку, покосилась на Томодзо, все еще лежавшего на земле, заслонила рукавом от ярлыка в его стиснутых пальцах и проплыла через окно в дом.

ГЛАВА XIII

О-Куни злорадно думала о том, что настырный негодяй Коскэ, знавший о ее сговоре с Гэндзи-ро, нынче же ночью умрет от руки господина, как вдруг к ней вошел Иидзима и сказал:

— Куни, Куни, что я наделал! Правду говорят: «Семьжды поищи у себя, а тогда только подозревай». Пропавшие деньги нашлись! Место, где прячешь дома деньги, надо время от времени менять, вот я и перепрятал их и совершенно забыл об этом. Очень сожалею, что переполошил всех. Но деньги нашлись, радуйся же!

— Ой, как хорошо! — воскликнула О-Куни. — От души поздравляю вас.

Про себя она считала, конечно, что поздравлять тут не с чем. Она была весьма встревожена и озадачена. В самом деле, как они могли найтись, эти пропавшие деньги?

— Зови сюда всю прислугу, — приказал Иидзима.

О-Куни позвала О-Такэ и О-Кими, и те, узнав, что произошло, тоже поздравили господина.

— Позвать сюда Коскэ и Гэнскэ, — распорядился Иидзима.

Служанки наперегонки побежали в людскую.

— Коскэ! — закричали они. — Гэнскэ! Господин зовет!

Услыхав это, Гэнскэ встрепенулся.

— Слушай, Коскэ, попроси прощения. Деньги, видно, ты не крал, да что поделаешь, кошелек-то нашли в твоём ящике, значит, такая уж у тебя судьба. Попроси прощения, ладно?

— Хорошо, хорошо, — проговорил Коскэ. — У меня есть что сказать господину, когда он занесет меч. И, думаю, тебе тоже обрадуешься, когда услышишь...

— Что уж мне радоваться, — вздохнул Гэнскэ. — Ну, пойдем, господин ждет нас.

Они вышли из людской и остановились перед верандой.

— Коскэ и Гэнскэ, — сказал Иидзима. — Подойдите ко мне.

— Господин, — торопливо сказал Гэнскэ, не трогаясь с места. — Я сейчас по-всякому говорил с Коскэ у нас в людской. Не воровал он, по-моему, господин. Вы, конечно, совершенно справедливо изволите гневаться на него, но позвольте покорнейше просить вас, господин, отложить казнь до следующего двадцать третьего числа...

— погоди, Гэнскэ, — сказал Иидзима. — Коскэ, подойди сюда.

— Казнь будет в саду? — осведомился Коскэ.— Позвольте постелить рогожу, чтобы не залить все кровью.

— Поднимись на веранду.

— Слушаюсь... Значит, казнь будет на веранде? Это неслыханная честь. Благодарю вас, господин...

— Мне неприятно, Коскэ, что ты говоришь так,— сказал Иидзима.— Слушайте, ты, Гэнскэ, и ты, Коскэ. Я виноват перед вами. Деньги нашлись, я вспомнил, что прятал их в другое место. Радуйтесь же. И я рад, ведь не было бы мне прощения, если бы я заподозрил чужих людей, а не собственных слуг. Я прошу вас извинить меня.

— Так деньги нашлись? — радостно вскричал Коскэ.— Значит, я больше не вор? Меня больше не подозревают?

— Да,— сказал Иидзима.— Тебя никто не подозревает. Я совершил оплошность.

— Благодарю вас, господин! Я всегда был готов умереть от вашей руки, но каково идти на смерть с мыслью о том, что вы считаете меня вором! А теперь я чист от подозрений. Казните же меня!

— Я поступил опрометчиво,— возразил Иидзима.— И хорошо еще, что ты мой вассал. Будь на твоём месте кто-нибудь из моих друзей, мне пришлось бы вспороть себе живот... Даже этого, может быть, оказалось бы мало. Мне стыдно, что я так глупо обвинил своего верного вассала.— Иидзима низко склонился перед Коскэ, уперев руки в локотки.— Прошу твоего прощения.

— Не надо, господин,— проговорил Коскэ.— Я не заслуживаю этого... Какая радость, правда, Гэнскэ?

— Еще бы! — сказал Гэнскэ.

— Гэнскэ,— торжественно сказал Иидзима.— Ты тоже подозревал Коскэ и даже бил его! Проси у него прощения!

— Конечно,— с готовностью сказал Гэнскэ.— Прости и меня, Коскэ, прошу тебя...

— И ты тоже хоть чуть-чуть, а подозревала Коскэ, не так ли, Такэ?

— Не то чтобы подозревала,— сказала О-Такэ,— а просто думала, что не похоже это на нашего Коскэ... Самую малость подозревала.

— Вот и проси прощения. И ты тоже, Кими!

Служанки извинились перед Коскэ и поздравили его. Тогда Иидзима повернулся к О-Куни.

— Слушай, Куни,— строго сказал он.— Ты подозревала Коскэ сильнее всех. Ты пивала его и била. Проси у него прощения... Что же ты? Даже я извинялся, кланяясь ему до земли! Тебе же надлежит извиняться еще более учтиво!

О-Куни была сама не своя от разочарования и злости. Ее замысел снова сорвался. Мало того, что нашлись деньги, ее еще заставляют просить извинения у этого Коскэ! Обида была нестерпимой, однако делать было нечего.

— Прости, пожалуйста, Коскэ,— пробормотала она.— Я очень виновата перед тобой...

— Это все пустяки,— сказал, усмехаясь, Коскэ.— Деньги нашлись, и хорошо. Я-то думал рассказать кое-что господину перед смертью...

Иидзима поспешно перебил его:

— Не надо, Коскэ, ничего не рассказывай. Молчи, если любишь меня.

— Не буду, извините, господин,— сказал Коскэ.— Но вот какое дело. Если деньги нашлись, то как попал в мои вещи кошелек?

— Как! — воскликнул Иидзима.— Разве ты не помнишь? Ты как-то сказал, что тебе хотелось бы иметь какой-нибудь старый кошелек. Я тогда и подарил тебе этот...

— Да не говорил я...
— Ты сказал, что тебе нужен кошелек!
— Да на что мне, дзоритори, шелковый кошелек?
— У тебя скверная память, друг мой.
— У вас память еще хуже моей! Вы забыли даже, куда перепрыгали сотню золотых...

— Это тоже справедливо. Одним словом, все кончилось хорошо, и пусть всех угостят чашкой гречневой лапши.

Иидзима не сомневался в верности Коскэ. Деньги действительно пропали, но он знал, что Коскэ не мог их украсть, и показал О-Куни другой сверток с золотом. Дело было таким образом улажено, и если Иидзима любил Коскэ, то Коскэ готов был пойти на смерть за господина в любой момент. Кончился месяц, наступило третье августа. Завтра господин свободен от службы и хочет отправиться с Гэндзиро ловить рыбу на Накагаву... Сегодня ночью Гэндзиро, разумеется, опять заберется к О-Куни. Коскэ был уже сам не свой от беспокойства. «Если мне не удастся уговорить господина отказаться от рыбной ловли,— думал Коскэ,— я подстерегу этого мерзавца Гэндзиро в коридоре у лестницы на второй этаж. Коридора ему не миновать, поскольку О-Куни спит на втором этаже. Я заколю его, затем кинусь наверх и прикончу О-Куни и там же, не сходя с места, вспорю себе живот. Тогда, конечно, не будет ни шума, ни огласки...» Так Коскэ хотел отблагодарить своего господина за все благодеяния, но прежде следовало попытаться отговорить его от завтрашней рыбной ловли.

— Господин,— сказал Коскэ,— вы все-таки собираетесь завтра на Накагаву?

— Да,— ответил Иидзима.

— Покорно прошу простить меня за настойчивость, но я опять беру на себя смелость просить вас отказаться от

этого намерения. Ведь мы только что похоронили ба-рышню...

— Слушай, Коскэ,— сказал Иидзима.— Я очень люблю рыбную ловлю, а других удовольствий у меня в жизни нет. Почему я должен отказываться от этого? Ты знаешь, как я устаю на службе.

— Нельзя вам развлекаться возле воды,— убеждал Коскэ.— Ведь вы не умеете плавать... Ну ладно, раз уж вы так твердо решили, позвольте мне завтра сопровождать вас. Возьмите меня с собой...

— Да ты же рыбную ловлю терпеть не можешь! Никуда я тебя с собой не возьму. И что за склонность, портить мне удовольствие! Отстань от меня, пожалуйста.

— Тогда придется со всем сегодня покончить,— про-бормотал Коскэ.— Благодарю вас за ваши милости, гос-подин мой.

— Что-что?

— Простите, это я о своем... Я вот что хотел сказать вам, господин. С первого же дня, когда я пришел к вам, вы отличали меня своей благосклонностью на зависть всем другим, и этого я не забуду после смерти. Когда я умру, я стану призраком и буду охранять вас от всяких бед... И вот еще что. Прошу вас, кушайте поменьше водки. Без водки вы почти глаз не смыкаете, а когда выпьете, спите как убитый. Оно конечно, водка помогает рассеяться, по-этому кушайте понемногу на здоровье, но не напивайтесь допьяна, ведь как бы хорошо ни владели вы мечом, зло-дей вас в таком состоянии возьмет голыми руками... Вот о чем беспокоюсь я больше всего!

— Не смей говорить мне таких вещей,— сердито ска-зал Иидзима.— Поди прочь.

Коскэ поднялся и пошел из покоев, но при мысли о том, что он видел сейчас господина в последний раз, он

остановился, не в силах уйти, и снова взглянул на Иидзиму. Глаза его были полны слез. Иидземе это показалось странным. Он скрестил руки на груди и на некоторое время задумался, склонив голову. А Коскэ направился в прихожую, взял пику, висевшую над входом, и осмотрел ее, снявши чехол. Наконечник пики был весь красный от ржавчины. Коскэ спустился в сад, принес точило и принялся затачивать наконечник. За этим занятием его застал Иидзима.

— Что это, Коскэ? — с любопытством осведомился он. — Что ты делаешь?

— Это пика, — сказал Коскэ смущенно.

— Я спрашиваю, зачем ты точишь ее?

— Да уж слишком она ржавая. Даже в наше спокойное время в дом могут ворваться какие-нибудь бандиты, так разве такой пикой с ними справишься?.. Вот я и решил привести ее в порядок, благо мне сейчас все равно делать нечего.

Иидзима усмехнулся.

— На что же ты годишься, если не можешь проткнуть человека ржавой пикой? Если у тебя рука мастера, ты самой ржавой, самой тупой пикой пробьешь железную доску толщиной в палец. Так стоит ли точить? Тем более что ненавистного тебе человека лучше всего убивать именно ржавой пикой. Ему больнее, а тебе приятнее...

— Ваша правда! — проговорил Коскэ, пошел и повесил пику на место, а Иидзима вернулся в свои покои.

Вечером явился Гэндзиро, и было устроено пиршество. О-Куни распевала нагаута¹, подыгрывая себе на самисэ-

¹ *Нагаута* — здесь, в эпоху Эдо, особый песенно-музыкальный жанр эстрадного характера. Эти песни (театрального или народного происхождения) исполнялись на разные плясовые мотивы.

не¹ не то «Весенний дождик», не то еще что-то. Сидели до часа Крысы, по-нынешнему до полуночи, а затем отошли ко сну. Постель для Гэндзиро устроили в гостиной, завесив сеткой от комаров, что же касается О-Куни, то она поднялась в спальню на втором этаже. Когда в доме ночевали гости, она всегда ложилась на втором этаже, так было удобно для Гэндзиро, если бы ему вздумалось забраться к ней. Потянулись ночные часы, в доме все стихло. Коскэ, обмотав лицо полотенцем до самых глаз, затухнутый плоским оби по синему переднику, с пикой под мышкой, тихонько выбрался во двор, раздвинул в двух местах щиты коридора², спрятался в клумбе и, засунув пикой под пол, стал ждать. Колокол пробил четвертую стражу. Это был колокол на Мэдзиро, он всегда бил немного раньше времени. С шорохом раздвинулись сёдзи, и кто-то в ночном кимоно, осторожно ступая, появился в коридоре. Коскэ взгляделся, вытянув шею. «Гэндзиро, конечно», — подумал он. В коридоре было темно, лишь слабый свет ночника падал на сёдзи, и различить черты лица человека было невозможно. Но человек этот крадся к лестнице на второй этаж, и Коскэ больше не сомневался. Он пропустил его мимо себя и молча, изо всех сил ударил пикой через щель между щитами, целя в бок. Удар пришелся точно. Человек пошатнулся, ухватился правой рукой за древко и, выдернув наконечник из своего тела, отпихнул пикой. Толчок опрокинул Коскэ на спину. Не выпуская из руки окровавленное древко, человек, шатаясь и спотыкаясь, спустился во двор и сел на каменную ступеньку.

— Коскэ,— хрипло сказал он,— выходи в сад, Коскэ...
Услышав этот голос, Коскэ ахнул. Перед ним был не

¹ Самисэн — трехструнный музыкальный инструмент.

² Щиты коридора.— В японском доме комнаты разгораживаются подвижными щитами, оклеенными бумагой.

Гэндзиро. Он проткнул бок своему господину и благодетелю. Он был так ошеломлен этим, что не мог даже плакать, голова его шла кругом, он только заикался и вскрикивал.

— Пойдем, Коскэ,— проговорил Иидзима.

Он все старался зажать рану рукавом, но кровь хлестала через руку и лилась на землю. Он поднялся и, опираясь на пику, побрел по плитам садовой дорожки к живой изгороди, отделявшей сад от храма Кэннин-дзи. Коскэ, у которого от горя и ужаса отнялись ноги, полз за ним на четвереньках. Они остановились у цветочной клумбы.

— Какая ошибка... Какая ошибка!..— бормотал Коскэ.

— Сними с меня пояс, Коскэ, и перевяжи рану,— приказал Иидзима.— Живее.

Но у Коскэ так тряслись руки, что он ничего не мог делать. Иидзима сам перевязал свою рану, крепко прижал ее левой рукой и без сил опустился на каменные плиты. Коскэ заплакал.

— Что я натворил, господин! Что я натворил! — повторял он.

— Тихо,— сказал Иидзима.— Нельзя допустить, чтобы об этом узнали. Что, хотел проткнуть Миянобэ Гэндзиро, да обознался и проткнул Хэйдзаэмона?

— Страшную беду я натворил,— сказал Коскэ.— Но теперь я вам все расскажу. Служанка О-Куни и ваш сосед Гэндзиро давно уже находятся в преступной связи. В прошлом месяце, ночью, когда вы были на дежурстве, Гэндзиро пробрался в спальню О-Куни... Мне тогда случайно удалось подслушать их разговор... Они решили известить вас, господин, утопить на рыбной ловле, как раз завтра на Накагаве... А потом они хотели обратиться к начальнику хатамото, чтобы сделать Гэндзиро вашим

наследником и зажить припеваючи. Слушая все это, я не выдержал и невольно застонал от злости. О-Куни увидела меня, и мы с нею стали ругаться, но тут вышел Гэндзиро и показал мне ваше письмо, в котором вы просили его зайти и починить рыболовную снасть... Этим он припер меня к стене, а затем избил обломком лука так, что до сих пор у меня шрам на лбу виден. Я было хотел на следующий же день все открыть вам, но какие у меня были доказательства? Подслушанный разговор? Положение Гэндзиро не сравнить с моим, меня бы просто выгнали из дома. И я все затаил в своем сердце, надеясь только на то, что мне как-нибудь удастся отговорить вас от поездки на Накагаву. Но вы не послушались меня, господин. Мне оставалось только убить прелюбодеев и покончить с собой. Так я думал спасти вас от беды, и вот что из этого получилось!.. Все обернулось против моих намерений. Страшная ошибка! Думал отомстить за своего господина, а вместо этого убил его! Да неужто нет ни богов, ни Будды на свете? Несчастливая моя судьба... Простите меня, господин мой!

С этими словами Коскэ упал на колени и склонился перед Иидзимой, уперев руки в каменную плиту. Иидзима, корчась от мучительной боли, проговорил:

— Во мне, недостойном, ты почитал своего господина, и я тебе благодарен. И хотя мы с тобой заклятые враги, смерть от пике в твоих руках является для меня лишь справедливым возмездием. Поистине, нельзя безнаказанно отнять у человека жизнь!..

— Что вы говорите, господин? — испуганно спросил Коскэ. — Разве я враг вам?

— Слушай, — сказал Иидзима. — Помнишь, когда ты только что поступил ко мне, я стал расспрашивать тебя о твоих родных, и ты рассказал, что отец твой, Курокава

Кодзо, бывший вассал Коидэ, восемнадцать лет назад погиб жалкой смертью от руки неизвестного перед лавкой оружейника Фудзимурая Симбэй... Ты сказал мне тогда, что живешь мечтой отомстить за своего отца, что ты с детства стремился поступить в услужение к самураю и просишь, чтобы я научил тебя искусству владеть мечом... Ты помнишь это? Признаться, я был удивлен, выслушав тебя. Знай, что человек, зарубивший в пустычной соре твоего отца, есть я, Иидзима Хэйдзаэмон!

Ноги у Коскэ подкосились, он сразу весь обмяк и тяжело опустился на землю. Некоторое время он ошеломленно глядел на Иидзиму, бормоча бессмысленные слова. Затем он закричал:

— Почему же вы сразу не сказали мне об этом, господин? Зачем вы так жестоко обошлись со мной?

— Ты не знал, кто убийца твоего родителя,— сказал Иидзима.— Ты был верен своему господину, и ты был предан сыновнему долгу. Я видел все это, и у меня болело сердце, потому что я не знал, как открыться перед тобой и дать тебе отомстить... Ведь ты мой вассал, обнажи ты против меня меч, и тебя обвинили бы в предательском убийстве своего господина... Долго я ломал голову, ища способ дать тебе возможность безнаказанно отомстить за родителя, и вдруг Аикава обратился ко мне с просьбой отдать тебя к нему в наследники. Намерение мое осуществилось — став самураем, ты мог убить меня... Но давеча я увидел в саду, как ты точишь пику. Я понял, что ты задумал убить гнусных прелюбодеев, О-Куни и Гэндзиро, и счел этот случай подходящим. Да, я устроил так, чтобы ты принял меня за Гэндзиро, чтобы удар пикой достался мне и чтобы ты наконец утешил свое верное сыновнее сердце... Ах, Коскэ, что мне эта боль от удара ржавой пикой по сравнению с той мукой, которую я испытал,

когда ты, сложив передо мной руки, умолял научить тебя владеть мечом!.. Возможно, тебе хочется завершить свою месть, но если ты сейчас снимешь с меня голову, тебя обвинят в убийстве господина. Лучше сделай не так. Для успокоения сердца своего срежь у меня с головы пучок волос и, не мешкая, оставь этот дом... Ступай к Аикаве Сингобэй, расскажи ему обо всем и тайно договорись, что делать дальше... Возьми вот этот меч. Это тот самый, который я торговал у Фудзимура Симбэй... Меч этой работы Тэнсё Сукэсады, и им я зарубил твоего отца в драке восемнадцать лет назад... Дарю его тебе на память. Возьми еще вот этот сверток, в нем сто золотых и письмо с завещанием... Там сказано о моем имуществе... А если ты будешь лить слезы и не уйдешь отсюда, род Иидзimy лишится званий и владений...¹ не говоря уже о том, что тебя обвинят в моем убийстве... Хорошенько пойми это и уходи!..

— Господин! — воскликнул Коскэ.— Пусть будет, что будет, я не уйду отсюда! Вы убили моего родителя? Так что же, значит, родитель мой был виноват перед вами!.. Разве могу я бежать и оставить любимого господина? Чего стоит верность сыновнему долгу, если человек не предан до конца своему господину! Да, я совершил преступление. Я нанес удар копьём, пусть по ошибке, хозяину, у которого я служу. И я знаю только один способ искупить свою вину. Здесь, прямо перед вами, я в спору себе живот.

— Глупости,— возразил Иидзима.— Я не стал бы утруждать так себя, если бы просто хотел, чтобы ты вспорол себе живот... Брось пустые разговоры и уходи... Если

¹ ...лишится званий и владений...— Неотомщенный самурай считался опозоренным. Его хоронили без всяких почестей, а род его лишался всех званий и владений.

все это дойдет до чужих ушей, что будет с именем Иидзимы? Я поручаю тебе важное дело, обо всем узнаешь из заведания, уходи же скорее... И вот что, Коскэ... Нас связывают отношения господина и вассала... Месть мостью, а добро добром... Ты уже отомстил, так считай же впредь наши отношения прочными и неизменными, и да останутся они такими в трех наших существованиях после смерти... Не знаю почему, но с первого же дня твоей службы я полюбил тебя, как родного сына.

Коскэ, плача навзрыд, проговорил:

— И подумать только, ведь это вашими заботами я научился владеть мечом и пикой... А сегодня это обернулось таким злом! Мне бы никогда не нанести такой раны, останься я неучем... Простите меня, господин!

— Ступай, Коскэ,— нетерпеливо сказал Иидзима.— Торопись, иначе имя Иидзимы погибло!

Коскэ поднялся, всхлипывая, засунул за пояс меч — подарок господина, взял сверток с деньгами и письмом и, повинуясь приказу Иидзимы, срезал у него с головы кинжалом прядь волос. Затем он вновь упал на колени перед господином.

— Прощайте,— вымолвил он сквозь слезы.

Прокравшись за ворота, он со всех ног бросился на Суйдобата к дому Аикавы.

— Дзэндзо! — позвал Аикава, встрепенувшись от стука.— Стучит кто-то, слышишь, Дзэндзо? Может, указ какой-нибудь принесли? Выйди спроси...

— Иду, иду,— заспанным голосом проговорил Дзэндзо.

— Что же ты? Ты не только отвечай мне, но и дело делай...

— Иду, сейчас открою... Темнота-то какая, ничего не видно...— Но спросенок Дзэндзо не мог вспомнить, где

выход, и налетел на столб.— Ай! — вскрикнул он.— Протирая глаза, он выбрался во двор.— Гляди-ка, снаружи куда светлее... Сейчас, сейчас! Кто это там?

— Коскэ! — отозвались за воротами.— Слуга из дома Иидзимы! Доложите хозяину!

— А-а, добро пожаловать,— сказал Дзэндзо.— Прошю прощения, что заставили ждать... Сейчас откроем.

Он распахнул створки ворот, и Коскэ вошел во двор.

— Извините, что беспокою ночью,— сказал он.— У вас, наверное, все спят...

— Господин у нас поди и не ложился, слышно, как он книгу читает... Проходите, пожалуйста.

Дзэндзо побежал вперед в комнату Аикавы.

— Господин,— доложил он,— пришел господин Коскэ от господина Иидзимы.

— Так проси его сюда,— воскликнул Аикава.— Ты... Это... Да проснись же, Дзэндзо! Крючок пологаними и перевесь вон туда... Опять спит, дурак... Ладно, убирайся, иди спать к себе...— Аикава вышел в прихожую.— О, никак это вы, господин Коскэ? Входите, входите, мы ведь теперь родственники, так что без стеснений... Сюда, пожалуйста.

Они вошли в гостиную и уселись.

— У вас, верно, что-нибудь срочное, господин Коскэ? — осведомился Аикава.— Слушаю вас. Что-нибудь случилось?.. Что это, никак вы плачете? Если мужчина плачет, причина на то должна быть серьезная! Что с вами?

— Простите, что обеспокоил вас в ночное время,— сказал Коскэ.— Дело мое вот в чем. По воле странной судьбы, по вашей просьбе и по желанию господина моего решено было, что я войду в ваш дом наследником. Но сейчас обстоятельства переменились. Весьма важные причи-

ны вынуждают меня срочно отправиться в далекие страны, а посему соблаговолите согласиться расторгнуть мою помолвку с вашей дочерью и взять в наследники какого-нибудь другого человека...

— Вот оно что,— произнес Аикава.— Ну что же, пусть будет так. Раз мы тебе не по праву пришлось, делать нечего... Конечно, рисовый паек у нас невелик, дочка моя глуповата, сам я известный вертопрах, позариться у нас не на что... Однако дочь моя полюбила вас за верность долгу, она даже заболела от любви... Я говорил с вашим господином, я получил ваше согласие... Нет, я не могу расторгнуть помолвку только потому, что этого просите вы. Ведь раз вы решаетесь нарушить волю вашего господина, у вас должны быть для этого серьезные основания... Возможно, какая-нибудь обида... Расскажите толком, что случилось? Вам не нравится моя дочь? Плох тесть? Мал рисовый паек? Что же наконец?

— Причина совсем не в этом,— сказал Коскэ.

— Может быть, вы в чем-нибудь провинились перед господином Иидзимой? Пожалуйста, не притворяйтесь удивленным. Я понимаю. Совершив провинность, вы спохватились и, как человек преданный, собрались либо испроить себе живот, либо уехать подальше отсюда... Но так поступать не следует! Провинились? Ничего, я вместе с вами пойду к господину Иидзими и буду просить о прощении... Да, да, ведь мы уже обменялись подарками в знак помолвки, я уже распорядился, чтобы мои домашние звали вас не Коскэ, а господин Коскэ, вы все равно что мой сын теперь, только я оставил вас до будущего февраля на попечение вашему бывшему хозяину... Да разве я позволю, чтобы из-за какой-то там пустяковой оплошности все расстроилось? Ничего подобного не будет. Собирайтесь, пойдёмте вместе...

— Да нет,— простонал Коскэ,— дело вовсе не в этом!

— А в чем же?

— Я даже не знаю, как об этом сказать, настолько оно серьезно...

— А, понял! Ладно. Так оно и должно было получиться. Как преданный вассал, ты не посмел ослушаться господина Иидзиму, когда он приказал тебе идти в наследники к Аикаве. Между тем ты хорош собой, и у тебя, конечно, есть возлюбленная, которой ты дал обещание. Узнав о твоей помолвке, эта девушка пригрозила тебе, что, если ты нарушишь слово, она пойдет и самолично расскажет об всем твоему господину. Так она, паверное, и сказала... Или еще что-нибудь в этом роде... И тогда вы решили, что господин вам этого не простит... Пообещали этой жевщине увезти ее в далекие страны... Но для чего? Почему бы вам не иметь одну наложницу? Нужно только известить об этом начальника хатамото, и все будет улажено. Самое обычное дело! Или можно устроить так, чтобы по закону вашей женой была моя дочь, а настоящей женой пусть будет эта женщина... Я буду отдавать этой женщине свою долю в рисовом пайке... Я пойду и сам уговорю ее. Кто она такая? Гейша?

— Да нет, нет у меня никаких жевщин...

— В чем же дело тогда? Что случилось?

— Ладно, я все скажу,— решил Коскэ.— Господин мой ранен...

— Что? Ранен? — вскричал Аикава.— Что же ты сразу не говорил? Теперь все понятно... В дом ворвались бандиты, и господин Иидзима, несмотря на все свое искусство, отступает перед их натиском... Пока он с ними рубился, ты прорвался через их кольцо и прибежал ко мне за подмогой... Мечом я, правда, владею плохо, но в моло-

дые годы учился биться пикой и умения этого не забыл... Побегу на помощь...

— Погодите, совсем не это случилось. Выслушайте меня. Служанка О-Куни и Гэндзиро из соседнего дома давно уже находятся в преступной связи и...

— Значит, они и вправду любовники? Поразительно... Слухи об этом ходили, но... Каков мерзавец! Покуситься на любовницу своего благодетеля! Тварь, не человек... Ну а дальше, дальше что?

— Двадцать первого числа прошлого месяца,— продолжал Коскэ,— когда господин был на ночном дежурстве, Гэндзиро забрался к О-Куни, и они сговорились известить господина, столкнув его с лодки во время рыбной ловли... Я их подслушивал, и они меня заметили. Мы изрядно повздорили, но я всего лишь дзоритори, а противник мой был отпрыском самурайского дома, и я в этом споре проиграл. Мало того, меня еще избили обломком лука... видите, на лбу шрам.

— Подлый негодяй!.. А почему вы не доложили сразу хозяину?

— Я думал доложить, но ведь это были бы только слова, доказательств у меня не было, а у Гэндзиро оказалось письмо от господина, в котором господин приглашал его в любое время дня и ночи зайти и починить рыболовную снасть... Нет, выступить открыто я никак не мог, господину пришлось бы непременно выгнать меня хотя бы для того, чтобы не обидеть соседей, и тогда эти негодяи убили бы хозяина. Мне нужно было во что бы то ни стало остаться возле господина, и поэтому я должен был молчать... А дальше случилось вот что. Как раз завтра господин собрался на рыбную ловлю с этим Гэндзиро. Я попытался отговорить его, но он меня не послушался. Тогда, чтобы спасти господина, я решил сего-

дня ночью убить прелюбодесв и вспороть себе живот. Я взял пику, засел во дворе и стал ждать...

— Великолепно! — сказал Аикава.— Ваше намерение достойно всяческих похвал! Нет, действительно, вот за что я люблю вас больше, чем вас любит моя дочь. Я восхищен!.. Колоть их, мерзавцев, надо, колоть без пощады, и печего из-за них убивать себя... Я сам пойду и доложу обо всем начальнику хатамото... А что было дальше?

— По коридору проходил человек в ночном кимоно. Я подумал, что это Гэндзиро, и ударил его в бок пикой... Произошла ужасная ошибка. Это был мой господин.

— Пу как же это ты... Но рана-то хоть не тяжелая?

— Рана смертельная.

— Что ты наделал! Ну что бы тебе сначала окликнуть его? Вот всегда так... тычут пиками куда попало, беда прямо... Но ты ведь без злого умысла, по ошибке... Ты не изменил долгу, ведь правда? Господин знает об этом? Ты рассказал ему?

— Господин знает все. Он сам устроил так, чтобы я принял его за Гэндзиро и ударил пикой...

— Что ты говоришь? Для чего ему эта глупая затея?

— Я не знаю его сокровенных замыслов,— сказал Коскэ и протянул Аикаве сверток.— Здесь есть его завешание. Возможно, оно объяснит все...

— Посмотрим, посмотрим,— пробормотал Аикава.— Где это? Ага, вот... Сверток изрядный, однако... Передник какой-то... Да это же бабкин передник! Вот безобразие! Кто его здесь бросил? Убрать его отсюда!.. Послушайте, господин Коскэ, вон там, в книге, мои очки, по-дайте мне их...

Он водрузил очки на нос, поправил фитиль фонаря, проглядел письмо и, пораженный, глубоко вздохнул.

Томодзо ни жив ни мертв лежал на огороде, а когда привидения исчезли из виду, он кое-как поднялся на ноги, весь дрожа, покрытый грязью, прибежал домой и крикнул:

— О-Минэ, где ты там? Выходи!

О-Минэ выбралась из шкафа.

— Ну как там? — спросила она. — Я от жары не знала куда деться. Вся мокрая от пота, едва вытерпела...

— Ты вот от жары потела, а я холодным потом обливался, — сердито сказал Томодзо. — Привидения вошли в дом через окошко, что на заднем дворе. Убьют они господина Хагивару, как ты думаешь?

— А я думаю, что не убьют, — сказала О-Минэ. — Они ведь явились к нему с любовью, а не из ненависти... Приходят, а войти нельзя, ярлыки наклеены. Тут и живой человек стал бы плакать и жаловаться... Узнать бы, что у них там сейчас происходит? Сходил бы посмотреть.

— Не болтай глупости.

— Да ты потихонечку. Зайди со стороны переднего входа и загляни.

Томодзо на цыпочках вышел во двор и через некоторое время вернулся.

— Как ты долго, — сказала О-Минэ. — Ну, что там?

— А ты, пожалуй, права, — проговорил Томодзо. — Слышно было, как они о чем-то разговаривают. Заглянул я, да ничего не видать из-за полога от комаров. Тогда я пошел на задний двор, но пока ходил, разговаривать перестали. Видать, помирились все-таки, и он со своим привидением завалился в постель...

— Срам слушать, что ты болтаешь, бесстыдник...

Пока они так беседовали, ночь пришла к концу.

— Гляди, О-Минэ,— сказал Томодзо.— Уже рассвело! Пошли к господину Хагиваре вместе, зайдем и посмотрим!

— Ну нет,— возразила О-Минэ.— Мне все равно страшно...

— Пойдем, пойдем...

Томодзо вытащил жену во двор, и они подошли к дому Хагивары.

— Открывай дверь, О-Минэ,— приказал Томодзо.

— Нет-нет, мне страшно...

— Ничего не страшно. Ты эту дверь каждое утро открываешь. Открывай, ну?

— Открой сам. Просунь руку в щель и надави, там засов упадет...

— Ты ведь каждое утро приходишь сюда готовить завтрак. Просовывай руку и сбрось засов, тебе говорят...

— Ни за что не стану!

— Беда с тобой,— проворчал Томодзо.

Он просунул в щель руку, сбросил засов и отворил дверь.

— Господин! — позвал он.— Простите, господин, уже рассвело!.. Господин! Слушай, О-Минэ, он не отвечает...

— Потому-то я и не хотела...

— Проходи вперед,— сказал Томодзо.— Ты в этом доме все равно что своя, все комнаты знаешь.

— Что ты, ничего я не знаю, у меня от страха все из головы вылетело...

— Господин, позвольте войти!..Слушай, чего ты боишься? Ведь уже рассвело. Никаких привидений при солнце не бывает, они его пуше всего боятся... Нет, страшно все-таки, правда, О-Минэ? Ничего нет на свете страшнее!

— Ой, замолчи ты! — вскрикнула О-Минэ.

Бормоча себе что-то под нос, Томодзо раздвинул сѣдзи. В покоях было совершенно темно.

— Господин! — окликнул Томодзо, взглядываясь.—
Надо же как разоспался... Все хорошо, О-Минэ, он спит
без задних ног.

— Правда?.. Господин, уже утро, разрешите котел
растопить.

— Позвольте двери раскрыть, господин...

Томодзо наклонился над постелью и вдруг с воплем
шарахнулся назад. О-Минэ завизжала и выскочила в
прихожую.

— В жизни ничего страшнее не видывал,— прогово-
рил Томодзо, выходя вслед за нею.— И ты еще кричишь,
совсем меня перепугала...

— Что там стряслось?

— Стряслось такое, что и сказать нельзя. Страшное
дело. За то одно, что мы здесь были и все видели, нас
могут запутать в эту историю, и тогда нам плохо при-
дется... Надо сходить за стариком Хакуодо, пусть будет
свидетелем...

Томодзо побежал к Хакуодо Юсаю и забарабанил ку-
лаками в его дверь.

— Сэнсэй! — кричал он.— Откройте, сэнсэй! Это я,
Томодзо!

— Перестань стучать! — откликнулся Хакуодо.— Я
же не сплю, я давно уже проснулся!.. Не стучи, ты же
дверь ломаешь! погоди, сейчас открою... Ай, что же ты
меня по голове бьешь?

— Простите, сэнсэй, это я от поспешности... Сэнсэй,
идите скорее к господину Хагиваре, там беда с ним при-
ключилась!

— Что такое? Какая беда?

— Страшная беда, не спрашивайте! Мы сейчас с
О-Минэ увидели и так перепугались... Ступайте скорей,
сэнсэй, будьте свидетелем!

Встревоженный Юсай схватил свою палку и заковылял за Томодзо. У дверей Хагивары они остановились.

— Иди вперед, Томодзо,— сказал Хакуодо.

— Не хочу, боюсь...

— Тогда ты, О-Минэ!

— Нет, ни за что, я и так от страха без памяти...

— Ладно,— сказал Хакуодо и решительно шагнул в дом. В темноте ничего не было видно.— О-Минэ, раздвинь-ка сёдзи... Ну что, господин Хагивара, вы плохо себя чувствуете? Что с вами?

С этими словами Хакуодо подошел к постели, взглянул и, задрожав, отпрянул.

ГЛАВА XV

Вот что прочитал Аикава, торопливо пробегая строки завещания Иидзимы.

«Меня и Коскэ связывали отношения господина и васала, но мы были кровниками. Любя и уважая Коскэ за его преданность и глубокую верность сыновнему долгу, я решил дать ему возможность отомстить за смерть родителя, избегнув при этом обвинения в убийстве господина. С этой целью я сделаю так, чтобы он, Коскэ, принял меня за Гэндзиро и поразил меня своею рукой. Затем я удалю его, Коскэ, из дома, проникну в спальню О-Куни и заставлю Гэндзиро убить себя. Род Иидзимы на мне прекратится. Убив меня, прелюбодеи должны будут бежать, причем убегут они, несомненно, к родителям О-Куни в Мураками, что в провинции Этиго. Тебе, Коскэ, надлежит, не теряя времени, пуститься за ними в погоню, настигнуть их и вернуться с их головами. Ты

явишься к начальнику хатамото, доложишь ему, что отомстил за господина, и подашь прошение о восстановлении рода Иидзимы. При этом ты попросишь посольного содействия господина Аикавы. Поскольку ты связан обещанием стать наследником Аикавы, живи с его дочерью О-Току в мире и согласии, ребенка же, родившегося от вас, все равно мужского или женского пола, твою плоть и кровь, завещаю тебе определить наследником имени и рода Иидзимы...»

Коскэ, который слушал все это затаив дыхание, роняя на колени горячие слезы умиления и благодарности, внезапно побледнел и вскочил на ноги.

— Что с вами, господин Коскэ? — испугался Аикава.— На вас лица нет!

— Из того, что вы сейчас читали,— сказал Коскэ дрожащим голосом,— я понял, что господин, отослав меня, хотел вернуться в гостиную и вызвать Гэндзио на бой... Пусть Гэндзио не владеет мечом, но ведь господин тяжело ранен, и Гэндзио одолеет, убьет его! Враг рядом, а я сижу здесь и жду, пока он зарубит моего благодетеля и покровителя... Нет, я должен быть там, я помогу господину своим мечом!

— Ты не сделаешь этого,— сурово остановил его Аикава.— Ты подумал о том, для чего твой господин оставил это завещание? Если ты не хочешь, чтобы род Иидзимы исчез, останься и жди здесь до утра. Ты слышал завещание, так постарайся сделать так, чтобы оно не превратилось в пустой клочок бумаги!

Говорят, что мудрость лет сильнее черепашьего панциря. Коскэ нечего было ответить на слова старика, и он повалился на пол, содрогаясь всем телом, плача от бессильной ярости.

А между тем Иидзима Хэйдзаэмон, отослав Коскэ, оперся на окровавленную пику и с трудом, чуть ли не ползком, словно краб, вскарабкался на веранду. Раздвинув сёдзи, он вошел в гостиную, содрал полог от комаров и остановился над Гэндзиро. Тот храпел во все носовые завертки. Иидзима похлопал его по щеке мокрым от крови наконечником пики и сказал:

— Вставай!

Услыхав этот голос и почувствовав холод на щеке, Гэндзиро открыл глаза. Он увидел Иидзиму. С землистым лицом, с налитыми кровью глазами, в растрепанной прическе без пучка на темени, Иидзима стоял над ним, протянув к его лицу окровавленную пику. Гэндзиро сразу все понял. «Все пропало,— мелькнуло у него в голове.— Либо он догадался о моих шашнях с О-Куни, либо этот подлец Коскэ все-таки донес ему о нашем замысле. Теперь пощады не будет». Великолепный мастер школы «сипкагэ», не имеющий равных себе среди восьмидесяти тысяч хатамото, готовился нанести ему смертельный удар. Весь сжавшись, Гэндзиро поспешно притянул к себе лежавший у изголовья меч и проговорил дрожащим голосом:

— Что это вы, дядюшка?

От ужаса и напряжения лицо его тоже сделалось серым, глаза налились кровью, и это словно уравнило противников. Но, судорожно цепляясь за рукоять меча, Гэндзиро никак не мог решиться принять вызов. Он был в каком-то оцепенении.

— Что вы хотите со мной сделать, дядюшка? — пробормотал он.

— Ты еще спрашиваешь, наглец,— сказал Иидзима, едва держась на ногах.— Ты, который погряз в гнусной связи с моей служанкой... Ты, который замыслил утопить

меня и предательски завладеть моим именем и домом... Неблагодарный мерзавец, отвратительный преступник... Готовься, я убью тебя сейчас вот этой пикой!..

Он знал, что шалопай и развратник Гэндзиро не искусен в боевых искусствах и плохо владеет мечом, но он знал также, что рана, нанесенная верным Коскэ, смертельна и Гэндзиро неизбежно убьет его. И теперь он думал только о том, чтобы перед смертью успеть поразить Гэндзиро пикой в руку или в ногу, искалечить негодяя и этим помочь Коскэ, когда тот будет мстить за своего господина. Он поднял пику, прицеливаясь.

— Дядюшка! — завизжал Гэндзиро. — За что? Я ничего не сделал!

— Молчать! — яростно крикнул Иидзима и, шагнув вперед, сделал выпад.

Гэндзиро ахнул и отскочил, но не успел увернуться. Пика глубоко воцелилась в его бедро. Иидзима вновь размахнулся, однако силы уже оставили его. Он зашатался. Между тем удар пики привел Гэндзиро в бешенство. Выхватив меч из ножен, он бросился на Иидзиму. Застонав сквозь стиснутые зубы, тот отступил перед натиском, и тогда Гэндзиро разрубил ему плечо. Иидзима упал со сдавленным криком, а Гэндзиро вскочил на него и принялся рубить его тело, как рыбаки на морском берегу разделяют тушу тунца. На шум прибежала со второго этажа О-Куни в ночном кимоно. Увидев, что происходит, она перепугалась и снова бросилась к себе наверх, и снова спустилась в гостиную. Тем временем Гэндзиро нанес последний смертельный удар. Она подбежала к нему.

— Гэн! — крикнула она. — Гэн, ты не ранен?

Гэндзиро только отдувался и не отвечал.

— Что же ты не отвечаешь, Гэн? — тормошила его О-Куни. — Отвечай! Ты не ранен?

— Нет, — запыхавшимся голосом, как во сне, ответил Гэндзиро. — Кто это?.. А-а... О-Куни... Нет, я не ранен.

— Как же так, смотри, у тебя из ноги кровь течет!

— Это меня пикой... Ну, не ожидал я, что так легко с ним справлюсь... Думал уже, что мне конец... Однако оставаться нам здесь нельзя... Нам с тобой надо бежать. Давай скорее соберайся!

О-Куни и сама понимала это. Она бросилась в свои покои и принялась собирать деньги и ценные вещи.

— Этот ларчик подвесь к поясу, Гэн, — говорила она. — Вот это надень на себя...

Гэндзиро напялил несколько кимоно, опоясался тремя оби, обвесился семью драгоценными ларчиками, заткнул за пояс шесть мечей и кинжалов. Наконец приготовления к побегу были закончены. Взявшись за руки, они уже хотели незаметно выскользнуть из дома, как вдруг в гостиную влетела разбуженная суматохой О-Такэ. Увидев окровавленное тело господина, она закричала: «Убили!» — и кинулась было вон, но Гэндзиро, выхватив меч, прыгнул за нею следом и одним ударом разрубил ее толстенькое тело от плеча до спины. О-Такэ только пискнула и испустила дух. Остальные служанки от страха забились кто куда. Одни спрятались в чан для мойки посуды, другие забрались в дровяной ящик. Воспользовавшись этой сумятицей, Гэндзиро и О-Куни выскользнули из дома и скрылись. И только тогда Гэнскэ понял, что в доме происходит что-то неладное, выскочил из людской и принялся изо всех сил дубасить кулаками в забор к соседям, крича, словно его резали:

— На помощь! Бандиты! На помощь!

Миянобэ Гэиноскэ, старший брат Гэндзиро, услышав этот шум и крики, решил, что идти на помощь, конечно, надо, но торопиться при этом не следует. На такого человека, как Иидзима, бандиты могут решиться напасть только очень большой шайкой, а потому есть все основания дожидаться рассвета. Он разбудил всю челядь и принялся отдавать распоряжения. Он велел нести из кладовой нагрудный панцирь, затем приказал приготовить боевые перчатки и нарукавники. Он собирался долго и основательно, а тем временем понемногу рассвело. Тогда он подумал, что бандиты уже скрылись, и в сопровождении двенадцати слуг явился в дом Иидзимы. Он стоял в гостиной и осматривался, ничего не понимая, когда из чана для мытья посуды выползла одна из служанок, поклонилась ему, уперев руки в пол, и сказала: «Бандитами нынешней ночью были ваш младший брат господин Гэндзиро и О-Куни. Они давно уже состояли в преступной связи, а вчера вечером убили господина и бежали неизвестно куда, захватив деньги и ценные вещи». Миянобэ был потрясен. Он немедленно вернулся к себе и тут же стал писать донесение начальнику хатамото.

В дом Иидзимы явились мэцукэ¹. Осмотрев труп, они обнаружили рану от удара пикой и пришли к заключению, что Гэндзиро, не умея владеть оружием, напал на Иидзиму, когда тот спал, ударил его пикой и затем изрубил мечом. На Гэндзиро был объявлен розыск. Но род Иидзимы за недостойную и неотмщенную гибель его

¹ *Мэцукэ* — полицейская должность в феодальную эпоху. Мэцукэ наблюдали за поведением хатамото, а старшим мэцукэ поручался надзор за князьями.

главы был лишен всех прав и вычеркнут из списка самурайских родов, самого же Иидзиму тайно и поспешно схоронили у храма Симбандзуй-ин.

Все это время Коскэ сам своей от тоски провел в доме Аикавы. Мысль о том, что господин не пожалел за него своей жизни, не давала ему покоя. Но вот Аикава, вернувшись от начальника хатамото, сказал:

— Ну-ка, бабка, ступай отсюда, мне надо поговорить с господином Коскэ... Да смотри не суй сюда нос.

— Чего изволите? — не расслышала кормилица.

— Ничего я не изволю... Ступай, говорю, отсюда... Постой, постой, чаю нам принеси, да еще поставь курительные палочки в честь покойного... Так вот, господин Коскэ. Давайте поговорим. Садитесь поближе. Вот так... Ну что же, рассказывать об этом никому нельзя, конечно, но все идет согласно завещанию вашего господина, так что огорчаться особенно не стоит. Вы отомстили за отца, а теперь вы должны отомстить за господина и восстановить род Иидзими...

— Мне не надо об этом напоминать, — возразил Коскэ. — Я готов мстить. Прошу только не оставить меня своими заботами в этом деле.

— Что ж, я стар, — сказал Аикава, — но буду стараться за род Иидзими, не щадя живота. Когда вы собираетесь в путь?

— Медлить нельзя ни часу, — ответил Коскэ. — Я отправляюсь завтра же рано утром.

— Вот как? Уже завтра... Вы не слишком спешите? Впрочем, для дела мести, для такого славного дела не стану вас отговаривать... Действительно, откладывать нельзя ни на день... Но пока вы еще здесь, у меня есть к вам большая просьба. Обещайте исполнить ее.

— Обещаю, что бы это ни было.

— Я прошу вас до отъезда совершить церемонию бракосочетания с моей дочерью О-Току. Это мое единственное желание... Прошу вас, исполните его!

— Я дал слово,— сказал Коскэ,— и я готов сочтаться с вашей дочерью... Но господин мой условился с вами, что это произойдет в феврале будущего года. Мы обидим табличку с посмертным именем господина, если поженимся прямо сейчас, после всего, что произошло... Прошу вас, давайте подождем, пока я отомщу и вернусь, а тогда уже отпразднуем свадьбу...

— Я знаю,— сказал Аикава,— что, раз уж вы взяли дело мести в свои руки, вы непременно исполните долг и вернетесь к нам, может быть, даже в самом скором времени... Но ведь неизвестно, куда бежали враги. Неизвестно, сколько времени потребуются, чтобы разыскать их. Может быть, пять лет, может быть, десять... А я уже стар, я не уверен в своем завтрашнем дне, и, если я уйду в дорогу, по которой не возвращаются, так и не увидев этой радости, дорога будет для меня тяжелой... И дочь так любит вас... Успокойте же мое сердце, дайте сегодня и совершим церемонию, пусть хотя бы в домашнем кругу... Вдобавок, если вы отправитесь в путь простым слугой Индзимы, вам придется ехать с деревянным мечом. Так не лучше ли стать наследником Аикавы, доложить властям о свершившемся усыновлении и выехать настоящим самураем? Тогда в пути вам не придется страдать от грубости всякого дорожного сброда... Соглашайтесь, отпразднуем свадьбу в домашнем кругу!

— Ваши доводы справедливы,— сказал Коскэ.— И, если это будет в домашнем кругу, я согласен.

— Согласны? — радостно вскричал Аикава.— Ну вот и спасибо. Не знаю, как и благодарить вас... Аикава беден, но будьте спокойны, он сумел отложить кое-что на

свадебные расходы. У меня найдется полсотни золотых для прощального вам подарка, и вы возьмете их с собой в дорогу...

— Но у меня есть деньги,— возразил Коскэ.— Госнодин оставил мне сто золотых, мне больше не нужно...

— Деньги никогда не помешают, сколько бы их ни было... Особенно в дальней дороге. А если даже и будут мешать, все равно ничего, потерпите... Я, кстати, собираюсь выбрать монеты помельче и зашить их вам в нательную куртку, эту куртку вы никогда не снимайте, смотрите... На дорогах полно всяких мошенников, так что будьте осмотрительны, и еще возьмите вот этот ларчик с кистями и тушью, а кроме того, примите обещанный мною меч работы Тосиро Ёсимицу... тяжелый, ведь правда? А вы заткните его за пояс. Если у вас за поясом будет этот меч и меч работы Тэнсё Сукэсады, пожалованный вам господином, вы совершите славные подвиги. Ведь это все равно, как если бы в пути вас незримо сопровождали ваш тесть и ваш господин...

— Благодарю вас покорно,— сказал Коскэ.

— Ну вот. А сегодня ночью мы устроим ваше бракосочетание с моей недостойной дочерью. Эй, бабка! Поди сюда... Завтра господин Коскэ отправляется в трудный и славный путь, и по этому случаю мы решили сегодня сыграть заодно его свадьбу. Ступай приberi нашу О-Току, причеши ее, пусть она покрасится... Да, а сначала вот что ты сделай. Вот эти деньги зашей в нательную куртку. Дзэндзо! Дзэндзо, беги в харчевню, ну, знаешь, в «Ханая» и возьми праздничной закуски... так три хороших рыбы целиком. Заодно заверни в винную лавку, купи два го водки, да один го мирина¹, а на об-

¹ *Мирин* — сладкий напиток-подлива.

ратном пути купи десять пачек бумаги, двадцать золотников табаку и выбери варадзи¹ получше...

Приготовления закончились быстро. В гостиную выставляли водку и закуску, Аикава, родитель, ставший на то время и сватом, затынул «Спокойны волны четырех морей»², молодые трижды по три раза обменялись чарками, на том брачная церемония и закончилась. Тут же решили разойтись.

— Вот мы и отпраздновали, бабка,— сказал Аикава.

— Хорошо отпраздновали,— сказала кормилица,— поздравляю вас. Уж я так рада, так рада, ходила ведь за барышней с ее младенческих лет, а теперь вот довелось у нее на свадьбе послужить... А ваше-то сердце поди как успокоилось!..

— Ты, бабка, смотри не подведи... Знаешь, завтра мы все встанем рано, так ты свари рису, накорми господина Коскэ рыбой и горячим рисом, прямо с огня, чтобы пар шел, ладно? Ну вот... Теперь можно и расходиться. Ложитесь спать... И прошу вас, господин Коскэ, всегда ее любите... Она у нас еще молоденькая, неловкая, ничего совсем не знает, вы ее жалейте... Ну ладно, сват, как говорится, хорош только в начале свадьбы. Слышишь, бабка?.. Ты уж не подведи...

— Что вы все — «не подведи», «не подведи»...— сказала кормилица.— Кого не подвести-то?

— Вот непонятливая... Поставь там ширму, что ли... Чтобы не стыдились. Понимаешь? Видишь, она стыдится и робеет... Чтобы сумела это самое...

¹ *Варадзи* — соломенная обувь для дальних переходов.

² «*Спокойны волны четырех морей*» — песня из пьесы театра Но «Такасаго», имевшая благожелательный смысл. Ее исполняли во время брачной церемонии.

— Что-то вы чудное руками показываете, господин, не пойму я...

— Вот ведь дурища... Вот у тебя, к примеру, муж был, так и дети получились... Получились дети, пошло молоко... Вот ты и пошла в кормилицы... А дочка еще молодая, так ты ей по-хорошему... это самое... Ладно?

— Что вы, господин, все ее за младенца считаете? — рассердилась кормилица. — Не извольте беспокоиться, все будет хорошо.

— И то верно, — согласился Аикава. — Только ты уж там... как-нибудь... хорошо?

Кормилица крикнула молодым:

— Барин! Барышня! Извольте ложиться поживать!

Коскэ, погруженный в беспокойные мысли о предстоящей погоне за О-Куни и Гэндзиро, сидел, скрестив руки, на постели. Лечь О-Току не могла, поэтому сидела рядом.

— Приятной вам ночи, барин и барышня, — сказала кормилица. — Барышня, вы не забыли, что я вам давеча говорила?

— Ложитесь, пожалуйста, — стесненно проговорила О-Току, обращаясь к Коскэ.

— Нет-нет, — сказал Коскэ, — мне еще надо кое о чем подумать немного... А вы не стесняйтесь, ложитесь и спите.

— Бабка! — жалобно позвала О-Току. — Поди сюда!

— Чего изволите? — спросила кормилица.

— Барин не ложится... — сказала О-Току и запнулась.

— Вы бы легли, барин, а то барышня лечь не может...

— Сейчас ложусь,— сказал Коскэ.— Не беспокойтесь, не обращайтесь на меня внимания.

— Очень уж вы серьезные,— проворчала кормилица,— и стесняетесь все... Спокойной ночи.

— Вы бы хоть немного прилегли...— попросила О-Току.

— Сначала ложитесь вы...— сказал Коскэ.

— Бабка! — позвала О-Току.

— Вот наказание-то... Послушайте, извольте ложиться!

— Бабка!

Коскэ наконец очнулся и почувствовал угрызения совести. Он лег, склонив голову на подушку, и между молодыми завязалась первая любовная беседа, за которой они полюбили друг друга навечно. А на следующий день, еще затемно, Коскэ стал готовиться к отъезду. Аикава уже был на ногах.

— Эй, бабка! — суетился он.— Все готово? А как завтрак? Горячий? Я пошлю Дзэндзо проводить Коскэ до Итобаси... Вынеси-ка вещи в прихожую! Господи! Коскэ, завтракать!

— Доброе утро, батюшка,— сказал Коскэ, выходя в гостиную.— Доброе утро, барышня... Еду я далеко и писать вам часто, наверное, не смогу... Что меня беспокоит, так это ваше здоровье, батюшка. Берегите себя, пока я не вернусь, выполнив свой долг... Хочу увидеть радость на вашем лице, когда покажу вам головы врагов.

— И ты береги себя,— сказал Аикава.— Отправляйся в добрый час, и счастливого тебе пути... Много хочется сказать тебе, да сам видишь, как я волнуюсь. Нет, ничего больше не скажу... Дочка, что ты меня за рукав все тянешь?

— Когда мой господин вернется, батюшка? — робко спросила О-Току.

— Экую несуряцицу говоришь! Ведь не маленькая уже... Твой муж уезжает, чтобы отомстить за своего господина, а не на богомолье в храм Исэ или там на прогулку... Вернется не прежде, чем отомстит... Ну вот, чего же ты плачешь?

— Ну хоть примерно, когда он вернется?..

— Не знаю. Может быть, через пять лет, а может быть, и через десять...

— Значит, не будет он дома пять или десять лет... — проговорила О-Току и горько заплакала.

— Ну-ну, перестань, — сказал Аикава. — Отомстить за господина — это славный долг самурая. Ты спасибо скажи, что у тебя такой достойный супруг... У нас праздничные проводы, зачем же ты не улыбаешься? Смотри, господин Коскэ разлюбит тебя... Подумает, раз ты плачешь, да еще дочь небогатого самурая, значит, ты слаба, у тебя нет мужества... Господин Коскэ, она еще сущий ребенок, не обращай внимания... А ты чего еще расплакалась, бабка?

— Жалко расставаться, вот и плачу, — сказала кормилица. — Да вы и сами плачете...

— Я старик, мне можно, — пробормотал Аикава, вытирая слезы.

— Прощайте, будьте здоровы, — произнес Коскэ и вышел в прихожую.

Он стал обувать варадзи, когда к нему подползла на коленях О-Току, вцепилась в его рукав и, глядя на него полными слез глазами, прошептала: «Берегите же себя...» Коскэ приласкал ее и поспешно вышел в сопровождении Дзэндзо.

Когда Хакуодо Юсай откинул покрывало с постели Хагивары Синдзабуро, волосы его встали дыбом от ужаса, и по всему телу с ног до головы побежали мурашки. И недаром! Хагивара был мертв, и смерть его, наверное, была страшной. Лицо у него было серое, как земля, зубы оскалены, а пальцы скрючены, словно он хватался за воздух. Тут же в постели, вцепившись ему в горло костяными руками, лежал развалившийся скелет, череп валялся у изголовья. Хакуодо был потрясен.

— Что же это такое, Томодзо...— проговорил он.— Мне шестьдесят девять лет, но такой страх я вижу впервые в жизни... В китайских романах часто пишут о том, как женились на лисах, встречались с привидениями... Чтобы этого не случилось здесь, я и попросил помощи у господина Рёсэки, настоятеля храма Симбандзуй-ин... Он одолжил господину Хагиваре чудодейственный талисман, который господин Хагивара с тех пор все время носил на шее... Нет, видно, от судьбы не уйдешь, сделать ничего было нельзя... Томодзо, сними у него с шеи талисман.

— Нет уж, увольте,— сказал Томодзо.— Я боюсь.

— Иди сюда, О-Минэ!

— Я тоже боюсь, не буду!

— Ну хоть щиты на веранде раздвинь!

Щиты раздвинули. Хакуодо сам снял с шеи мертвого Хагивары белый матерчатый кошелек, вытряхнул из него ларец, покрытый черным матовым лаком, поднял крышку ларца — и что же? Вместо талисмана «Кайоннёрай» из литого золота в ларце оказался неизвестно как и откуда взявшийся глиняный бог Фудо, покрытый медной фольгой. Хакуодо опешил.

— Томодзо,— сказал он.— Его украли.

— Я что-то не пойму, о чем вы говорите,— сказал Томодзо.

— Здесь был несравненной благодати талисман «Кайоннёррай». Это предмет такой святости, что весь мир тьмы в страхе отступает перед ним. Господин Рёсэки из сострадания одолжил его господину Хагиваре, и господин Хагивара носил его на шее не снимая... Как же его подменили? Что за чудеса?

— Поистине, чудеса...— согласился Томодзо.— А мы-то ничего не знали... Как вы говорите? «Канон...»

— Слушай, Томодзо,— решительно сказал Хакуодо.— Я не могу тебя подозревать, но в доме господина Хагивары живем только мы с тобой. Не думаю, чтобы украли ты... А впрочем, если человек присваивает чужое, это непременно отражается на его обличье. Покажи мне твое лицо, Томодзо, я хочу исследовать его.

С этими словами Хакуодо Юсай вынул из-за пазухи увеличительное стекло. Томодзо испуганно отшатнулся. «Как бы и вправду не узнал, беда тогда»,— подумал он и крикнул:

— Вы эти шутки бросьте, господин! Нечего вам мою харю разглядывать, все одно она от этого краше не станет, харя-то...

Хакуодо сразу понял, в чем дело. «Значит, украли все-таки Томодзо»,— подумал он. Но он поостерегся настаивать, боясь спугнуть вора, и заметил только:

— Ну хорошо. Смотрите, однако, никому пока ни о чем не рассказывайте. Слышишь, О-Минэ? А я сейчас пойду в Симбандзуй-ин, доложу настоятелю...

Опираясь на палку, он отправился в храм и был сразу допущен в покои. Настоятель Рёсэки в простой голубой рясе неподвижно восседал на дзабутоне.

— Рад видеть вас в добром здоровье, как всегда,— произнес Хакуодо.— А жаркий сезон в этом году что-то затянулся...

Настоятель взглянул на него.

— Выбрался ко мне все-таки,— сказал он.— Ну что ж, подойди ближе... Да, вот и с Хагиварой неладное произошло. Умер, бедняга.

— Я вижу, вам уже известно...

— Сделать ничего было нельзя. Возле него все время крутился дурной человек, да и судьба у него злая. Все предопределено, так стоит ли волноваться?

— Не зря говорят,— заметил Хакуодо,— что за ваши высокие добродетели вам дано видеть события на сто лет вперед. Мне остается только благоговеть перед вашим искусством все предвидеть. Я же, недостойный, совершил оплошность...

— Ты имеешь в виду украденный талисман? Сейчас он зарыт в землю. Не беспокойся о нем, его обнаружат в августе будущего года.

— Я прожил долгую жизнь,— сказал Хакуодо,— видел хорошее и плохое, я умею предсказывать будущие блага и несчастья и определять суть человека, а вот этого узпаты не сумел!

— Не все ли равно... Послушай, у Хагивары был, вероятно, свой храм, но ты похорони его рядом с могилой дочери Иидзимы. Судьбы их связаны крепко. Поставь над ним памятник и отслужи панихиду, ведь ты пользовался его благодеяниями.

Хакуодо пообещал все исполнить и вышел из храма. На обратном пути он не переставал удивляться способности настоятеля все предвидеть и угадывать, а вернувшись домой, сказал Томодзо:

— Господин Хагивара был добр к тебе и ко мне, давай же проводи его к месту последнего успокоения...

Покойника обрядили и схоронили у храма Симбандзуй-ин.

Чтобы скрыть свое злодеяние, Томодзо решил переехать в другое место. Но как это сделать, чтобы никто не заподозрил неладное? Он долго ломал над этим голову, прикидывал так и этак и, наконец, придумал. Он стал рассказывать соседям о том, что к господину Хагиваре хаживали привидения. «Сам видел,— говорил он.— Приходили два привидения, молоденькая женщина в прическе «симада» и женщина постарше с фонарем в виде пиона... Кто их увидит, тот через три дня умирает. Страшно мне здесь жить, сил моих нет...» Соседи пошли приделывать к этим рассказам хвосты, к хвостам еще хвосты, и начали люди толковать, будто к господину Хагиваре привидения наведывались целыми толпами, а у источника в Нэдзу по ночам слышен женский плач. Наконец Хакуодо Юсай, будучи человеком робким, не выдержал и переехал в Канда на улицу Хатаго. Томодзо только того и ждал. Заявив, что страха больше вытерпеть не может, он вместе с О-Минэ переселился в родные места — в уезд Курихаси, через который идет дорога Накасэ-до.

ГЛАВА XVII

Рассудив, что на сто рё, полученные от привидений, можно начать новую жизнь, Томодзо через своего приятеля, погонщика лошадей Кюдзо, приобрел за двадцать золотых добротный дом, благо цены в те времена были дешевы, и под именем Сэкигутия Томодзо открыл на пятьдесят золотых мелочную лавку. Первое время муж и

жена работали усердно. Приобретали товар дешево, продавали тоже дешево, так что о них прошла добрая слава. Стали говорить, что у Сэкигутия-де товар хороший да дешевый, покупать к ним сходились со всей округи, и дела у них процветали.

Но разве не справедливы золотые слова древних: «Боги не мешают процветанию смертных. Добиваясь процветания, человек побеждает небо, но вот он достиг желаемого, и небо побеждает его». Никогда еще не было и никогда не будет так, чтобы шальные деньги привесли добро. К апрелю следующего года Томодзо уже забыл про прежнее свое нищее житье, и захотелось ему пороскошествовать. Захотелось шелковых одежд с гербами, захотелось парчовых оби, захотелось кожаной обуви. Как-то раз, попивая вино в харчевне «Сасая», заметил он там одну красотку служаночку. Девка эта была собой приметная, лет двадцати семи, а на вид не больше, чем двадцати четырех, и сердце Томодзо затрепетало. Поднявшись на второй этаж, он стал расспрашивать хозяина об этой служанке и узнал вот что. Не так давно в этом доме остановились путники, муж и жена. Муж, как стало известно, самурай, был где-то ранен в ногу, да так тяжело, что не мог стоять. Прожили они при харчевне довольно долго, вконец проелись, и, поскольку кормить их за свой счет стало накладно, хозяин нашел им домик у дамбы, а жену взял в харчевню служанкой. Так они теперь и живут на ту мелочь, что зарабатывает жена. Выслушав хозяина, Томодзо решил, что за деньги эта баба сделает все, что угодно. В тот вечер он одарил ее несколькими медяками и ушел восвояси, однако с тех пор зачастил в «Сасая», принялся красотку улеживать, не жалея ни денег, ни слов, и в конце концов сошелся с нею.

Женщина эта была, конечно, О-Куни. Убив и ограбив Индзиму Хэйдзаэмона, она вместе со своим любовником Миннобэ Гэндзиро бежала из Эдо к родным в Этиго. Но оказалось, что родных ее там больше нет. Не зная, куда деваться, они долго блуждали по тракту Осюдзи, вышли на дорогу Симокай-до и еле живые добрались до Курихаси. Благодаря заботам хозяина харчевни им удалось продержаться еще немного, а затем О-Куни и вовсе опустилась, и тут ее нашел Томодзо. Хитрая и злобная О-Куни сразу поняла, что это скоробогач и из него можно извлечь пользу, поэтому позволила ему склонить себя к любовной связи. А Томодзо в свои сорок с лишним лет вообразил, что эта молодая красавица в него влюбилась, совсем потерял голову и проводил в «Сасая» все ночи напролет.

Между тем его жена О-Минэ места себе не находила от ревности и едва сдерживала себя, стесняясь прислуги. Однажды, заметив погонщика Кюдзо, проходившего мимо лавки со своей лошадью, она окликнула его:

— Эй, Кюдзо, что же это ты проходишь и не заглянешь к нам?

Кюдзо остановился.

— Здравствуй, хозяйка,— сказал он.— Это верно, давно у вас не был. И рад бы заглянуть на минуточку, да вот, видишь, спешу, груз тут надо в одно место отвезти. Нет, никак не могу. Спасибо тебе еще раз за деньги, что дала мне тогда...

— Ладно, ладно, не выдумывай, ты ведь нам все равно что родственник... Может быть, все-таки зайдешь? Я бы тебе чарку поднесла...

— Что, чарку? В таком разе зайду, прошу прощения...— Кюдзо, не мешкая, привязал лошадь возле лавки и с черного хода вошел в комнаты.— Меня теперь все

любят, как я есть вроде бы родственник вашему хозяину... Богач он стал с прошлого года, вот я и задираю нос.

О-Минэ завернула в клочок бумаги несколько монет и протянула ему.

— Вот, возьми,— сказала она.— Парень ты хороший, купишь себе что-нибудь.

— Каждый раз я от вас с деньгами,— ухмыльнулся Кюдзо.— Ну, спасибо. Неловко вроде бы, да как не принять, когда от чистого сердца дают... Ого, на ощупь там, кажется, денег немалая толика, глядишь, и на кинопо какое-нибудь достанет... Благодарю покорно.

— Будет тебе, не рассыпайся так, мне даже неловко... Кстати, вот я хочу от тебя кое о чем узнать. Мой хозяин с апреля только и знает, что ночует в «Сасая», говорят, и ты с ним вместе там гуляешь, правда? Ну-ка, расскажи, что там такое?

— Ничего я такого не знаю,— сказал Кюдзо.

— Не прикидывайся,— сказала О-Минэ.— Мне все известно.

— Не знаю, что там тебе известно...

— Я говорю об этой бабе в «Сасая»,— пояснила О-Минэ.— Да ты не беспокойся, хозяин мне сам вчера во всем признался. И не думай, что я ревную. Я уже старуха, куда уж мне ревновать, я только за хозяина боюсь... Знаешь ведь, какой он у нас славный... Вчера вечером мне все рассказал и сам же над собой смеется. А ты-то все мнешься, упираешься, проходишь мимо и зайти боишься... Эх, ты!

— Вон оно что...— сказал Кюдзо.— Надо же, а хозяин-то мне говорит, молчи, мол, говорит, если ты не проболтаешься, она никогда не узнает... Ну мне что, я и молчу. Зачем, думаю, говорить тебе об этом. Еще оби-

дишься... Жена как-никак... А хозяин, оказывается, сам все рассказал... Вот потеха-то!

— Все рассказал, все как есть... А ты с ним часто ходишь?

— Эта его сучка, она из господских подстилок. Мужа ее зовут, кажись, Гэндзиро, в ногу он равенный и не может ходить. Живут они у дамбы. Она в «Сасая» прислуживает, там хозяин ее послушал, зажалел, она его враз окрутила... Деньги стал ей жаловать. В первый раз дал три медяка, во второй раз два золотых, потом пять золотых... раз даже сразу двадцать золотых отвалил! Ну, звать ее О-Куни, лет ей, говорят, двадцать семь, собой, конечно, красавица, тебе с нею не срав... В общем, совсем другая, не такая, как ты, господская штучка, гордая, но ничего, хорошенькая бабенка...

— А давно он с ней закрутил, не знаешь? Он говорил вчера, да я запамятовала...

— Со второго апреля, что ли...

— Вот подлец! — вскричала О-Минэ.— Крутил с чужой бабой со второго апреля и мне хоть бы словечко сказал! Бесстыдный негодяй! А я кого ни спрашиваю, ну никто ничего толком не говорит! Ну, спасибо тебе, Кюдзо. Теперь я буду знать!

— Постой,— сказал Кюдзо.— Так хозяин тебе и не говорил ничего?

— Конечно нет! Что он, дурак, что ли, мне о таких вещах рассказывать?

— Ну, теперь он мне задаст... Он же мне строго-настрого наказывал никому об этом не болтать! Плохо мое дело...

— Да ты-то можешь не беспокоиться, про тебя я ему не скажу...

— Спасибо и на этом... Смотри не проговорись!

Кюдзо ушел. О-Минэ, кипя ревностью, села за работу и стала дожидаться Томодзо. Тот вернулся поздно ночью.

— Эй, Бунскэ! — окликнул он с улицы слугу. — Открывай!

— Добро пожаловать, — сказал Бунскэ. — Входите, пожалуйста.

— Приказчикам лечь спать, живо, — распорядился Томодзо. — Хозяйка легла? — Он вошел в комнаты. — Ты чего не спишь, О-Минэ? — удивился он. — Перестань ты работать по ночам, это же для здоровья вредно, надо меру знать... Давай-ка пропустим по чарке да завалимся спать. И закусить что-нибудь подай, все равно что...

— А ничего и нет, — резко сказала О-Минэ.

— Принеси хоть соленых овощей...

— Да стоит ли? Что хорошего выпивать дома? Закуски нет, прислуживает старуха жена... Ступай-ка ты лучше в «Сасая».

— В «Сасая», конечно, все что угодно есть, харчевня как-никак... Впрочем, мне много не надо, всего-то выпить чарку на сон грядущий. Поджарь хоть немного морской капусты...

— Закуска что, не в закуске дело. А вот не поправится тебе, кто наливает! Иди в «Сасая», там тебе О-Куни нальет!

— Какая еще О-Куни? Что ты мелешь?

— А чего ты скрываешь? Не надо скрывать! Мне не двадцать лет, скрываться от меня нечего. Мы с тобой уже в годах, так не обижай меня, расскажи все откровенно!

— Что рассказать?

— Про О-Куни. Красивая, говорят, бабенка. Ей двадцать семь, выглядит, говорят, всего на двадцать два

или двадцать три. Такая красotka, что я и то влюбилась, а уж как не влюбиться тебе!

— Никак в толк не возьму, о чем ты говоришь... Кстати, погонщик Кюдзо не заходил сегодня?

— Нет, не заходил.

— Послушай, я понимаю, в последнее время я часто отлучаюсь по разным делам, и ты меня подозреваешь... Дело обычное. Но таких вещей ты мне лучше не говори!

— Почему же? Дело твое мужское, развлекайся как хочешь, но я же о тебе забочусь! Ведь муж-то у этой бабы самураишка, это она для него так старается... А ну как он узнает, что тогда? Он же с тобой не знаю что сделает, вот чего я боюсь... Путаешься с этой бабой со второго апреля, и хоть бы слово мне сказал, разве так можно? Брось ты ее!

— Да, я вижу, тебе все известно,— сказал, помолчав, Томодзо.— Ну ладно, я виноват, прости... Я все думал, как бы рассказать тебе, но неловко было... Сама посуди, ну как бы я с серьезным видом мог объявить, что так, мол, и так, обзавелся я полюбовницей... Но ты не беспокойся, я на своем веку погулял немало, видел всякое, из меня много денег не вытянешь, так что все будет в порядке, вот увидишь!

— Еще бы! — сказала О-Минэ насмешливо.— Сначала ты дал ей три медяка, потом два золотых, потом три золотых, пять золотых, а потом отвалил сразу двадцать...

— И все-то ты знаешь... Верно, заходил Кюдзо, а?

— Никто не заходил!.. Тебе вот что надо сделать. Баба эта, раз уж она от живого мужа с тобой сошлась, в тебя влюбилась. Но если муж узнает, тебе конец. Лучше всего для тебя откупить ее и взять в наложницы, а меня отпустить. Я стану жить и вести дело отдельно от

тебя, выделюсь из лавки «Сэкигутия» и открою свою лавку. А вы с этой О-Куни сами по себе трудитесь...

— Ну что ты болтаешь? — вскричал Томодзо. — Для чего это нам с тобой расходиться? Ведь бабенка эта, она же любовница самурая, у нее свой хозяин есть, не станет она со мной все время путаться... Я же просто так, невзначай, спьяна подзакусил ею! Ну я виноват, ну прошу прощения... Ну хочешь, никогда больше не пойду туда? Хочешь?

— Нет уж, ты иди. Раз она от живого мужа до этого дошла, значит, любит тебя. Так что ты уходи к ней...

— Ну что мне с тобой делать... Глупости ведь городишь!

— Нет уж, ты меня отпусти.

Томодзо разозлился.

— Заткнись! — заорал он. — Ты с кем разговариваешь? Кто здесь хозяин? Кто всему делу голова? Что хочу, то и делаю! Сколько любовниц мне нужно, столько и буду держать, тебя не спрошу! Не молодая, нечего со своей ревностью соваться!

— Ах, ах, простите, не то сказала, извините великодушно... Хозяин! — презрительно произнесла О-Минэ. — Всему делу голова! Подумаешь, заважничал! А кем ты был в прошлом году, у господина Хагивары на побегушках служил? В коморке ютился? Радовался, когда господин Хагивара медяками тебя оделял да старым тряпьем? Забыл об этом?

— Не кричи так, приказчики услышат...

— Пусть слышат! Хозяин, голова, наложницу завел, а кто ты такой — забыл?

— Тише, ты! Ладно, можешь убираться на все четыре стороны...

— И уберусь! Только сначала ты дашь мне сто золотых. Работали вместе, вместе и наживали...

— Еще чего! Раскричалась тут, как разносчик на празднике бога богатства...¹ Придержи язык!

— Нет уж, я все скажу! Работали мы вместе, я сил для дела не жалела, босиком ходила... А когда у господиня Хагивары жили? Я ему готовила, прибирала у него, ты же при нем на побегушках состоял, все жаловался, что на водочку тебе не хватает... Я по ночам работала, только чтобы на водку тебе заработать! Забыл это? Загордился? Восемь лет я на тебя спину гнула! Хозяин, голова... Смотрите-ка на него! А я вот, чтобы прошлого не забывать, и сейчас в простой одежде хожу, по ночам работаю... Помнишь, как в позапрошлом году весной ты размечтался выпить под жареную кету?..

— Тише ты, тише!.. Приказчики же услышат!

— А мне все равно... Нищими ведь жили, я три ночи из последних сил работала, глаз не смыкала, купила тебе водки и жареной кеты... Помнишь, как ты тогда обрадовался? Помнишь, что сказал? Забыл? Ты тогда сказал, что главное в жизни — это жена...

— Перестань орать,— прошипел Томодзо.— Я же сказал уже тебе, что больше к ней не пойду...

— А вот буду орать!.. И можешь ходить к своей О-Куни сколько хочешь, мне все равно... Слишком много понимать стал о себе!..

— Молчи, сука! — сказал Томодзо и ударил ее кулаком по голове.

¹ Праздник бога богатства...— праздник бога покровителя торговли Эбису, справлялся двенадцатого числа десятого месяца по лунному календарю.

— Дерешься? — со слезами взвизгнула О-Минэ.— Давай мне сто золотых, я уйду! Я здесь ни за что не останусь! Сам из Курихаси, кругом полно родственников, заташил меня сюда... А я родом из Эдо, у меня здесь никого нет, заступиться некому! Стара я для тебя? С бабами принялся беситься? Деваться мне, мол, некуда, без тебя я с голода помру... А ты мне дай денег, я и уйду!

— Уходишь, так уходи. А денег тебе никаких не будет.

— Ах вот как? Не будет? А кто придумал выпросить у привидений сто золотых?

— Тише, говорят тебе...

— Ничего, ничего, рот ты мне не заткнешь... Все, что теперь нажито, началось с тех денег! Да что говорить! А кто убил Хагивару, кто украл талисман «Кай-оннёрэй» и закопал в клумбе у источника?..

— Тише, сумасшедшая! Услышат ведь!

— Пусть слышат! Пусть меня хватают и рубят мне голову! Тебе все равно тоже несдобровать... Давай мне сто золотых, и я уйду от тебя!

— Ну что мне с тобой делать,— сокрушенно сказал Томодзо.— Ну виноват я перед тобой, прошу прощения, что еще? Жили мы с тобой до этого хорошо, жаль, конечно, что ты меня разлюбила, ну раз так, бери тогда лавку и дом целиком себе. Ты, верно, думала, что я с этой бабой собираюсь бежать куда-либо? Не так это. Я наводил кое-какие справки и узнал, что за нею водятся некрасивые дела, так что я и сам хотел уже порвать с нею... А хочешь, давай продадим лавку за двести или за триста золотых и уедем отсюда куда-нибудь в Этиго, хотя бы в Ниигату, пусть там опять распустится цветок нашего успеха... Как ты, согласна еще раз все начать босиком?

— Думаешь, мне так уж хочется уходить от тебя? — сказала О-Минэ, всхлипывая.— Просто ты теперь не любишь меня, вот я и говорила все это... Как-никак восемь лет вместе прожили, и, раз ты не собираешься бросить меня, уедем отсюда куда-нибудь вместе...

— Ну вот и хорошо, и не будем злиться друг на друга. Давай в знак дружбы опрокинем по чарке и заведемся в постель...

С этими словами Томодзо взял О-Минэ за руку и притянул к себе. «Ну тебя,— сказала О-Минэ,— ну что ты, право...» Как говорится в одном стихе:

Славным мужским оружием
Супруге ревнивой своей
Он рога обломал.

На следующее утро Томодзо объявил, что хочет купить О-Минэ материи на кимоно, которую та давно облюбовала. Они отправились в Саттэ, купили в галантерейной лавке отрез, выпили в харчевне и пошли обратно домой. На дамбе Томодзо вдруг остановился и, оглядевшись, стал спускаться вниз.

— Ты это куда, хозяин? — удивилась О-Минэ.

— Когда я ездил в прошлый раз в Эдо за товаром,— ответил Томодзо,— мне удалось прихватить оттуда тот самый талисман «Кайоннэрай». Я его здесь закопал, а сейчас думаю откопать и взять с собой.

— Ну вот, и мне даже не сказал ничего... Выкапывай тогда скорее, пока никто не видит!

— Возьмем его и завтра продадим господину Кога... Что это, никак дождь пошел? Спускайся сюда, будешь сторожить... Гляди, вон там у переправы двое, они не сюда идут?

— Никто не идет, где ты видишь?

— Да вон же, смотри внимательно!

Там, вдали, от тракта отделялись две дороги, вились вдоль рек Синтонэ и Отонэ и исчезали в тумане под хмурым дождливым небом. Едва видные огоньки в деревенской хижине трепетали, готовые погаснуть. Кругом не было ни души, и что-то зловещее нависло над миром. О-Минэ все всматривалась, ни о чем не подозревая, когда Томодзо выхватил нож из медных ножен у пояса и молча, изо всех сил ударил ее в спину. Он метил ей между лопаток, и она с визгом упала на землю, цепляясь за его рукав.

— Ты убиваешь меня, ты хочешь жениться на О-Куни! — вскричала она.

— А ты как думала? — прохрипел Томодзо. — Возьму бабу, какую полюбил... Ну, молись!

С этими словами он перехватил нож лезвием вниз и старательно погрузил его в тело О-Мипэ, в ямку над ключицей. О-Минэ, корчась от мучительной боли, вцепилась Томодзо в подол. Она никак не хотела умирать, и тогда Томодзо уселся на нее верхом и перерезал ей горло. О-Минэ испустила дух, но руки ее не отпускали подол мужа, и, чтобы освободиться, ему пришлось один за другим обрезать ее пальцы. Только тогда он встал, обтер и вложил в ножны клинок и, не оглядываясь, поднялся на дорогу. Затем он со всех ног пустился домой, добежал до своей лавки и заколотил в дверь кулаками.

— Открывай, Бунскэ! Скорее! — кричал он.

— Кто это там? — отозвался слуга. — А, хозяин... Сейчас, сейчас.

Не успел он отодвинуть засов, как Томодзо вскочил внутрь.

— Беда, Бунскэ! — сказал он. — На дороге на нас напали пятеро бандитов, меня схватили, но я вырвался

и убежал... А вот О-Минэ скатилась по дамбе вниз, и я не знаю, что с ней... Не ранили бы ее... Собирай всех, пошли туда!

Перепуганные слуги, вооруженные палками и дубинками, отправились с Томодзо на дорогу и обнаружили под дамбой мертвую, страшно изувеченную О-Минэ. Отчаянию Томодзо не было предела. Обливаясь притворными слезами, он кричал:

— Жалость-то какая!.. Что бы нам хоть чуть-чуть раньше прибежать, не умерла бы она такой ужасной смертью!..

Кто-то побежал сообщить властям. Власти осмотрели труп, велели забрать его домой. Вскоре тело предали земле, тут же, неподалеку от деревни. О том, что Томодзо убийца, никто не догадывался. День шел за днем, и вот на седьмой день, едва Томодзо вернулся из храма, приказчик сообщил ему, что внезапно заболела одна из служанок, тридцатилетняя О-Масу. Она ни с того ни с сего затряслась, вскрикнула и упала, а сейчас лежит без памяти и говорит в бреду какие-то несуразности. Томодзо отправился проведать ее.

— Что с тобой стряслось? — спросил он, присев у постели.

— Томодзо, — проговорила О-Масу, — если бы ты знал, как больно мне было, когда ты повернул пож в моем теле...

— Странные вещи она говорит, хозяин, — испуганно сказал Бунскэ.

— Очнись, О-Масу, — сказал Томодзо. — Простудилась она, наверное, вот и жар у нее... Укройте ее одеялами!

Принесли тяжелые одеяла и навалили на больную, но она вдруг одним движением отбросила их, села и уставилась в лицо Томодзо.

— Что это она? — сказал Бунскэ.

— Уж не лиса ли в тебя вселилась, О-Масу? — востроенно спросил Томодзо.

— Знаешь, Томодзо, — произнесла О-Масу, — никогда еще мне не было так больно... Особенно когда ты ударил меня в ямку над ключицей. Лезвие пронзило тело и вошло в грудь, и это была такая мука, что рассказать нельзя...

Томодзо стало не по себе.

— Что она болтает, — сказал он, — с ума, что ли, сошла?

— Восемь лет мы прожили с тобой в нищете, — продолжала О-Масу. — И вот теперь, когда все стало так хорошо, ты жестоко убил меня, чтобы жениться на О-Куни...

— Видно, ей очень плохо, — сказал Томодзо.

Он был поражен и решил, что О-Масу необходимо вылечить как можно скорее. Как раз незадолго до этого кто-то говорил ему, будто в деревню из столицы приехал хороший лекарь, и Томодзо сейчас же послал за ним.

ГЛАВА XVIII

Итак на седьмой день после похорон О-Минэ внезапно заболела служанка О-Масу и принялась говорить в бреду странные слова. То она говорила о богатстве, нажитом на деньги, которые получены от привидений, то об убийстве какого-то господина Хагивары Синдзабуро, то о краже талисмана «Кайоннэрай», зарытого где-то в клумбе у источника. Слуги слушали и ничего не понимали, считая все это горячечным бредом, но Томодзо-то так не считал. Он догадался, что убиенная О-Минэ, не сумев овладеть им, вселилась в О-Масу и намеревается отомстить ему,

разболтав о всех его злодействах, чтобы слухи об этом дошли до властей и его схватили бы и казнили. «Не ото-слать ли О-Масу к ее родным, чтобы и духу ее здесь не было? — подумал Томодзо. — Да нет, если она станет бол-тать такое и у себя дома, я все равно пропал». Действо-вать нужно было осмотрительно. Пока Томодзо размыш-лял, вернулся Накаскэ, посланный в Саттэ за лекарем.

— Привел я его, хозяин, — объявил Накаскэ. — Вот это он и есть, знаменитый лекарь из Эдо. Насилу я его упросил пойти к нам...

— Благодарствуйте, благодарствуйте, — произнес То-модзо, кланяясь лекарю. — Мы здесь в лавке торговлей за-нимаемся, так что сами видите, какой у нас беспорядок, а вот не угодно ли вам будет пройти в комнаты?

Он провел лекаря в гостиную, усадил на почетное ме-сто и склонился перед ним, уперев руки в пол.

— Очень рад познакомиться с вами, — сказал он. — Зовут меня Сэкигутия Томодзо, и разрешите от души по-благодарить вас за то, что вы согласились взять на себя труд посетить меня...

— Да-да, и я рад познакомиться, — сказал лекарь. — У вас, говорят, кто-то внезапно заболел... э-э... жар, гово-рят, странный бред... — Он вдруг пристально поглядел на Томодзо и воскликнул: — Э-э, а давненько мы с тобой не виделись, парень! Надо же, а! Как ты поживаешь, Томо-дзо? Как всегда, здоровый и бодрый, это хорошо... Смотри, как неожиданно встретились! Вот никогда не думал... Это твой новый дом? Превосходно... Впрочем, так оно и дол-жно было быть. Еще когда ты с женой жил у господина Хагивары Синдзабуро, я считал вас парой дельной, всегда думал, что вы далеко пойдете... Это я всеми десятью паль-цами указывал и не ошибся... И лавку ты хорошую дер-жишь, отличное дело...

Томодзо, недоуменно таращивший на него глаза, наконец узнал.

— Никак это господин Ямамото Сидзё! Ну, совсем не ожидал с вами встретиться здесь...

— Говоря между нами,— сказал Сидзё,— в Эдо я окончательно проелся, даже лекарствовать не мог. Домик у меня с кошкин лоб, так я его продал и поехал в Никки к знакомым. Остановился переночевать на постоялом дворе в Саттэ, там меня попросили осмотреть одного постояльца, больного лихорадкой... Ну, пользовал я его, пользовал, он на мое счастье и выздоровел. Сам выздоровел, я тут ни при чем. Но сразу разнесся слух, будто я великий лекарь, и теперь у меня от больных отбоя нет. Лечу их через пень-колоду, однако деньги платят хорошие, вот я и решил остановиться в здешних местах... Честно говоря, лекарь я никудышний, хотя томик-другой «Сёканрона»¹ прочесть мне в свое время пришлось. Но ведь я терпеть не могу больных, мне к их вонючим постелям подходить противно... А чуть денежки заведутся, тут уж я и вовсе бросаю все и принимаюсь пить... Так я и проелся в Эдо... А что твоя жена? О-Минэ, кажется... Давно ее не видел... Здорова она?

— Она...— Томодзо запнулся...— Ее восемь дней назад зарубили на дамбе бандиты... Собрал я кое-как ее тело по кускам и схоронил.

— Какое несчастье! — воскликнул Сидзё.— Как же это так вдруг? Представляю, какое это горе для тебя... Мне тем более жаль, что мы с тобой в свое время были в добрых отношениях. Хорошая была женщина, преданная... Видно, есть все-таки судьба, о которой толкуют монахи. Да, жаль, жаль... Значит, больная у тебя — это не жена?

¹ «Сёканрон» — старинный учебник по медицине.

— Нет, это просто служанка. У нее жар, и в бреду она такие вещи бормочет, что слушать страшно...

— Ну что ж, пойдем посмотрим ее, а потом недурно было бы выпить и поболтать за чаркой о прошедших временах... Приятно все-таки встретить старого друга в незнакомом месте... А если у больной жар, то мы с ним справимся в два счета...

— Бунскэ! — крикнул Томодзо. — Принеси сюда чай и сладости! Хотя господин лекарь сладостей не любит... Сюда пожалуйста, здесь женская половина.

— Ага, — сказал Сидзё. — Ну и духота же здесь. Сниму-ка я хаори.

— О-Масу, — позвал Томодзо. — Слышишь, О-Масу! К тебе господин лекарь пожаловал, он тебя сейчас осмотрит... Так что крепись, постарайся не бредить...

— Как ты себя чувствуешь, что болит? — бодро осведомился Сидзё, присаживаясь возле постели больной.

Вдруг О-Масу, сбросив с себя тяжелые одеяла, села и уставилась на него.

— Я вижу, у тебя жар, — продолжал Сидзё. — Ты, верно, простудилась, правда? Тебя не знобит?

— Здравствуйте, господин Ямамото Сидзё, — произнесла О-Масу. — Давно мы с вами не виделись.

— Что за чудеса! — поразился Сидзё. — Имя мое назвала...

— Я же говорю вам, бредит она, — поспешно сказал Томодзо.

— Все же странно, откуда она знает мое имя? Ладно, посмотрим, что это с нею.

— Когда Томодзо ударил меня ножом вот сюда, — сказала О-Масу, — и повернул нож в ране, я...

— Ну что она несет такое! — проговорил Томодзо.

— Ничего, ничего, погоди,— остановил его Сидзё.— Ну а потом что было?

— Вы знаете,— сказала О-Масу,— как мы бедно жили у господина Хагивары Синдзабуро. Он обращался с нами, как с прислужгой, мы для него босиком бегали. А потом к господину Хагиваре привязались привидения. Он обратился к настоятелю храма Симбандзуй-ин и получил ярлыки-заклятия, отгоняющие демонов и чудовищ. Один ярлык он наклеил на окно, которое выходит на задний двор. Тогда Томодзо получил от привидений сто золотых и отклеил этот ярлык...

— Что ты врешь! — закричал Томодзо.

— Нет-нет, погоди,— сказал Сидзё.— Мне, например, очень интересно. Продолжай!

— С этих денег и пошло все наше богатство. Но это не все. Кроме того, Томодзо украл с шеи господина Хагивары золотой талисман «Кайоннёрай» и закопал в Нэдзу возле источника. И вдобавок он запинал господина Хагивару насмерть, чтобы замести следы...

— Не смей! — крикнул Томодзо.— Что за несуряницу ты несешь?

— Погоди, не мешай, она же мне рассказывает, а не тебе... Прямо чудеса, да и только. Ну, и что было дальше?

О-Масу повернулась к Томодзо.

— А дальше ты пустил эти шальные деньги в оборот, разбогател и принялся ухлестывать за чужими бабами. И, как зверь, убил меня, чтобы я тебе не мешала!

— Ну что мне с ней делать,— пробормотал Томодзо.— Вот так все говорит и говорит...

— Да, случай удивительный,— деловито сказал Сидзё.— Но беспокоиться тебе нечего. Уволь ее и поскорее

отправь домой к родным... Ты, может быть, опасаясь, что она будет болтать то же самое и там? Ничего подобного. Там это у нее как рукой снимет. Она и бредит только потому, что находится в этом доме... В молодости, помнится, пришлось мне вместо своего учителя пользоваться двух таких вот больных, так с ними тоже так было. Вернулись домой, и все кончилось. Не сомневайся и увольняй...

Томодзо был испуган, однако тут же последовал совету лекаря и вызвал родных О-Масу, чтобы забрали больную. Едва О-Масу очутилась за воротами, как перестала бредить и пришла в себя. Тогда застонал и свалился без памяти приказчик Бунскэ. Его уложили в постель и накрыли одеялами, но он вдруг вскочил и принялся рассказывать о том, что все богатство здесь нажито-де на деньги, которые получены от привидений, а когда отправили со двора и его, сейчас же заболел и начал бредить мальчишка-посыльный. Кончилось дело тем, что Томодзо отправил по домам всех слуг и приказчиков и остался в доме вдвоем с Ямамото Сидзё.

— Ну вот,— сказал Сидзё.— Теперь моя очередь бредить. Удивительное дело! Послушай, Томодзо, рассказал бы ты мне все откровенно, а? Я слышал, что Хагивару преследовали привидения и что умер он в обнимку со скелетом. Говорили также, что ему подменили какой-то важный талисман, который он носил на шее, и куда этот талисман девался, никто не знает. Говорили еще как будто, что старый гадальщик по имени Хакуодо заподозрил неладное и рассказал настоятелю храма Симбандзуй-ин и что настоятель якобы все уже знал и открыл, будто украденный талисман зарыт в землю... Нынче из бреда больных я понял, что все это твоих рук дело. Нечего больше таиться от меня, рассказывай, как было дело, и подумаем

вместе, как нам быть. Откройся, обсудим все, и хорошее и плохое... И жену, конечно, убили не бандиты, а ты сам, потому что она мешала тебе, ведь верно?

Томодзо понял, что запираться больше не имеет смысла.

— Вот как все было,— сказал он.— Историю с привидениями и удивительную гибель господина Хагивару подстроил я. Я сам убил господина Хагивару пивками под ребра, я сам пробрался ночью на кладбище у храма Симбандзуй-ин, вырыл там скелет и подложил его в постель к Хагиваре, и это я одурачил старика Хакуодо, внушив ему, будто Хагивара убит силами тьмы... Мне удалось также украсть талисман «Кайоннёрай» и припрятать его в клумбе возле источника в Нэдзу. После этого я выжил соседей всякими небылицами, воспользовался тем, что все они со страха разъехались кто куда, и тоже удрал из Эдо вместе с О-Минэ. Имея сотню золотых, мы приехали сюда и открыли доходное дело. Но тут я связался с одной бабой. Жена взбесилась от ревности и стала грозить, что донесет на меня. Пришлось заманить ее на дамбу и прикончить. Никто об этом не догадался, я так ловко разыграл горе, что все убеждены, будто ее убили бандиты. Ну а потом я ее быстренько похоронил.

— Здорово ты рассказываешь! — воскликнул Сидзё.— Просто замечательно. Обыкновенному человеку так не рассказать. Прямо и без обиняков: «Я убил...» Злодей, настоящий злодей, да и только! Ну что ж, ты был со мной откровенен, и я никому ничего не скажу, хотя, признаться, болтун я порядочный... Но мне бы хотелось, чтобы ты исполнил одну мою маленькую просьбу. Не подумай только, будто я зарюсь на твое состояние, вовсе нет...

— Ничего, ничего, я все понимаю,— сказал Томодзо.— Можешь просить все, что тебе угодно, только держи

язык за зубами...— Он извлек из-за пазухи сверток с двадцатью пятью золотыми и положил перед Сидзё.— Вот тебе «кусок», не обессудь, что мало...

— Ага,— сказал Сидзё.— Плата за молчание, а не за лечение. Все понятно. Ну что же, деньги есть, теперь можно и погулять. Самое время выпить и поговорить о прошедших временах... Только здесь у тебя как-то мрачно, пойдем куда-нибудь в другое место.

— Ладно, раз так, пойдем в «Сасая», это у нас здесь такая харчевня...

Друзья отправились в «Сасая», сели друг против друга и принялись пить. Вскоре Томодзо заметил:

— Плохо что-то пьется в мужской компании. Давай позовем женщин.

Он послал за О-Куни, и та сейчас же явилась.

— Здравствуйте, хозяин,— сказала она.— Добро пожаловать к нам. Давно мы не виделись. А я слыхала, что с вашей супругой приключилось несчастье, и очень сочувствовала вам в вашем горе... Мне как раз хотелось повидаться с вами, хозяин... Дело в том, что рана у моего мужа совсем зажила и мы в скором времени собираемся отбыть в Этиго. Тогда уж нам с вами больше не увидаться... Я об этом все время думаю, и сейчас вот думала, когда вы послали за мной. Я так обрадовалась, что прямо как на крыльях к вам полетела...

— Поздоровайся с моим другом, О-Куни,— сказал Томодзо.

— Ах, простите, пожалуйста,— спохватилась О-Куни и повернулась к Сидзё.— Что такое? Это вы, господин Ямамото? Вот так встреча!

— Удивительная встреча,— согласился Сидзё.— Никогда бы не подумал, госпожа О-Куни, что вы окажетесь

в таком месте... Чудеса, ничего не скажешь. Впрочем, я кое-что слышал... Как говорится, «с любимым хорошо и в дебрях диких». Поразительно! Просто невероятно...

О-Куни перепугалась. Ведь Сидзё прекрасно знал всю ее подноготную и мог рассказать Томодзо!

— Простите, господин Сидзё,— сказала она, отошла в соседнюю комнату и позвала оттуда:— Хозяин, можно вас на минутку?

— Иду,— сказал Томодзо, поднимаясь.— Ты подожди меня здесь, Сидзё, я сейчас...

— Сколько угодно,— ответил Сидзё.— Можешь не топиться. Мне это нипочем, я к таким штучкам привык. Не стесняйся, делай, как тебе удобно...

Когда Томодзо вышел к О-Куни, она спросила:

— Как случилось, хозяин, что вы встретились с Сидзё?

— Я вызвал его к больному слуге...

— Вы ему не верьте, хозяин, этому лекарю. Он такой лгун, что другого такого не сыщешь... Если его слушать, можно ужасных вещей натворить. Разлучник он, скверный человек, ты его сегодня вечером отправь куда-нибудь, а сам останься здесь один, я сбегаю домой, уложу мужа спать и вернусь к тебе, мне с тобой надобно о многом поговорить. Хорошо?

— Ладно,— сказал Томодзо.— Ты только скорее управься с домашними делами и приходи.

— Обязательно приду, жди меня.

На этом они расстались, и Томодзо вернулся к Сидзё.

— Прости,— сказал он,— ты, верно, заждался...

— Ну что ты... Вот, друг мой, этой женщине, вероятно, уже под сорок, а до чего молодо выглядит! Молодчина ты, ловко обвел ее вокруг пальца. Впрочем, не стану

говорить тебе неприятности, ведь мы условились с тобой делить все хорошее и плохое... Кстати, вот ты ей покровительствуешь, а знаешь ли ты что-нибудь о ее прошлом?

— Нет, не знаю. Но ты-то, верно, знаешь ее хорошо?

— У этой женщины есть любовник, зовут его Миянобэ Гэндзиро. Он сын хатамото. Так вот этот парень — преступник. Когда отец девушки, которая влюбилась в господина Хагивару, Иидзима Хэйдзаэмон женился, его жена привела к нему в дом служанку, вот эту самую О-Куни. Впоследствии Иидзима сделал ее своей наложницей, а она спуталась с Гэндзиро. Они вдвоем зарубили своего хозяина и благодетеля, украли из его дома двести шестьдесят золотых, три пары мечей и кинжалов, сколько-то там драгоценных шкатулок и удрали. Воры и убийцы, иначе их не назовешь. Мне говорили, что их ищет, чтобы отомстить за смерть господина, один верный вассал, Тоскэ или Коскэ, не помню, как его... И знаешь, что я думаю? Ничего она в тебя не влюбилась. Она с тобой сошлась из-за своего любезного Гэндзиро, потому что решила извлечь из тебя для него пользу. И сделала она это с его согласия, он ее телом денежки зарабатывает... Вот она сейчас сказала тебе, что собирается в Этиго. Не иначе рассчитывает, что ты от меня отделаешься и останешься один, а тогда этот Гэндзиро нагрянет к тебе и сдерет с тебя две сотни золотых за прекращение связи. Понял, в чем дело? Так что оставаться тебе здесь на ночь никак нельзя. Давай натянем им обоим нос, уйдем отсюда куда-нибудь в заведение с девками...

— Действительно,— сказал Томодзо.— Надо же... Давай так и сделаем...

Они ушли из харчевни и провели всю ночь в публичном доме «Щуруя». Тем временем в «Сасая» появились Гэндзиро и О-Куни. Когда им сказали, что Томодзо ушел, они были очень разочарованы. На обратном пути Гэндзиро решительно произнес:

— Теперь, О-Куни, мне остается только явиться к нему прямо в лавку. А если он притворится, будто ничего не знает...

— Тогда появлюсь я,— подхватила О-Куни,— и, не дав ему рта раскрыть, вытрясу из него все золото.

На следующее утро, едва Томодзо и Сидзё вернулись домой, обмениваясь веселыми впечатлениями ночи накануне, у дверей лавки появился Гэндзиро.

— Можно войти? — крикнул он.

— Что за чудеса? — удивился Томодзо.— Какой это чужак просит разрешения войти в лавку?

— Смотри-ка,— сказал Сидзё.— А ведь это, кажется, тот самый Гэндзиро, о котором я тебе вчера рассказывал...

— Ты тогда спрячься где-нибудь...

— Если тебе придется трудно, я выскочу, ладно?

— Ладно, ладно, уходи...— Томодзо поспешил к двери.— Простите,— обратился он к Гэндзиро,— у нас здесь еще беспорядок, и лавка еще закрыта. Прошу пожаловать, когда откроем...

— Я вовсе не в лавку,— возразил Гэндзиро.— Мне нужно поговорить с хозяином. Откройте, пожалуйста.

— А, тогда другое дело. Прошу вас.

— Простите, что беспокою вас так рано... Вы хозяин?

— Да, меня зовут Сэкигутия Томодзо... Здесь у нас лавка, так что прошу пройти в комнаты.

— С вашего разрешения...

Не выпуская из рук меча скоричневой рукояткой и в ножнах воскового цвета, небрежно отстранив Томодзо, Гэндзиро вошел в комнату и уселся на почетное место¹.

— С кем имею честь? — осведомился Томодзо.

— Да, мы незнакомы... Я недостойный Миянобэ Гэндзиро, проживаю я возле дамбы. Моя жена О-Куни, которая работает за нищенское жалование в «Сасая», рассказала мне, будто вы, хозяин, внезапно обратили на нее благосклонное внимание и стали оказывать ей покровительство. К сожалению, у меня так болела нога, что я не мог ходить и не в состоянии был лично предстать перед вами, чтобы засвидетельствовать свою глубокую благодарность.

— Чувствительнейше рад с вами познакомиться, — сказал Томодзо. — Прошу только снисхождения к моему невежеству, человек-то я простой. Слышал я о вашем недуге, и мне приятно, что у вас уже всё прошло... Что же до моего покровительства госпоже О-Куни, то покровительством одним сыт не будешь, боюсь, оно мало пользы принесло... Значит, она ваша супруга? Не знал, простите великодушно. Честь-то какая! Жалко, право, что ей приходится по службе ублажать всяких погонщиков, да таких, как я... А наш брат частенько бывает неучтив, извините.

— Пустяки, это ничего, — сказал Гэндзиро. — Я, собственно, к вам с очень большой просьбой, господин Томодзо. Дело в том, что мы с супругой сильно поиздержались в дороге, особенно из-за моей болезни, сами понимаете, лекарства, то-сё, одним словом, кошелек наш пуст.

¹ Войти в жилое помещение, не оставив оружие в прихожей, считалось вопиющей невежливостью.

Теперь я наконец поправился, и мы собираемся отбыть в Этиго, а денег на дорогу почти нет. Я просто не знал, как быть, но тут жена посоветовала мне обратиться к вам. Хозяин Сэкигутия, говорит, человек добрый, он не откажет нам в слезной просьбе и поможет деньгами. И вот я у вас. Мы были бы очень благодарны вам, если бы вы ссудили нам немного на дорогу.

— Как отказать в такой учливой просьбе! — воскликнул Томодзо и положил перед Гэндзиро бумажный сверток с деньгами.— Здесь, правда, немного, но от чистого сердца...

Гэндзиро развернул сверток и обнаружил в нем горсть медяков.

— Как! — с негодованием произнес он.— И это все? Послушайте, хозяин, вы всерьез полагаете, что на эту мелочь можно довести до Этиго человека с большой погой? Нет уж, прошу прибавить, хотя бы из сострадания...

— Этого мало, вы говорите? А сколько бы вы, к примеру, хотели?

— Да хотя бы сто золотых.

— Сто золотых? Шутить изволишь, господин хороший. Сто золотых — это тебе не дрова, на полу такие деньги не валяются. И вообще в таких делах принято брать, что дают. По-моему, нет таких законов, чтобы положено было давать столько-то или столько-то. Нет, ста золотых вам не будет. Да ведь смотря и как путешествовать... Есть такие, кому тысячи золотых не хватает, посылают домой за деньгами, а иному на паломничество в Исэ хватит сотни грошей... Вон рассказ есть, как с двумя медяками дошли до храма Компира. Так что все дело в том, как себя вести в дороге... А таких денег дать я вам не могу. У торговца свободных денег не бывает, хоть в

лавке у него на вид все благополучно, а случается, что он одному золотому рад... Ишь ты, сто золотых ему! А с какой это стати, спрашивается?

— О-Куни пользовалась твоим покровительством, больше я ничего не скажу. Перестань болтать и давай сюда сто золотых.

— На что это ты намекаешь? Что я с твоей О-Куни путался, что ли?

— Да! Ты был ее любовником и уплатишь мне сто золотых отступного, понял?

— Ну да, спала она со мной, ну и что такого?

— Молчать! — яростно заорал Гэндзиро. — Как смеешь говорить мне такое, мерзавец? — Он притянул к себе меч и, надавив большим пальцем на гарду, выдвинул его немного из ножен. — Я уже давно подозревал вас, да молчал, терпел, думал, что как-нибудь обойдется... А вчера О-Куни призналась мне во всем, как ты воспользовался нашей бедой и принудил ее к мерзкой связи... Я чуть не зарубил ее на месте, да пришлось простить, деваться некуда... И я пришел к тебе, чтобы уладить все тихо и мирно, а ты, наглая скотина, позволяешь себе своим грязным языком вслух распространяться о ее позоре? Ну, я тебе этого не спущу... Я с тобой так разделаюсь...

— Ну ты, потише, — холодно оборвал его Томодзо. — Соседей у меня нет, но здесь тебе не деревня без старосты. Ты что думаешь, я испугаюсь твоего крика и твоего меча? Ах, не рубите меня, пожалуйста, возьмите сто золотых! Не на такого напал, ошибаешься! Да мне в моей жизни три головы надо, и то не хватило бы, вот какой я человек! Ты лучше меня послушай. Я с одиннадцати лет от рук отбился, послали меня на богомолье, а я в Эдо сбежал, через огонь и медные трубы прошел, украсть или убить для меня было все равно что воды напиться или

пончик проглотить, я в кости с жульем играл, где кулаком в нос расплачивался, я в бандитских притонах любого на горло брал... Теперь-то я рубцы и ожоги белыми носочками скрыл, разговариваю как дурак-деревенщина, так ты и решил, что можешь тягаться со мной?.. Разболтался здесь о любовниках, о мерзких связях, а ведь эта баба твоя была наложницей Иидзимы Хэйдзаэмона, ты с нему спутался, и вы убили его, стащили у него оружие и деньги и удрали. Вот и выходит, что ты самый настоящий вор. А О-Куни твоя спала со мной не по любви, а из жалости к тебе, чтобы выкачивать из меня деньги на лекарства. Я-то это знал, да мне было вроде бы наплевать, мы, мужики, неразборчивы, каюсь, моя оплошность... Я бы тебе ничего этого говорить не стал, дал тебе горсть медяков, а сам думал подарить на дорогу двадцать пять золотых, вот они, видишь? Но теперь ничего не дам, нечего было требовать у меня сотню. Ни гроша больше не получишь, хоть голову мне руби, ей все одно долго на плечах не удержаться... И вот еще что послушай. Если ты со своей бабой и дальше будешь ошиваться поблизости от Эдо, плохо вам придется. На вас нацелился какой-то Коскэ, хочет отомстить за своего господина. Так что смотри, ваши головы могут полететь раньше моей.

Когда Томодзо умолк, пораженный и испуганный Гэндзиро ударил себя кулаком в грудь.

— Я понятия не имел, что вы такой опытный человек, — проговорил он. — Считал вас, признаться, обыкновенным простаком лавочником, думал напугать вас и заставить раскошелиться... Простите меня... А это, с вашего разрешения, я у вас одалживаю...

— Бери и убирайся, а то в беду попадешь, — усмехнулся Томодзо.

— Разрешите откланяться...

— Иди, уноси ноги!

Гэндзиро удалился. Сидзё вылез из стеного шкафа и восторженно закричал:

— Вот это было здорово! Я просто в восторге! Как это ты ему... «Все равно что воды напиться или пончик проглотить...» Вот что значит настоящий бандит!

О том, как после этого Томодзо и Сидзё отправились в Эдо, как Томодзо откапывал талисман «Кайоннёрай» и в конце концов попался, будет рассказано в следующий раз.

Г Л А В А XIX

Продолжаем нашу повесть «Шионовый фонарь». Коскэ, верный вассал Иидзимы Хэйдзаэмона, в погоне за Миянобэ Гэндзиро и О-Куни, убийцами господина, отправился в провинцию Этиго и прибыл в Мураками. Но сколько он ни расспрашивал, никто не мог сказать ему, куда девались беглецы. Заодно он попытался отыскать свою родную мать О-Риэ. Он надеялся, что она еще жива, и хотел повидаться с нею. Она была младшей сестрой господина Савады Уэмона, одного из вассалов князя Найто Киюноками. Порасспросив в замке князя, Коскэ узнал, что супруги Савада давно уже скончались, дом их унаследовал приемный сын, а куда уехала мать, неизвестно. Он ездил туда и сюда, останавливался на несколько дней там и сям, всюду расспрашивал о матери и тщательно искал следы врагов, но все безрезультатно. Так закончился год. В новом году Коскэ свернул с тракта Этиго и пустился искать сначала по тракту Синанодзи, а затем вдоль тракта Минодзи, но и там ничего не было известно о Гэндзиро и О-Куни. Близилась годовщина смерти господина

Индзимы, и Коскэ решил побывать в Эдо. Через несколько дней, третьего августа, он прибыл в столицу и сразу отправился в храм Симбандзуй-ин. Там он возложил на могилу господина курительные палочки, поставил чашку с водой и, склонившись перед могилой в поклоне, произнес:

— Господин мой! По нерасторопности мне еще не удалось встретиться с негодьями О-Куни и Гэндзио, я еще не исполнил своего долга, а вернулся в Эдо только потому, что наступила годовщина вашей смерти. Отслужу по вас панихиду и сразу же вновь отправлюсь на поиски врагов. Теперь я поеду в другом направлении и надеюсь непременно найти их, где бы они ни были. Окажите мне покровительство из вашей могилы, господин, помогите мне поскорее отыскать негодяев...

Так Коскэ говорил с господином, словно с живым. Затем, помолвившись, он постучался в храм. На стук вышел служка и спросил, чего ему надобно.

— Я вассал господина Индзимы Хэйдзаэмона, что жил когда-то на Усигомэ,— ответил Коскэ.— Я посетил могилу господина по случаю годовщины его смерти, а теперь хотел бы удостоиться чести лицезреть господина настоятеля, если это возможно.

— Я доложу, подождите немного,— сказал служка.

Служка доложил, и ему приказали ввести посетителя. Коскэ ввели в покои, где восседал на дзабутоне, неподвижно выпрямившись, настоятель Рёэки во всем величии благородной мудрости и духовной чистоты. Лицо его выражало такую мощь духа, что голова Коскэ сама собой склонилась перед ним.

— Впервые я удостоен чести предстать перед вами, святой отец,— сказал он.— Меня зовут Аикава Коскэ, я приехал в Эдо по случаю годовщины смерти своего гос-

подина, Иидзимы Хэйдзаэмона. Вот здесь пять золотых, позвольте просить вас отслужить панихиду по господину...

— Да, видимся мы впервые, — произнес настоятель. — Подойди ближе. Дело доброе... Ну-ка, кто-нибудь, подайте нам чаю!.. Так ты и есть вассал Иидзимы? Ты прекрасный человек, Коскэ, намерения твои благородны. Ты долго был в пути, следовательно, вряд ли у тебя много денег, и нам придется обойтись одним или двумя плакальщиками. Чтобы не слишком тратиться, постную трапезу закажем нашим же монахам, все необходимое приготовим у нас в храме, а проведи службу пригласи настоятеля соседнего храма. Слишком рано не приходи, нам не управиться, придешь после обеда, так, чтобы поужинать здесь. А теперь ты, вероятно, пойдешь на Суйдобата? Ступай, там тебя очень ждут. В доме твоём большая радость, поспеши, тебя можно поздравить.

— Я действительно иду на Суйдобата, — удивленно сказал Коскэ. — Но откуда вам это известно? Просто удивительно... Так что, если позволите, я приду сюда завтра после обеда. Прошу вас не оставлять меня своими милостями. До свидания.

Выйдя из храма, он думал: «Странный, однако, настоятель! Как он узнал, что я собираюсь на Суйдобата? Совсем как гадалщик...» Так размышляя и удивляясь про себя, он дошел до дома Аикавы Сингобэй. Почти год назад он уехал отсюда, едва успев стать приемным сыном, и теперь постеснялся войти через парадную дверь. Он вошел со двора на кухню и окликнул Дзэндзо:

— Здравствуй, Дзэндзо, вот я и вернулся. Слышишь? Эй, Дзэндзо!

— Кто это там? — проворчал Дзэндзо. — Мусорщик пришел, что ли?

— Да нет, это я...

— Ох, простите великодушно, тут в это время всегда мусорщик приходит, вот я дал маху... Добро пожаловать, входите, пожалуйста! Господин! Господин! Вернулся господин Коскэ!

— Что такое? — слышался из покоев голос Аикавы. — Коскэ вернулся? Да где же он?

— Здесь, на кухне...

— Где? Почему? — В кухню вбежал Аикава. — Почему же ты на кухне? Как водонос какой-нибудь... Дзэндзо! Эй, Дзэндзо, ну что ты вертишься на одном месте?.. Бабка! Бабка, иди сюда, наш Коскэ вернулся!

— Что? — откликнулась кормилица. — Молодой господин вернулись? То-то, верно, намаялись... Очень приятно видеть вас в добром здравии.

— Батюшка, — сказал Коскэ, — я рад видеть вас бодрым и здоровым. Мне все хотелось написать вам с дороги, но послать в пути письмо очень трудно, так и не собрался. Я очень беспокоился о вас и теперь так рад видеть вас снова...

— Я тоже без меры рад твоему возвращению, — торжественно сказал Аикава. — Я, Сингобэй, заявляю, что полностью удовлетворен. Хоть и «бывают дни, когда ворон не каркает», а я-то о тебе ни на миг не забывал. Когда шел снег, я думал, через какие горы ты перебираешься? Когда дул ветер, я думал, через какие поля на своем коне ты скачешь? Ни в снег, ни в ветер я не забывал про тебя. И вот неожиданно ты возвратился! Дочь моя тоже только и думала, что о тебе. В первое время она много плакала, так что мне пришлось даже пожурить ее. Не смей так горевать, говорил я ей, так ведь и заболеть недолго, крепись...

— Я как сегодня приехал в Эдо,— сказал Коскэ,— так сейчас же отправился в храм Симбандзуй-ин. Я и вернулся сюда, чтобы панихиду отслужить по господину, завтра годовщина его смерти...

— Ну да,— вздохнул Аикава,— я и то уж хотел завтра вместо тебя сходить помолиться на могилу... Бабка! Ты видишь, господин Коскэ вернулся!

— И то вижу,— отозвалась кормилица,— радость-то какая! Вы как уехали, так дня у нас не было, чтобы о вас не говорили... И не похудели нисколько, все такой, как были, только будто загорели маленько...

— Ну-ка, бабка, неси его сюда,— распорядился Аикава.

— Нельзя,— возразила кормилица,— спит он сейчас. Вот проснется, глазки протрет, тогда и покажем... Лучше его показать, когда он смеется...

— Это правильно,— согласился Аикава.— В первый раз показывать плачущим не годится, а он непременно расплачется, если разбудить. А как выспится, сразу же принеси...

Вбежала, плача от радости, О-Току. Она сидела у себя в комнате с младенцем на руках, когда ей доложили, что вернулся муж.

— Здравствуйте, господин мой,— проговорила она,— не могу даже сказать, как хорошо, что вы столь скоро вернулись... Мы каждый день вспоминали вас... И еще радостно мне, что вы даже не осунулись ничуть...

— И я рад, что ты здорова,— сказал Коскэ.— И спасибо тебе, что заботилась о батюшке, пока меня не было. Прости, что не прислал тебе письма с дороги. Все равно я думал о тебе каждый день... Радостно мне видеть всех вас живыми и здоровыми...

— А я вчера ночью как раз видела вас во сне,— сказала О-Току,— будто вы уезжаете куда-то. Говорят, если видишь во сне, как человек отправляется в путь, то непременно с этим человеком скоро свидишься... Я так обрадовалась, что увижусь с вами, только не думала, что вы уже сегодня вернетесь...

— И я такой же точно сон видел,— заявил Аикава.— Ну, ладно, бабка, неси его, проспуня уже, на-верное...

Кормилица вышла и вернулась с младенцем на руках.

— Взгляни, Коскэ,— с гордостью сказал Аикава.— Славный мальчик, правда?

— Чей же это такой? — спросил Коскэ.

— Как чей? Твой!

— Шутить извольте,— недоверчиво сказал Коскэ.— Я выехал в августе прошлого года, откуда же у меня может быть ребенок?

— Дети и от одного раза рождаются,— засмеялся Аикава.— Ты же перед отъездом провел ночь с моей дочерью, вот сынок у тебя и родился. И то, что у вас дите народилось с первого же раза, означает, что связь между вами крепкая... Дочь, как ты уехал, затосковала было, но я ей строго-настрого сказал, что этим она себе повредит, если будет печалиться во время беременности, а там она и родила... Дал я твоему сыну имя. Взял один иероглиф твоего имени и назвал мальчика Котаро... А на тебя до чего похож, взгляни-ка!

— Поистине, как странно все получается,— сказал Коскэ.— Помните, в своем завещании господин приказал, что, если от меня, вашего приемного сына, родится ребенок, все равно мальчик или девочка, этот ребенок должен унаследовать дом Индзимы и восстановить его

род... Уж не возродился ли мой господин в этом младенце?

— Может быть, и так,— сказал Аикава.— А знаешь, что мне дочь сказала, когда он родился? Батюшка, говорит, я хоть и думаю все время о супруге своем, но с младенцем, который так на него похож, мне стало легче, говорит, будто я снова с супругом... В другой раз, когда я что-то очень уж сильно прижал мальчишку, она вдруг как закричит... Не надо так, кричит, вы ему ручку ломаете! Потеха, да и только с нею... Дзэндзо!

— Тут я,— отозвался слуга.

— Дзэндзо!

— Тут я, чего изволите?

— А, вот он ты где... Послушай, ведь это ты, кажется, провожал молодого господина до Итабаси...

— Правда ваша, я и ходил... И приятно снова видеть молодого господина живым и здоровым... Уж так мне было тогда жалко расставаться с вами, домой весь в слезах вернулся...

— Спасибо тебе,— сказал Коскэ,— я тогда доставил тебе немало беспокойства...

— Все это хорошо,— спохватился вдруг Аикава,— а вот узнал ли ты, где искать врагов?

— Еще нет,— ответил Коскэ.— Мне так и не довелось с ними встретиться, и сразу после панихиды я снова выеду на поиски.

— Вот оно что... Завтра, значит, идешь на панихиду?

— Непременно, батюшка, и я хотел бы, чтобы вы пошли вместе со мной... Кстати, мне много приходилось слышать о мудрости настоятеля Рёсэки, говорили, что просветлен он безгранично и предвидит все на сто лет вперед, а нынче я сам в этом убедился. Вот его собственные слова, когда мы прощались: «В доме твоём большая

радость, поспеши, тебя можно поздравить». Ведь это значит, что ему известно было о рождении ребенка...

— Ну и ну,— удивился Аикава,— неужели ему и такие вещи известны? Мудрость, говорят, происходит от опыта жизни и ума... Я, правда, слышал, будто настоятель Рёсэки был учеником какого-то мудреца в Янаке и постиг у него все тайны йоги, но не думал, что он настолько могуч... Эй, Дзэндзо, беги со всех ног в «Ханая» и возьми там по случаю такого праздника три блюда рыбы и еще немного сладостей, ведь в пути хороших сладостей не найдешь, да и суси¹ в дороге доброго не бывает, так что возьми и суси, и еще пять го водки, а поскольку господин Коскэ водки не пьет, возьми для него два го самого лучшего мирина... И гречневой лапши! В дороге попадается гречневая лапша, но соус подают скверный, так что возьми выпаренной гречневой лапши в корзиночках и закажи еще сируко²...

Скоро все яства были принесены, радостная встреча была отпразднована, и Коскэ с О-Току отправились почивать. Всю ночь они провели в беседах, поэтому не успели оглянуться, как наступило утро. На следующий день, определив заранее время, Коскэ с Аикавой вышли из дому, прошли Суйдобата, через Кириситан вышли на Коисикаву, затем по склону холма Хакусан спустились на Дэнгодзакэ и оказались в Янаке перед храмом Симбандзуйин. Их уже ждали.

— Что же плакальщики так опаздывают? — встретил их настоятель Рёсэки.— Монахи давно собрались в главной молельне, прошу вас, поспешим...

¹ *Суси* — кушанье из вареного риса и рыбы.

² *Сируко* — сладкая каша из фасоли с поджаренными ломтиками рисовой лепешки.

Коскэ и Аикава торопливо проследовали в главную молельню. Сорок или пятьдесят монахов отслужили торжественную панихиду, затем последовала молитва о спасении покойного от ярости голодных сил мрака. Тем временем солнце склонилось к вершинам западных гор, монахам подали угощение и отпустили их. Настоятель Рёсэки пригласил Коскэ и Аикаву в свои покои, и они втроем усадились за отдельный столик выпить по чарке. Аикава сказал, кланяясь:

— Впервые в жизни имею честь лицезреть вас, господин настоятель. Позвольте представиться: недостойный Аикава Сингобрэй. Панихида была просто замечательная, и моление — тоже, мне кажется, покойный в могиле остался доволен...

— Я тоже впервые встречаю тебя, — сказал Рёсэки. — Ты ведь тестем приходишься господину Коскэ? Тебе повезло, Коскэ хорош собой, справедлив и честен, да и умен предостаточно... А вот ты, мне кажется, человек изрядно легкомысленный.

— И все-то вам, святой отец, известно, — смущенно пробормотал Аикава. — Даже неловко...

— Теперь вот еще что, — продолжал настоятель. — Я слышал, что господин Коскэ собирается в путь. Спешить ему, однако, пока не следует. Я кое о чем поразмыслил и полагаю, что завтра после обеда, примерно в час Овцы, тебе, Коскэ, надлежит сходить на улицу Хатаго, что в Канда. Там живет гадальщик-физиогномист по имени Хакуодо Юсай, весьма бодрый старичок семидесяти лет. В физиогномике это настоящий мастер. Обратись к нему, и ты, надо думать, узнаешь все, что стремишься узнать.

— Покорно благодарю, — сказал Коскэ. — Канда, улица Хатаго... Все будет исполнено.

— И еще позволь мне сделать подарок тебе в дорогу. Деньги, которые ты выдал на панихиду, останутся здесь, но вот возьми от меня эти пять золотых и курительные палочки. В свое время я получил их в дар, возьми коробку... На домашней божнице перед дощечкой с именем покойного всегда должны быть курительные палочки и цветы. Дарю это тебе от всего сердца.

— Спасибо, святой отец,— сказал Аикава.— Только вот получать курительные палочки от монаха... Как-то это шиворот-навыворот...

— Не будем говорить об этом. Возьми, Коскэ.

— Благодарю вас.

— Мне очень жаль, Коскэ,— торжественно произнес настоятель,— но над тобой нависла страшная опасность. Ты сейчас словно на лезвии меча. Если ты испугаешься и отступишь, то в свой черный день ты окажешься никуда не годным. Тебе остается только идти вперед. Сказано: «Наступающий выигрывает, отступающий проигрывает». Не робей, скрепись духом и, если даже на твоём пути встанет железная стена, найди в себе силы проломить ее.

— Покорнейше благодарю,— сказал Коскэ.

— Ну, а здесь вот постное угощение, господин тесть. Готовили его, говоря по правде, не у нас, это из харчевни и потому не очень-то вкусно, но прими его в подарок вместе с ларцем и можешь скормить хотя бы слугам в своем доме.

— Ко всему еще и гостинец пожаловали,— проговорил Аикава.— Не знаю, право, как и благодарить вас...

— Послушай, Коскэ,— сказал настоятель.— Мне видится, что сейчас на обратном пути тебя ожидает удар меча. Избежать его невозможно, помни о нем, когда пойдешь домой...

— Кто же это нападет на него? — всполошился Аикава.

— Да, избежать этого удара невозможно, — продолжал настоятель, не обращая на Аикаву внимания. — Вероятно, ты будешь ранен, если все обойдется благополучно, рана твоя будет легкая, но, может быть, тебя ранят тяжело или даже зарубят насмерть, если ты совершишь оплошность... Здесь твоя судьба, уйти от нее нельзя.

— Мне уже пятьдесят пять лет, — сказал Аикава, — и мне все равно, что бы со мной ни случилось. Но Коскэ должен остаться в живых, перед ним великое и важное дело... Помогите ему, спасите его!

— Помочь ему я бессилен. Здесь судьба, избегнуть которой невозможно.

— Тогда оставьте Коскэ ночевать в храме, а я пойду домой один!

— Это будет слабость, а слабый ни на что не годен, — возразил настоятель. — Самое главное для самурая — это умение владеть мечом. А в чем состоит высший смысл этого умения? Знать, что делать, когда над головой твоей молнией блеснет разящая сталь. В учении Будды есть вопрос: «Как быть, когда острие меча касается лица твоего?» Сейчас это важный вопрос для тебя, Коскэ, и ты должен знать, как на него ответить. Пройди через огонь, тогда все остальное будет тебе нипочем. А теперь ступай. Не к лицу тебе робеть в подобных обстоятельствах. Ты не сгоришь в огне и не потонешь в воде, скрепись же духом и иди вперед...

— Позвольте тогда оставить здесь этот ларец, — сказал Аикава.

— Нет, это гостинец, возьми с собой.

— Может быть, можно куда-нибудь бежать?

- Я все сказал. Ступайте прямо по дороге.
- Одолжите нам, пожалуйста, фонарь...
- Вам лучше идти без фонаря.
- Вот ведь злюка, этот настоятель... — проворчал себе под нос Аикава. Кое-как попрощавшись, он вместе с Коскэ вышел за ворота храма Симбандзуй-ин.

ГЛАВА XX

Итак, после панихиды по господину, настоятель храма Симбандзуй-ин, прославленный мудростью Рёсэки, объявил Коскэ, что на пути домой его ждет удар меча, ранение, а если не повезет, то и смерть. Аикава Сингобэй был страшно испуган этим. Коскэ был молод, он был мужем любимой дочери, и ему еще предстояло совершить великое дело мести за господина. Терзаемый страхом и беспокойством, Аикава рука об руку с Коскэ возвращался домой. А Коскэ думал о том, что, если он испугается чего бы то ни было и отступит хоть на шаг, ему не удастся исполнить свой долг. Поэтому он с первых же шагов держал меч наготове, утопив защелку на эфесе и слегка выдвинув лезвие из ножен, и настороженно поглядывал по сторонам, весь напрягшись и ежеминутно ожидая нападения. «Здесь ступай осторожно, Коскэ...» — проговорил Аикава, шедший рядом с ларцем в руках, как вдруг кустарник сбоку раздался, на дорогу выскочил человек с окровавленным мечом наголо и молча, без единого слова, нанес Коскэ рубящий удар.

Это был бродяга Томодзо из Курихаси. Свою лавку в Курихаси вместе с товаром он продал, выручив большие деньги, а затем вместе с Ямамото Сидзэ отправился в Эдо. Несколько дней приятели прожили у одного знако-

мого Сидзё, лекаря, на улице Сакума, что в Канда. Третьего августа, дождавшись темноты, они прокрались к источнику в Нэдзу и откопали зарытый там золотой талисман «Кайоннёрай». Быстро сунув талисман за пазуху, Томодзо подумал: «Теперь один только Сидзё знает о моих делишках, оставлять такого свидетеля в живых опасно...» Не долго думая, он выхватил меч, бросился на Сидзё и ударил что было силы. Сидзё ахнул и упал, а Томодзо уселся на него, взял меч, как кинжал, лезвием вниз, вонзил Сидзё глубоко под ребро и повернул в ране. Сидзё застонал, затрясся и испустил дух. Так окончил дни свои Ямамото Сидзё, сообщник и соучастник Томодзо в его злодеяниях. Не удалось ему избежать небесной кары. Томодзо поднялся, взглянул на труп и хотел было пуститься бежать, но тут со всех сторон послышались крики: «Именем власти, берите его!» Он очутился в кольце стражников. Ужас и отчаяние удесятерили его силы. Как бешеный отбивался он, разя мечом направо и налево, пока не вырвался из кольца. Продравшись через кустарник, он очутился на большой дороге. Здесь он столкнулся с Коскэ и, приняв его за стражника, нанес ему страшный удар.

Будь на месте Коскэ любой другой человек, он был бы разрублен напополам. Но недаром Коскэ обучался фехтованию у Иидзимы Хэйдзаэмона, недаром он постиг все тайны школы «синкагэ». К тому же он ожидал нападения и был наготове. Меч он обнажить не успел. Отступив на шаг, он отразил удар гардой и, когда Томодзо пошатнулся, увлекаемый силой удара, схватил его руку и вывернул к лопаткам.

— Попался, негодяй, — проговорил он.

— Простите, покорнейше прошу... — задышав, отозвался Томодзо.

— Как он налетел! — сказал Аикава. — Коскэ, ты не ранен?

— Не ранен, — ответил Коскэ. — Ну, бандит, почему ты хотел меня зарубить, говори!

— Обознался я! — выкрикнул Томодзо. Затем, понизив голос, он объяснил: — Только что здесь, неподалеку, я повздорил с приятелями. Они всем скопом накинулись на меня, грозя забить до смерти... Я бежал, сломя голову, ничего не видя, вас, господин, принял за одного из них и совершил непростительную оплошность... Прошу вас, извините меня и отпустите, ведь если они найдут меня, мне конец... Отпустите, пожалуйста!

— А ты не врешь?

— Не вру я...

— Ух, и напугался же я, — проговорил Аикава. — Обознался он, видишь ли... А если бы зарубил, что было бы толку в том, что обознался? Экий олух... Как я испугался! Но ты подумай, как точно все сказал настоятель Рёсэки, чудо, право!.. И в этой кутерьме я потерял лагерь... Куда он девался?

Он принялся оглядываться по сторонам, но тут к ним подбежали Исико Бансаку и Каная Тотаро, сыщики службы князя Ёда Будзэн-но-ками, и почтительно обратились к Коскэ:

— Позвольте поблагодарить вас, господин! На этого человека объявлен розыск, это опасный преступник, за которым числятся многие старые преступления. Мы подкараулили его неподалеку отсюда и чуть было не упустили. Если бы не вы, он бы ушел от нас. Позвольте выразить вам нашу благодарность и просить вас передать его нам.

— Так что же это? — удивился Аикава. — Значит, это разбойник?

— Известный бандит.

— Вот ведь мерзавец, правда, батюшка? — сказал Коскэ. — Бесстыжий негодяй...

— Что же ты врал, что обознался? — спросил Аикава. — Да знаешь ли ты, что ложь есть начало воровства?.. Впрочем, ты и так давно уже вор, что с тебя взять... Берите его и вяжите.

— Покорно благодарим, — сказали сыщики. — Спасибо вам, господин, что помогли нам поймать его. Позвольте, однако, узнать имена ваши...

— Незачем вам наши имена, — возразил Аикава. — Подумаешь, задержали мерзавца... Вот лучше найдите мне ларец, я его где-то тут уронил... Ага, вот этот самый! Молодцы! Чуть было не потерял!

— А правильно ли мы делаем, батюшка, — нерешительно проговорил Коскэ, — что выдаем этого человека, какой бы он ни был злодей, сразу после панихиды по господину?

— Может, оно и так, но иначе пельзя, — ответил Аикава. — А вы скорее вяжите его и уводите...

Сыщики связали Томодзо и увели. Потом вы узнаете, какому наказанию его подвергли после окончания следствия. Что же касается Аикавы и Коскэ, то они вернулись домой, обрадованные тем, что все обошлось благополучно. На следующее утро Коскэ отправился в сторону кварталов Коами, намереваясь купить кое-какое снаряжение для дороги. Проходя по улице Хатаго, он вдруг заметил белое полотнище-вывеску, на которой крупными иероглифами значилось: «Гадальщик-физиогномист Хакуодо Юсай». «А ведь это тот самый гадальщик, — вспомнил Коскэ, — к которому настоятель Рёсэки велел мне зайти в час Овцы. У него я узнаю все, что хочу узнать... Может быть, я узнаю у него, где скрываются враги, и настигну

наконец Гэндзиро и О-Куни? Одним словом, к нему мне надлежит обратиться...» Он остановился у ворот дома Юсая. Не похоже было, чтобы в таком доме жил знаменитый человек. Окна забраны были бамбуковой решеткой, да еще загорожены темными от копоти сёдзи, сбоку на дощечке было написано «Физиогномист Хакуодо Юсай», перед домом, видно, никогда не подметали, всюду валялся мусор. Коскэ, ступая на цыпочки, чтобы не наступить во что-нибудь, пробрался к двери и попросил разрешения войти.

— Что такое? — отозвался голос гадальщика. — Кто там? Открывай и входи... Да обувь, смотри, не оставляй снаружи, а то еще стащат, бери обувь с собой...

— Слушаюсь, — сказал Коскэ. — С вашего разрешения...

Он раздвинул сёдзи и вошел в тесную комнатку. На почернелой жаровне имадосского обжига стоял глиняный чайник с отбитым носиком, тут же валялась чашка. Сбоку у стены был маленький столик, а на нем несколько гадательных книг, пенал с короткими гадательными палочками и маленькая круглая тушечница. Перед столиком, погруженный в рассеянную задумчивость, восседал сам Хакуодо Юсай. Возможно, и был он знаменитым человеком, но по виду его сказать этого было нельзя. Не чувствовалось в нем ни важности, ни мощи ума, и к тому же он был очень неопрятен. Коскэ, однако, помня слова настоятеля Рёсэки, склонился перед ним в низком поклоне.

— Господин Хакуодо Юсай — это вы? — осведомился он.

— Да, это я, — ответил Хакуодо. — Меня зовут Юсай, и в этом году мне исполнилось семьдесят лет.

— У вас не по годам отменное здоровье...

— Не жалуясь... Ты что, хотел, чтобы я погадал тебе?

— С вашего разрешения. Я осмелился посетить вас по указанию настоятеля храма Симбандзуй-ин, господина Рёсэки, и покорнейше прошу определить, что мне предстоит...

— Ага, ты, значит, знаком с настоятелем Рёсэки? Великий монах. Мудрец. Настоящий живой Будда... Чай вон там, наливай себе и пей... Я вижу, ты самурай. Сколько тебе лет?

— Двадцать два года.

— Придвинься, покажи лицо...— Юсай достал увеличительное стекло и некоторое время рассматривал физиономию Коскэ. Затем, безо всяких пышных слов, какие обычно употребляют гадалышки, произнес:

— Ну что же, ты не очень родовит, с сильными мира сего судьбы тебе пока не было, и по этой причине на тебя частенько валились всякие неприятности...

— Это правда,— вздохнул Коскэ,— с сильными мира сего мне не судьба...

— До сих пор,— продолжал Юсай,— ты словно шел по тонкому льду или по острию меча... Я вижу, тебе многое пришлось пережить. Не так ли?

— Все так, просто поразительно... Вы все угадали точно. Я то и дело попадал в разные переделки...

— И у тебя, видимо, есть одно желание.

— Есть! Но вот исполнится ли оно?

— Желание твое может исполниться в самом близком времени,— сказал Юсай.— Но тут тебя подстерегает большая опасность. И исполнение желания может не совершиться, если в нужное время у тебя неостанет духу пройти через огонь. Знай, если отступишь, то неминуемо

потерпишь поражение, а если будешь наступать, то победишь. Стоит тебе оплошать, и ты погиб, я вижу угрожающие тебе мечи. Но коль скоро ты смело прорвешься через огонь и выйдешь на простор, все будет так, как ты захочешь. Дело тебе предстоит тяжелое, будь осмотрителен... Все. Больше ничего не вижу. Можешь идти домой.

— Спасибо, — сказал Коскэ. — Но позвольте еще один вопрос. Вот я издавна ищу одного человека. Мне кажется, что я с ним так никогда и не встречу, но все же хочется знать, жив ли этот человек... Не можете ли вы поглядеть?

— Ну-ка, покажи... — Юсай снова взял увеличительное стекло и пригляделся. — Хм... Речь идет о ком-то из старших...

— Совершенно верно, — обрадовался Коскэ.

— Ты уже встречался с этим человеком?

— Нет, не встречался...

— Нет, ты встречался!

— С этим человеком я расстался девятнадцать лет назад, — объяснил Коскэ. — Если бы мы и встретились случайно теперь, я бы его не узнал... Может быть, мы были рядом, но не знали об этом?

— Нет-нет, ты с ним встречался.

— Мы расстались, когда я был совсем маленьким... Возможно, мы как-нибудь разошлись на улице? А встретиться с ним мне так и не пришлось...

— Я тебе точно говорю, что вы встречались.

— Я еще в малолетстве...

— Ты мне надоед, — объявил Хакуодо. — Я тебе сказал, что вы встречались, и больше мне сказать нечего. Так значит у тебя на лице, что же я еще могу сделать? Конечно, встречались!

— Здесь какая-то ошибка,— с сомнением заметил Коскэ.

— Никаких ошибок! Я тебе сказал то, что есть. И покончим на этом. Мне пора ко сну, ступай.

Но Коскэ очень хотелось расспросить обо всем подробно, поэтому он замялся, и в ту же минуту женский голос снаружи попросил разрешения войти.

— Еще кого-то принесло,— проворчал Хакуодо.— По-спать не дают. Кто там?.. Вас двое? Ах, это твой слуга? Ладно, оставь слугу на улице, а сама заходи...

В комнату вошла женщина.

— Простите, господин,— сказала она,— но мне много говорили о вас... Пожалуйста, расскажите мне мое будущее!

— Подойди сюда,— приказал Хакуодо. Он внимательно осмотрел ее лицо и проговорил:— Плохо твое дело. Сколько тебе лет?

— Сорок четыре года,— испуганно ответила женщина.

— Скверно... Все, смотреть больше не буду. Очень плохо. С младшими тебе не повезло. Вдобавок очень скоро ты умрешь. Здесь и гадать больше нечего.

Женщина опечалилась. Некоторое время она молчала.

— Жизнь имсет предел,— произнесла она наконец.— Короткая она или долгая, исход один, с этим ничего не поделаешь. Но я разыскиваю одного человека. Неужели я умру, не повидавшись с ним?

— Ты с ним встречалась,— сказал Хакуодо.

— Нет, не встречалась я с ним. Мы расстались, когда он был совсем младенцем. Он, наверное, совсем не помнит меня, да и я почти не помню лица его. Мы можем пройти мимо друг друга и не знать об этом...

— И все-таки вы встречались,— упрямо сказал Хакуодо.— И больше я ничего не скажу.

— Это был мальчик,— проговорила женщина.— Ему и четырех не было, когда мы расстались...

«Неужели она?» — затаив дыхание, подумал Коскэ. Он подполз на коленях к женщине.

— Простите, госпожа,— сказал он дрожащим голосом.— Позвольте задать вам несколько вопросов... Я не знаю, кто вы такая, но вот вы сказали сейчас, что расстались с четырехлетним мальчиком... Не случилось ли это где-нибудь в Хонго? И не сестра ли вы господина Савады Уэмона, вассала князя Найто Кии-но-ками?

— Откуда вы все это знаете? — изумленно спросила женщина.— Да, так оно и есть!

— И ваше имя — госпожа О-Риэ, и вы вышли замуж за господина Курокаву Кодзо, вассала князя Коидэ Синано-но-ками, а затем с ним разошлись...

— Вы угадали даже имя мое... Какое мастерство! Верно, вы ученик господина Хакуодо?

Коскэ подполз к ней вплотную.

— Вы совсем забыли меня, матушка,— произнес он.— Мы расстались с вами девятнадцать лет назад, когда мне было четыре года... Ведь это я, ваш сын Коскэ!

Женщина отшатнулась.

— Что?.. Как?.. Вы — мой сын? Коскэ?

— Я же говорил вам давеча, что вы встречались,— проворчал Хакуодо.

— Как это неожиданно...— говорила О-Риэ, утирая счастливые слезы.— Словно во сне... Какой ты стал большой, красивый! Ну конечно, как мне было бы узнать тебя, если бы мы и встретились?..

— Поистине, это воля богов свела нас вместе,— ска-

зал Коскэ.— Как я тосковал по вас, матушка! В прошлом году я ездил в Этиго и узнал там, что господина Савады Уэмона уже нет в живых, и никто не мог сказать мне, куда уехали вы... Нет, думаю, все равно найду ее! И вот надо же, мы встретились... Вы живы и здоровы, это самое главное... Кажется, никогда я не был так счастлив!

— Да, я тоже счастлива... Но ты, верно, в обиде на меня?

— Послушайте,— вмешался Хакуодо.— Меня эти ваши разговоры не интересуютнисколько. Я понимаю, вы девятнадцать лет не видались, поговорить есть о чем... Мое дело сторона, но, по-моему, лучше будет, если вы пойдете разговаривать куда-нибудь в другое место, хотя бы в харчевню какую-нибудь. Есть же у вас и такие предметы, о которых не следует знать слуге...

— Вы правы, конечно,— сказал Коскэ.— Большое вам спасибо за все, что вы сделали для нас... И можно только поражаться мудрости настоящего Рёсэки и вашему мастерству.

— Мастерство мое здесь ни при чем. Все свершилось волею судеб, так что платить мне не надо. Ступайте себе... Что? Хотите заплатить? Ну что же, не откажусь...

— От всего сердца благодарю вас,— сказала О-Риэ.— Коскэ, нам действительно надо о многом поговорить. Давай сделаем так... Я остановилась на постоялом дворе «Симоцукэя», это в третьем квартале Бакуро. Я пойду вперед и отошлю слугу за покупками, а затем придешь ты, так чтобы он тебя не заметил...

— До чего же вы рады, наверное...— проговорил Хакуодо.

— Хорошо, давайте так и сделаем,— согласился Коскэ.— Я незаметно последую за вами, матушка...

Он достал из-за пазухи сверток с деньгами, с благодарностью положил перед физиогномистом, попрощался и вышел следом за матерью. Дойдя незаметно до ворот «Симоцукэя», он подождал, пока не вышел посланный за покупками слуга, и попросил служанку показать покои О-Риэ. Мать уже ждала его.

— Входи, входи! — воскликнула она. — Сядь здесь, ближе ко мне. Дай поглядеть на тебя... Какой ты стал, просто чудо! У меня все перед глазами твое лицо, когда ты был ребенком, а теперь ты стал так похож на отца! Просто красавец... Что отец, жив ли еще? При нем ли ты сейчас?

— В соседних комнатах никого нет? — осторожно спросил Коскэ.

— Никого. Я здесь недавно, но уже знаю, что днем все уходит за покупками и гулять... Возвращаются только под вечер, а сейчас прислуга и та, наверное, спит.

— В таком случае, разрешите рассказать все по порядку... Вы расстались с отцом из-за его пьяного буйства в феврале, а одиннадцатого апреля он уже погиб жалкой смертью—его зарубили в квартале Хонго, перед лавкой оружейника Фудзимурая...

— И всё его пьянство,—горестно сказала О-Риэ.— Много я из-за него настрадалась... и все же ни за что не разошлась бы с ним, ведь ты был тогда такой маленький, мне было так жалко тебя! Но старший брат был человеком очень строгих правил. Заявил, что не позволит мне жить с таким негодяем, не разрешит мне любить мерзавца, которого господин выгнал за пьянство со службы... Он насильно и бесцеремонно разлучил меня с твоим отцом. Я же нигде и никогда его не забывала... Кто же воспитал тебя, когда отца не стало?

— Меня взял на воспитание некий господин Ясубэй, поручитель отца. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, он рассказал мне, как погиб отец, и тогда я решил: пусть я теперь стал простолюдином, но я сын самурая и должен отомстить убийце. Я задумал поступить в услужение к какому-нибудь самураю и научиться у него искусству владеть мечом. Волею судьбы пятого марта прошлого года я стал слугой в доме хатамото на Усигомэ. Моего господина звали Иидзима Хэйдзаэмон, и он служил дежурным начальником охраны в покоях сёгуна. Он полюбил меня, как родного сына, и я, рассказав ему о себе и о своем замысле, попросил научить меня искусству фехтования. Мой господин неустанно обучал меня, иногда даже по ночам, невзирая на утомление после дежурства. Благодаря его стараниям я неожиданно для себя даже диплом получил...

— Подумать только...— прошептала О-Риэ.

— А в доме господина,— продолжал Коскэ,— была одна служанка по имени О-Куни. Ее привела с собой супруга господина, госпожа Миякэ с Суйдобата. Когда госпожа скончалась, господин приблизил эту служанку к себе, и она стала его наложницей. Эта О-Куни вступила в позорную связь с соседом, Миянобэ Гэндзиро, и они задумали известить господина. Господин был мастером в воинских искусствах, убить его было не так-то просто, поэтому прелюбодеи решили утопить его, заманив на рыбную ловлю. Случилось так, что я подслушал их замысел. Мне пришлось в голову тайно прикончить Гэндзиро и О-Куни и так спасти жизнь своему хозяину и благодетелю. Вечером третьего августа прошлого года я прокрался с пикой в сад и... смертельно ранил в бок господина, приняв его за Гэндзиро.

— Как же это ты? — ахнула О-Риэ.

— Да, я тоже чуть ума не лишился от страха... Господин сошел в сад и тайно покаялся передо мной. Оказалось, что это он убил тогда моего отца. Это случилось восемнадцать лет назад, когда его звали Хэйтаро и он не был еще главою своего рода. Рассказал он, что давно уже мечтал позволить мне отомстить, но боялся, как бы меня не объявили преступником. В тот вечер, однако, заподозрив, что я собираюсь разделаться с прелюбодеями, он счел случай подходящим и подставил себя под мой удар вместо Гэндзиро. Он передал мне свое завещание и приказал поступать так, как в нем указано, посоветовавшись с господином Аикавой, моим приемным отцом. «Считай, что ты отомстил за отца,— так он сказал,— и помни, что месть местью, а благодеяние благодеянием. Помни, что я остаюсь твоим господином в трех существованиях, и восстанови род Иидзимы». Затем он приказал мне немедленно уйти, и я побежал к тестю на Суйдобата. Мы вскрыли завещание и прочли, что господин собирается пробраться в дом, вызвать Гэндзиро на бой и погибнуть от его руки. Так оно и случилось, мой господин в эту ночь был убит. Еще в завещании говорилось, что О-Куни и Гэндзиро сбегут в Мураками, а потому я должен, чтобы отомстить за господина, последовать туда за ними. Я договорился с тестем и пустился в погоню. Я изъездил Этиго вдоль и поперек, расспрашивал всех, но найти негодяев мне не удалось. Расспрашивал я и о вас, матушка, и тоже тщетно... Подумать только, вернуться в Эдо всего на несколько дней, чтобы помянуть господина, и встретить здесь вас! Вот неожиданность!..

Пораженная услышанным, О-Риэ сказала, понизив голос:

— Да, это поистине неожиданность!.. Знаешь ли ты, что эти твои О-Куни и Гэндзи́ро скрываются в моем доме? Вот ведь судьба моя несчастная!.. Невероятно!.. Мне было двадцать шесть лет, когда я разошлась с твоим отцом и вернулась на родину в Мураками. Тут старший брат стал настаивать, чтобы я снова вышла замуж, и надо же было случиться так, что я стала женой галантерейщика Хиного́тия Гобэ́й, который приносил товары к нам на дом... Он был вдовец, у него был сын, тринадцатилетний Городзабу́ро, и восьмилетняя дочь О-Куни. У этой О-Куни еще в детстве был скверный характер, из-за нее в доме постоянно происходили ссоры, поэтому, как только ей исполнилось одиннадцать, мы отправили ее на житье в Эдо, служанкой в дом хатамото Миякэ на Суйдобата... Мерзкая девка, сообщила только, что перешла со своей госпожой на жительство в Усигомэ, и больше ни одного письма не прислала... Подумай только, когда ей написали о смерти отца, моего мужа Гобэ́й, она не только не приехала на похороны, но даже не ответила ничего! Понятия у нее не было о верности дочернему долгу. Городзабу́ро был очень зол на нее... Потом по некоторым причинам мы покинули Этиго и переехали жить в Сугивару, что в провинции Уцуномия. Там на имя Городзабу́ро открыли мы галантерейную лавку, и с тех пор прошло уже семь лет... И вдруг как снег на голову является она к нам, эта самая О-Куни, вместе со своим Гэндзи́ро. «Я, говорит, перешла с госпожой в один самурайский дом на Усигомэ и там, по молодости, вступила в недозволительную связь с господином Гэндзи́ро. Его за это изгнали из отчего дома, он из-за меня пострадал, ему теперь негде голову приклонить. Мы поступили опрометчиво, но все же разрешите укрыться у вас...»

Ни словом не обмолвилась, что они убийцы; Гэндзиро, мол, живет у нас в Удуномии потому, что она чувствует себя перед ним виноватой... И вот, пожалуйста, получила я от Городзабуро деньги, приехала в Эдо посмотреть столицу и вдруг встречаю тебя и узнаю о них такую вещь!..

— Значит, О-Куни и Гэндзиро в Удуномии,— проговорил Коскэ.— Жаль, не знал я, что они так близко. Исходил Этиго и Ното и вернулся ни с чем... Матушка, прошу вас, помогите мне отомстить врагам и восстановить род моего господина!

— Непременно помогу,— сказала О-Риэ.— Я, не мешкая, возвращаюсь в Удуномию, и ты едешь со мной. Да, но как быть со слугой? Он может услышать и все разболтать... Чего доброго спугнет негодяев...— Она подумала.— Лучше мы сделаем так. Я выеду завтра рано утром, ты поедешь следом, но скрытно, как шел за мной сегодня. В пути мы с тобой незнакомы, разговаривать не будем. Когда же доедем до Сугивары, я отправлю слугу вперед, и мы с тобой сговоримся о знаках и прочем. Согласен?

— Спасибо, матушка,— сказал Коскэ.— Так и сделаем. Тогда я поспешу домой. Представляю, как обрадуется тесть, когда я расскажу ему!.. Значит, завтра рано утром я буду ждать у ворот этого дома. Да, матушка, я давеча совсем забыл сказать вам... Господин мой отдал меня в наследники Аикаве Сингобэй, и теперь у меня родился сын. Очень хотелось показать вам первого вашего внука, да ничего не поделаешь, раз такая спешка... Покажу вам потом, когда исполню свой долг.

— Поздравляю тебя от души,— сказала О-Риэ.— Радость-то какая! Мне тоже очень хочется полюбоваться

первым внуком... Но это потом, а сейчас мне хочется, чтобы ты скорее наказал Гэндзиро и О-Куни... Ничего, вот приедем в Уцуномию, я помогу тебе отомстить!

Они обменялись клятвой верности делу, и Коскэ поспешил домой на Суйдобата.

— Что-то ты рано вернулся, Коскэ,— встретил его Аикава.— Сделал покупки?

— Нет,— ответил Коскэ.— Ничего не купил...

— Отчего же не купил? Или другим делом пришлось заниматься?

— Неожиданный случай произошел, батюшка...

— На свете часто происходят неожиданные случаи. Что, уж не черный ли туман поднялся над рекой Рёгоку?

— Да нет... Я побывал у гадальщика, к которому вчера указал мне сходить настоятель Рёсэки.

— Вот оно что... Да, действительно, это, говорят, знаменитый человек. Ну так что, хорошо он тебе гадал?

— Все совпало с тем, что говорил настоятель Рёсэки. Я иду словно по лезвию меча, победить смогу, только если буду наступать, а если отступлю, то погибну... В общем, все как говорил настоятель.

— Все то же, говоришь?.. Да, физиогномика — это все равно что дар предвидения. А все-таки что еще он нагадал?

— Я спросил его, исполнится ли мое заветное желание. Он ответил, что желание это исполнится, но что впереди меня ждут удары меча.

— Так и сказал про удары меча? Это худо. Вдруг опять такие же, как вчера... А он не сказал, нельзя ли как-нибудь этих ударов избежать? Не говорил, что помолится об этом?

— Нет, ничего такого он не говорил... Потом я спросил, встречусь ли я с матерью... Вы знаете, я расстался с нею четырех лет... Хакуодо мне вдруг отвечает, что я уже встретился с нею. Я ему толкую, что расстался с нею ребенком, так что даже узнать не смог бы, если бы увидел где-нибудь на улице. А он твердит, что я уже встретился. Тут мы заспорили...

— Здесь он, видно, дал маху,— заметил Аикава.— Да и то сказать, предсказания могут сбыться, а могут и не сбыться... Всего ведь не угадаешь. Видно, он заупрямился и хотел тебя обмануть. Да, маху он дал. Ты ему хоть сказал об этом? Что он маху дал?

— Тут является к нему женщина лет сорока четырех,— продолжал Коскэ,— и тоже спрашивает, встретится ли она с тем, кого ищет. Хакуодо ей так же, как мне, отвечает, что она уже с этим человеком встречалась. Женщина ему возражает, не встречалась я, говорит, а Хакуодо твердит, что встречалась...

— Ну, какой же он тогда мастер? Ничего не знает. Видно, не так просто угадывать... Осрамился Хакуодо, опозорился... А вы что? Задали ему вместе с этой женщиной? Что потом было?

— Потом произошла совершенно необыкновенная вещь. У меня как сердце чуяло, спросил я у этой женщины, не зовут ли ее госпожой О-Риэ. И точно, оказалась она моей матушкой. Как она тоже поразились!..

— Ага,— произнес Аикава несколько смущенно.— Он все-таки настоящий мастер, этот гадалщик... Удивительно... Действительно... Хм...

Он был удивлен и обрадован, когда Коскэ затем рассказал ему о том, что убежище О-Купи и Гэндзиро открылось и что матушка согласна помочь в деле мести.

«Само небо покровительствует тебе, — сказал он, — смотри же отправляйся завтра пораньше, чтобы не опоздать, с честью исполни свой долг и возвращайся!» На следующее утро Коскэ выехал в путь. О том, как он отомстил, мы расскажем в следующий раз.

Г Л А В А ХХІ

Итак, после девятнадцатилетней разлуки Коскэ встретился со своей матерью, они отправились на постоянный двор «Симоцукэя» и там поведали друг другу обо всем, что с ними случилось за это время. Коскэ был поражен, когда узнал, что О-Куни и Гэндзиро скрываются в доме его матери. Когда мать пообещала ему помочь в деле мести, он едва не запрыгал от радости и поспешил домой, чтобы рассказать все своему тестю Аикаве Сингобэй. Рано утром шестого августа он покинул Суйдобата, подошел к воротам «Симоцукэя» и стал ждать. Скоро, как было условлено, появилась в сопровождении слуги его мать в дорожных одеждах, и Коскэ незаметно последовал за нею. Женские ноги неспешны, поэтому путники, оставив за собой Саттэ, Курихаси, Кога, Мамада и Судзуномия, прибыли в Уцуномию только вечером девятого числа. Неподалеку от Сугивары О-Риэ отправила слугу вперед предупредить Городзабуро о своем возвращении, а затем подозвала к себе Коскэ.

— Вон впереди мой дом, видишь? — тихо сказала она. — На дверях синяя занавеска с надписью «Этигоя» и с изображением горы, на которой знак «пять». Перед домом, как видишь, тянется забор. Если пойти вдоль этого забора и завернуть за угол, там будет проулок, узкий как тропинка. Свернув туда и пройдя три-четыре

дома, ты увидишь по левую руку калитку в три сяку¹ шириной. Если войти в эту калитку и пройти через двор, справа будет крошечная пристройка. В ней и скрываются О-Кунн с Гэндзиро. Нынче же вечером я отодвину засов калитки. Прокрадись туда после пятой стражи, и ты захватишь их, как мышей в мышеловке. Только смотри, чтобы тебя никто не заметил...

— Большое вам спасибо, матушка,— сказал Коскэ.— Никогда я не думал, что только благодаря вам мне удастся выполнить свой долг. Когда я вернусь в Эдо и восстановлю род господина, я войду в права наследника Аикавы и уж тогда непременно возьму вас к себе. Я намерен выполнить перед вами свой сыновний долг... Я вполне долг верности и долг преданного сына, какое это будет счастье!.. Ну хорошо, а где мне лучше подождать условленного часа?

— Говорят, постоялый двор «Сумия» на улице Икэгами — очень солидное заведение. Остановись там. И не забудь, пятая стража!

— Не забуду,— сказал Коскэ.— До свидания, матушка.

Расставшись с матерью, он отправился в «Сумия» и стал ждать, пока колокол пробьет пятую стражу, а О-Риэ пошла к себе домой. Городзабуро был очень удивлен.

— Как быстро вы изволили вернуться! — сказал он.— Вот уж не ожидал! Я полагал, вы пробудете дольше... Верно, и посмотреть ничего толком не успели?

— Что делать,— ответила О-Риэ.— Я и сама не думала вернуться так скоро, а вот пришлось... Так

¹ Сяку — 0,303 м.

спешила, что даже подарков для челяди купить не успела.

— Ну, зачем вам еще о таких вещах беспокоиться,— возразил Городзабуро.— А я думал, матушка, что вы и в театре побываете, и в других местах, пробудете в столице месяц-другой, ведь за такой срок дом родной не забывают... Посмотрите то, другое... Совсем не думал, что вы вернетесь так внезапно.

— Вот остаток денег, что ты давал мне на дорогу,— сказала О-Риэ.— Нехорошо разбрасываться деньгами, но сделай одолжение, раздай прислуге...

Деньги завернули в бумагу и роздали слугам, а О-Риэ, кроме того, отобрала для них кое-что из ношенной одежды.

— Обошлись бы и деньгами,— заметил Городзабуро.

— Ничего,— сказала О-Риэ.— Это я оттого, что у меня как-то тяжело на сердце... Вещи старые, поношенные, отдай их служанкам, они всегда заботились обо мне... А что, О-Куни и этот Гэндзиро по-прежнему живут в дальней пристройке?

— Мне перед вами совестно, матушка — вздохнул Городзабуро.— Негодяи они... Вот навязались на мою голову! Держу их только потому, что честь требует, Гэндзиро-то этот все-таки из самурайского дома, хоть и выгнали его... Вам они, наверное, очень неприятны...

— Я хотела бы поговорить с О-Куни без помех,— сказала О-Риэ.— Будь так любезен, поступишь на сегодня делами, закрой лавку пораньше и уложи челядь спать. А я пойду в пристройку и поговорю с О-Куни и Гэндзи-ро... Вели подать туда водку и закуски.

— Еще и угощать их...

— Нет, иначе нельзя. Я им ничего не купила, так что прикажи подать.

Городзабуро неохотно повиновался. Мать он жалел и ослушаться ее не мог. Приготовили угощение. Отнесли в пристройку. Когда слуги наконец улеглись, О-Риэ отправилась к О-Куни и Гэндзиро.

— Матушка! — воскликнула О-Куни. — Вы уже изволили вернуться? Вот уж не думала, не ждала! А говорили, что вернетесь не раньше, чем через месяц... Удивительно просто, как вы скоро!

— Покорнейше благодарю за гостинец, — сказал Гэндзиро, кланяясь. — Нам здесь сейчас подали водки и закуску.

— Не стоит благодарности, — сказала О-Риэ. — Думала привезти вам что-нибудь, но так торопилась, что не собралась купить... Но мне хотелось бы поговорить с вами начистоту. Нас здесь никто не слышит... Расскажи, пожалуйста, О-Куни, как случилось, что ты покинула дом в Эдо, где ты служила. Расскажи все, ничего не скрывая.

— Мне очень стыдно говорить об этом, — проговорила О-Куни, — но я, по молодости и неопытности, сошлась с господином Гэндзиро, вот с ним... Его за это изгнали из родного дома, и деваться ему было некуда. Ну, я подумала, что все это случилось по моей вине, и тоже сбегала из дому... Я знала, конечно, что поступаю дурно, но ничего не могла поделать. И вот мы с Гэндзиро, взявшись за руки, явились к брату и теперь, как изволите видеть, пользуемся его милостями...

— Молодые люди нередко впадают в грех прелюбодеяния, — сказала О-Риэ. — Ты пришла в дом господина Иидзимы со своей госпожой, не так ли? Потом, когда госпожа скончалась, ты служила господину. За это время

ты сблизилась с соседом, господином Гэндзиро, и вступила с ним в недозволенные отношения... А не случилось ли потом так, что вы сговорились, убили господина Иидзиму и бежали, присвоив его деньги, оружие и одежду?

О-Куни и Гэндзиро побледнели.

— Что вы говорите, матушка? — закричала О-Куни.— Вы меня напугали даже... Кто это вам наговорил такое? Ничего подобного не было! Страшно подумать...

— Не надо запираться,— сказала О-Риэ.— Я все знаю. Признавайся, не скрывай ничего.

— Гэндзиро, кто мог наговорить на нас такое? — сказала О-Куни.

Гэндзиро уже пришел в себя.

— Это оскорбительное подозрение, матушка, больше ничего,— произнес он с достоинством.— Чтобы я, Миянобэ Гэндзиро, убил соседа и обворовал его? Кто вам сказал об этом? Ничего этого я не делал!

— Нет-нет, не отрицайте,— сказала О-Риэ.— В Эдо я встретила нежданно-негаданно человека, с которым не виделась много лет... Он рассказал мне все.

— И кто же это такой? — осведомился Гэндзиро.

— Он был дзоритори в доме господина Иидзимы. Его зовут Коскэ.

— Коскэ... Этот негодяй Коскэ! — простонал Гэндзиро.

— Это мерзавец! — закричала О-Куни.— Он украл у господина сто золотых! Он что угодно мог выдумать! Разве можно верить хоть одному слову этого хама? И откуда дзоритори знать, что творится в господских покоях?

— Молчи, О-Куни,— сказала О-Риэ.— Этот Коскэ — мой родной сын!

О-Куни и Гэндзирос в ужасе отшатнулись.

— Семнадцать лет исполнилось с тех пор, как я стала женой хозяина этого дома,— продолжала О-Риэ.— Но первого моего мужа звали Курокава Кодзо. Он был вассалом господина Коидэ, служил у него конюшим и получал сто пятьдесят коку риса в год. За пьяное буйство его прогнали со службы, и, когда мы жили в подворье храма Маруяма Хоммэдзи, он был ронином. Мой старший брат Савада Уэмон был человеком строгих правил и заставил меня расстаться с мужем. Он считал, что лучше мне вернуться на родину, чем быть женой пьяницы и буяна. Я не могла его послушаться, оставила четырехлетнего сына и поселилась затворницей в Мураками. Спустя два года я вышла замуж за твоего отца, О-Куни. И вот нынче в Эдо я неожиданно встретилась со своим сыном Коскэ. Кровь у нас одна, мы говорили откровенно, и я узнала, что вы убили господина Иидзиму, присвоили его деньги, оружие и даже одежду и сбежали. Я была испугана. Из-за вас погиб род Иидзимы. Сын мой со слезами на глазах поведал мне, что, если он не отомстит, род Иидзимы не будет восстановлен, что ему предназначено найти вас и отомстить. На радостях я обещала ему помочь и сообщила, что вы укрываетесь в моем доме. Это было ошибкой. Коскэ мой сын по крови, но он из дома Курокавы, от которого я отказалась. Я вышла замуж вторично, этот дом стал моим домом, и ты, О-Куни, стала моей единственной дочерью. Если я, послушавшись голоса крови, помогу сыну казнить тебя, я нарушу тем самым долг свой перед твоим покойным отцом, господином Хиногутия Гобэй. Я думала об этом всю дорогу сюда. Я не знала, как быть. Я поняла, что допу-

стила оплошность. А Коскэ ехал рядом со мной, то впереди, то позади меня... Он здесь, сегодня ночью, после пятой стражи, он проникнет к вам. Мне не будет прощения, если я дам ему казнить тебя. Признайтесь во всем, и я помогу вам бежать. Городзабуро дал мне на поездку тридцать золотых. Я истратила немного, у меня осталось двадцать шесть или двадцать семь рё... Я отдам их вам. Берите их и скорее бегите. Перейдите гору за храмом Мёдзин, перед храмом Дзикодзи сверните и перейдите гору Яхата, тогда вы выйдете на тракт Никко, оттуда будет полтора ри¹ до местечка Дзюрогаминэ по дороге на Кануму, еще через полтора ри вы выйдете к Кануме, а там через ущелье дойдете до деревни Нарамуры на Танумской дороге. В этом ущелье вас никто не заметит. Уходите как можно скорее и затеряйтесь где-нибудь в провинции, а когда сами поймете, какое зло вы совершили, обрейте головы, облачитесь в грубые рясы и денно и нощно молитесь за упокой души убиенного вами господина Иидзимы Хэйдзаэмона. Может быть, так вы спасетесь... Жаль мне сына родного, моего Коскэ. Он не будет знать, куда бежали враги, на всю жизнь ему суждена горькая участь скитальца, и дом его господина никогда не восстанет из праха... Когда до вас дойдет, что вы натворили, измените ваши сердца, станьте добрыми людьми... А сейчас бегите скорее!

Она протянула им деньги, и так прекрасен был порыв матери, жертвующей всем во имя долга, что даже эти двое смущенно переглянулись.

— Спасибо,— пробормотала О-Куни.— Мы не знали... Поэтому мы и молчали... Простите нас...

¹ Ри — 3,927 км.

— Поистине, ваши искренние слова...— подхватил Гэндзиро.— Да, я совершенно уничтожен... Понимаете, я вовсе не хотел убивать господина Иидзиму, но наша связь была раскрита, и он напал на меня с пикой в руках... Мне ничего не оставалось... Спасибо, мы понимаем вас, но мы исправимся, непременно исправимся и снова навестим вас, чтобы выразить вам нашу благодарность... Смотри, О-Куни, нам даже деньги пожаловали, на всю жизнь запомни!..

— Простите нас, матушка! — воскликнула О-Куни.

— Бегите же скорее,— торопила их О-Риэ.— Скоро пятая стража, спешите!

Они стали поспешно собираться, как вдруг сёдзи раздвинулись, и в комнату вошел Городзабуро.

— Прошу вас, матушка,— произнес он,— погодите немного. Поди сюда, О-Куни! Наглая ты тварь... Не знаю даже, как тебя назвать! Ты что сказала, когда явилась сюда? Что этого вот Гэндзиро выгнали из дому за то, что он с тобой спутался? Что деваться ему некуда и ты из жалости притащила его с собой? Бесстыдно обманула меня? Да тебе ли, мерзавке, жить в нашем доме? Сколько раз мы тебе писали, когда скончался батюшка, ты хоть одним словом ответила? Не человек ты... Ты моя единственная сестра, но я давно махнул на тебя рукой, ты для меня все равно что умерла... И вот на тебе — приезжает как ни в чем не бывало, позвольте, мол, пожить у вас... Ладно, думаю, оставайся, живи. Да разве мог я подумать, что ты вдобавок стала еще убийцей и воровкой? Дрянь негодная, я ушам своим не поверил, когда сейчас услышал... Я очень благодарен вам, матушка. Вы даете этим негодьям бежать, вы поступили так из чувства долга перед покойным родителем, но лучше бы вам промолчать. Все равно им не избежать

небесной кары, пусть бы Коскэ зарубил их... Слышишь, О-Куни? В память о нашем отце матушка даже деньги тебе на дорогу дала, даже путь указала, разве это не истинное благодеяние для тебя? Я не знаю, что и сказать... Проклятая девка, тебе одиннадцать лет было, а ты уже тогда всех в доме натравливала друг на друга, ссорила отца с матушкой и со мной, житья от тебя не было... Это я упросил отца отдать тебя в чужой дом, да подальше, чтобы ты не прибежала обратно! Я-то тебя видел насквозь! Это по моему совету тебя отправили на услужение в Эдо! Я думал, что в самурайском доме ты утихомиришься, и это была моя оплошность... Ты не научилась ничему хорошему, ты обзавелась любовником и бежала, да при этом еще убила и обокрала своего господина... Мерзавцы вы! Мерзавцы! Ваше счастье, что матушка — человек необыкновенный... Сделай она вид, что ничего не знает, и Коскэ нынче же ночью изрубил бы вас, как собак... И правильно бы сделал, это был бы гнев небесный. Совершить такое преступление!.. Да он и меня мог бы убить, как родственника и соучастника врага, и никто бы не осудил его... Собака, скотина, забывшая долг, забывшая честь! Единственная сестра, женщина, тебе бы воду мне подать на смертном одре, а ты что?.. И за какие грехи в семье нашей уродилась такая стерва? Отец был честный человек, я тоже ничего плохого в жизни не совершал... и вот, пожалуйста, позор нашему роду, горе! Скоты, грязные скоты, убирайтесь отсюда, да поскорее!..

О-Куни и Гэндзиро собрали пожитки, поспешно распрощались и покинули дом Городзабуро. Добравшись до дороги за храмом Мёдзин, они вышли к горе Яхата. Там и днем бывает сумрачно, а в середине ночи не видно ни зги. Ежась от страха, они стали подниматься по склону,

как вдруг навстречу им из роши криптомерий вышли двое и остановились перед Гэндзиро, преградив дорогу. Лица их были обмотаны тряпкой.

— Эй ты, будь пайнькой! — рявкнул один. — Раздевайся догола, оставь все здесь и убирайся... Что, выкрад из веселого дома девку и убегаешь с ней?

— Выкладывай деньги! — приказал второй.

Видимо, они не подозревали, что Гэндзиро самурай и что под его одеждой скрыты мечи. Гэндзиро, потянув меч из ножен, проговорил дрожащим голосом, заикаясь от испуга:

— Кто вы такие? Бандиты?

Десятидневный месяц тускло озарил все вокруг, и тут Гэндзиро, взглядевшись в лица грабителей, узнал бывшего слугу Танаки Забияку Камэдзо со старым шрамом на физиономии и своего бывшего слугу Айскэ. Гэндзиро опешил.

— Это ты, Айскэ? — воскликнул он.

— Никак, это молодой господин... — растерянно сказал Айскэ. — Здравствуйте, давно не виделись.

— Фу-у, ну и напугали же вы меня, — сказал Гэндзиро.

— У меня от страха прямо ноги отнялись, — сказала О-Куни. — А это, оказывается, Айскэ...

— Срам-то какой, — проговорил Айскэ.

— Ты что же, все такими делами занимаешься? — спросил Гэндзиро.

— Да что же, — вздохнул Айскэ, — как уволили нас, пошли мы втроем с Камэдзо и Токидзо куда глаза глядят, а идти-то и некуда... Думали-думали, куда деваться? Добрели до Уцуномии, нанялись носить паланкины, сначала кое-как перебивались, потом Токидзо поморозился и помер, деньги все вышли... Тут мы с отчаяния и на

воровство пошли, с этого все началось... Здесь по этой дороге часто люди проходят, выманят девку из какого-нибудь заведения в Удуномии и бегут в сторону Канумы... Слабые они, я даже с мечом обращаться не умею, а они со страха все отдают и удирают без памяти... Нынче вот на вас наскочили мы, обознались, а что бы вы меч наголо, да и зарубили бы нас? Подумать страшно...

— И ты, Камэдзо, значит, тоже грабить пошел?

— А что такого? — сказал Камэдзо. Паланкины тащить — на водку не заработаешь. Надо так, чтобы сразу и много... Вот и занялся.

Гэндзиро задумался, склонив голову набок.

— Это кстати, что я с вами встретился, — произнес он наконец. — Вы ведь тоже, наверное, имеете зуб на нидзимского Коскэ?

— Как не иметь, — сказал Камэдзо. — Он меня так швырнул, что я голову о камень себе расколол. Досталось нам с Айскэ от него тогда у поворота, еле домой приползли... И нас же за это уволили, а Коскэ остался служить. До сих пор зубами скриплю, как об этом вспоминаю... Сейчас-то он что делает?

— Нас здесь не подслушают? — спросил Гэндзиро.

— Да кому здесь быть? — ответил Айскэ.

— Тогда слушайте меня внимательно, — сказал Гэндзиро. — Коскэ гонится за нами, чтобы казнить нас. Почему — это не ваше дело. Мы некоторое время укрывались у брата О-Куни, торговца Городзабуро. Мать у них не родная, и, как это ни странно, она оказалась родной матерью Коскэ. На днях она побывала в Эдо и встретилась там с Коскэ, который все ей во всех подробностях рассказал. Решив помочь ему казнить нас, она привела

его в Уцуномию, но здесь одумалась. Ей показалось, что нехорошо будет перед покойным мужем дать убить О-Куни, она предупредила нас и даже дала денег на дорогу. Как видите, мы бежали. Но ведь Коскэ ей родной сын, она наверняка укажет ему дорогу и направит в погоню, так что скорее всего через некоторое время он будет здесь... И вот, если вы поможете мне убить Коскэ, я вас вознагражу. Много я вам дать не смогу, предлагаю двадцать золотых...

— Согласен,— прорычал Камэдзо.— Он у нас получит...

— Пстой, пстой, Камэдзо,— поспешно заговорил Айскэ.— Ты так легко не соглашайся. Забыл разве драку у поворта? Забыл, как он покидал нас в канаву, как мы наглотались грязи и еле притащились домой? Я-то помню... Он же мастер меча, ему побить нас — раз плюнуть!

— Ничего,— сказал Камэдзо.— У нас тоже есть кое-что в запасе. Пусть-ка попробует с мечом против мушкета... Мы засядем где-нибудь возле Дзюрогаминэ. Господин Гэн спрячется под каменным мостом через поток, а мы укроемся в роще. Как только Коскэ перейдет мост, я суну ему под нос дуло мушкета. Он, конечно, подается назад, а господин Гэн выскочит и ударит его мечом в спину... Возьмем его в ножницы. Все будет в порядке. Он не сможет ни бежать, ни отступить...

— Смотрите же, держаться дружно,— сказал Гэндзиро.

После этого Камэдзо притащил откуда-то три мушкета и ушел к дому Городзабуро на разведку, а остальные затаились у Дзюрогаминэ и стали ждать.

Между тем Аикава Коскэ сидел на постоялом дворе «Сумия» и ждал, когда колокол ударит пятую стражу. «Наверное, теперь уже скоро», — подумал он и стал собираться. Шнурами от мечей он подвязал рукава, утопил защелки на эфесах, сунул за пояс слева меч мастера Тосиро Ёсимицу, подаренный тестем, а справа — меч мастера Тэлсё Сукэсады, завещанный Иидзимою Хэйдзэмоном, вышел со двора, пересек мост и подкрался к забору. Калитка оказалась приоткрыта. «Это матушка открыла...» — подумал он и пробрался в сад. Вот и пристройка, о которой говорила мать. Он приблизился к щитам, закрывавшим веранду, и прислушался. В доме было тихо, только слышался храп прислуги. Со стороны моста доносился плеск воды. Неужели все спят? Коскэ прислушался снова и на этот раз услышал тихий голос, произносивший молитвословие. «Кто бы это мог молиться?» — удивился он и слегка отодвинул щиты. На веранде сидела его мать О-Риэ. Перебирая в руках четки, она читала молитвы. Коскэ смутился.

— Матушка, — тихо позвал он. — Я, кажется, ошибся, здесь ваша спальня?

— Ты не ошибся, — ровным голосом ответила О-Риэ. — Но О-Куни и Гэндзиро давно уже бежали. Я помогла им.

— Вы помогли им бежать? — ошеломленно проговорил Коскэ.

О-Риэ сказала:

— Да, я встретила тебя после девятнадцатилетней разлуки и на радостях пообещала тебе помочь наказать О-Куни и Гэндзиро... Так могла поступить только опро-

метчивая женщина. По дороге сюда я все время думала о том, что предаю память своего второго мужа. Хозяин этого дома, Городзабуро, с тринадцати лет кормит меня и дает мне кров, он мне тоже как родной сын... А ты, Коскэ, ведь ты сын Курокавы, человека, с которым я разошлась, мы с тобой не родные, потому я и помогла им бежать. Я это сделала, и иначе сделать я не могла. Убей меня, Коскэ, как родственницу твоих врагов, беги за ними в погоню, настигни и казни своей рукой, без помощи со стороны...

Коскэ поднялся на веранду.

— Не говорите, что мы с вами не родные, матушка,— жалобно сказал он.— Что с того, что вам пришлось покинуть отца и меня, когда мне было четыре года? Ведь он был пьяным буяном, он мучил вас, и я вас нисколько не осуждаю... Пусть порвались семейные узы, кровные-то узы порваться не могут, вы все равно остались для меня настоящей матерью. Сколько я себя помню, я все время думал о вас, живы ли вы, здоровы ли... Когда я встретился с вами, то подумал, что это боги вознаградили меня за мою веру... А когда вы сказали, что можете мне наказать О-Куни и Гэндзиро, радости моей и благодарности не было предела. И что же, теперь вы говорите мне, что нет между нами уз родства, что эти узы связывают вас только с детьми вашего второго мужа... Где же ваше сердце, матушка? Как могли вы отвернуться от меня? И если вы так думали всегда, то почему не открылись мне еще в Эдо? Ведь я бы понял вас... Я сам искал бы своих врагов, я буду искать их, переберу весь свет по травинке, но найду и казнь их... Но как мне быть теперь? Вы предупредили их, они изменят свой облик... Если я не настигну их, то не смогу восстановить род господина... Пусть расторгнуты узы семьи, но ведь

нельзя расторгнуть узы крови! Пусть вы расторгли и узы крови, но как это жестоко, как могли вы так поступить?..

Забывшись от обиды, Коскэ положил руки на колени матери и затряс ее. О-Риэ была спокойна и холодна.

— Ты недаром служил в доме самурая,— произнесла она.— Ты говоришь как благородный человек... Ты прав, даже когда расторгаются семейные узы, остаются еще узы крови. Я не помогла тебе казнить твоих врагов, и род твоего господина ты не восстановишь... Но я искуплю свою вину!

С этими словами она быстрым движением выхватила из-под одежды кинжал и вонзила себе в горло. Коскэ в ужасе схватил ее за руки.

— Что вы делаете, матушка? — закричал он.— Зачем вы убили себя? Матушка! Матушка!

О-Риэ была мужественной женщиной. Она выдернула кинжал из раны и прикрыла ладонью хлынувшую кровь. Дыхание ее прерывалось, лицо стало серым. Жизнь покидала ее.

— Коскэ...— пробормотала она.— Коскэ... Это выше разума... Хотя узы крови остаются, даже когда нет семейных уз... Я еще раньше решила помочь им бежать и затем убить себя... Помнишь, в Эдо... когда Хакуодо смотрел на меня... Он сказал, что видит на лице моем тень смерти... Он знает свое дело, теперь я поняла смысл этих слов... Разве не злой рок преследует меня?.. Моя приемная дочь убила твоего господина... Я умираю... Сейчас я перестану дышать, и меня не станет. Ты так и считай, что с тобой говорит привидение... Нет у меня долга перед Городзабуро... Слушай... Я научу тебя, по какой дороге сбежали О-Куни и Гэндзироси... Слушай...

С этими словами она сжала руку Коскэ и притянула

к себе. «Злосчастная судьба!..» — вырвалось у него во весь голос. Этот вопль достиг ушей Городзабуро, он встревожился и прибежал в пристройку посмотреть, что случилось. Раздвинув сёдзи и взглянув, он, простая честная душа, кинулся к матери.

— Матушка! — вскричал он. — Матушка!.. Ну вот, я же говорил! Коскэ-сан, позвольте, я представлюсь вам позже... Впрочем, я — старший брат О-Куни... Матушка, с тринадцати лет вы холили и нежили меня... Мне и лавку-то только ради вас отдали... Неужто надо было так блюсти долг чести перед этой мерзавкой?.. Зачем вы убили себя?

То ли услышав его голос, О-Риэ внерила в лицо Городзабуро пристальный взгляд и, мучительно переводя дыхание, прохрипела:

— Ты с детства был... честным человеком... Городзабуро... А вот О-Куни была не такая... Но я дала ей бежать... ради памяти покойного мужа... и тем нарушила свой долг перед Коскэ... хоть он со мной одна кровь... Не будет восстановлен род его господина... человека, что был его благодетелем... Вот почему я убила себя. Не будь на меня в обиде, Городзабуро... я скажу ему, по какой дороге бежали О-Куни и Гэндзиро...

— Ну при чем здесь моя обида... — всхлипывая, проговорил Городзабуро. — Я и сам скажу ему, а то вам трудно... Слушайте, господин Коскэ! За Удуномией есть храм Дзикодзи. Если пройти его и свернуть направо, будет гора Яхата, потом сопка Дзюрогаминэ, а оттуда прямая дорога на Кануму. По ней и ступайте. Женские ноги, наверное, не успели уйти далеко. Поспешите, срубите головы О-Куни и Гэндзиро и принесите их матушке, пока она не скончалась, пока видят ее глаза! Торопитесь!

Коскэ, плача, произнес:

— Ты слышишь, матушка? Городзабуро объяснил мне, по какой дороге бегут О-Куни и Гэндзиро... Пока они не ушли далеко, я поспешу им вслед, срублю головы и покажу вам!

О-Риэ уже едва слышала его.

— Смелые слова...— пробормотала она.— Накажи врагов, восстанови род господина, и ты станешь настоящим человеком... Городзабуро! У Коскэ нет ни братьев, ни сестер... Ты тоже один как перст... Враги врагами... а вам надлежит стать отныне братьями... Помогайте друг другу и старайтесь для спасения души моей...— Она взяла их руки и привлекла к себе. Они склонились над нею. Голос ее становился все глуше. Протянув Коскэ окровавленный кинжал, она из последних сил проговорила: — Иди... Иди скорее...

Ей еще хотелось сказать: «Этим кинжалом ты панесешь им последний удар!» Но язык больше не повиновался ей. Коскэ стер с лезвия кровь и подумал про себя: «Хотелось бы показать головы врагов матушке, но, видно, не успею, гляжу на нее в последний раз...» Он сказал:

— Оставляю матушку на ваше попечение, Городзабуро...

Затем он пошел было к выходу, но при мысли о том, что мать его умирает, остановился и повернул назад. О-Риэ, вся в крови, поползла ему навстречу.

— Что же ты мешкаешь? — еле слышно прошептала она.— Ступай.

— Иду,— отозвался Коскэ и, оставив сердце с умирающей матерью, бросился вон. Теперь он думал только о том, что враги бегут и их нужно догнать.

А Камэдзо, прокравшийся к дому и подслушавший

весь разговор, со всех ног помчался к своим сообщникам. Он знал дорогу и далеко обогнал Коскэ.

— Вот что, господин Гэн,— сказал он.— Мать Коскэ перерезала себе глотку, Коскэ узнал, по какой дороге вы бежали. Он вот-вот будет здесь, готовьтесь. Меч наголо, и прячьтесь под мост. Когда он перейдет мост, мы пугнем его мушкетами, а как только он попятится, рубите его сзади!

— Ладно,— ответил Гэндзиро.— Ну, смотрите, держитесь...

Гэндзиро укрылся под каменным мостом и стал ждать с мечом наготове, а остальные поднялись в рошу на склоне Дзюрогаминэ и засели там с мушкетами. Прошло некоторое время, и на мосту, тяжело дыша, появился ни о чем не подозревавший Коскэ.

— А ну, стой! — рявкнул Камэдзо.

Коскэ остановился. Перед ним стоял человек с мушкетом.

— Кто это здесь с фитилем? — сказал Коскэ, всматриваясь.

— Забыл меня? — крикнул Забияка Камэдзо.— Помнишь Камэдзо с Усигомэ? Помнишь, как ты избил меня? Что, гонишься за господином Гэном? Ничего не выйдет, сейчас я прихлопну тебя...

— И я здесь, Коскэ! — заорал Айскэ.— По твоей милости меня выгнали на улицу, я стал вором! А теперь тебе конец, пристрелю как собаку...

— Тебе не уйти, Коскэ! — взвизгнула О-Куни и тоже прицелилась.— Здесь ты и сдохнешь!

Коскэ попятился, обнажая меч.

— Гэндзиро! — воскликнул он громовым голосом.— Ты трус! Выслал против меня челядь и бабу, а сам спрятался в роше? Разве ты самурай! Ты подлый трус!

Гулкое почное эхо отозвалось на его крик. Коскэ обернулся. Сзади подходил Гэндзиро. Впереди мушкеты, позади меч. Нельзя ступить ни шагу назад, ни шагу вперед. Коскэ весь напрягся, тело его покрылось потом. И вдруг в его душе зазвучали слова настоятеля Рёсэки: «Наступающий выигрывает, отступающий проигрывает... Если ты испугаешься и отступишь, то в свой черный день ты окажешься никуда не годным... Прорвись через огонь...» Время настало. Если сейчас оробеть и отступить, все пропало. «Что для меня одна-две мушкетных пули? — подумал Коскэ. — Надо броситься вперед и рубить негодяев!» Камэдзо, полагая, что Коскэ испугался мушкета и вот-вот побежит, сунул дуло ему под нос. «Подлец!» — воскликнул Коскэ, взмахнул мечом и прыгнул вперед. Камэдзо с воплем шарахнулся в сторону, но было уже поздно. Перерубленная рука вместе с перерубленным мушкетом упала на землю. Издавна были славные мастера удара, которые разрубали медные кувшины и железные шлемы, но Коскэ такого мастерства не достиг. Мушкет же Камэдзо он разрубил потому, что это не был настоящий мушкет. Вокруг Удуномии располагалось множество бататовых полей, и Камэдзо просто-напросто последовал примеру местных грабителей, которые обирают прохожих, пугая их стеблями батата с прицепленными тлеющими фитилями. Ну а стебель батата перерубить может каждый, даже я, Энтё.

Как только Камэдзо упал, Айскэ повернулся и бросился бежать. Коскэ ударил его мечом в спину. О-Куни завопила: «Убивают!» — выронила свой мушкет и помчалась обратно в рощу. Но оби ее зацепилось за ветви, и, пока она пыталась освободиться, Коскэ настиг ее и нанес удар. Она взвизгнула и упала. Гэндзиро, бежавший за ними следом, крикнул: «Ты убил ее, негодяй!» Он

размахивал мечом, но деревья мешали ему, а Коскэ, услышав позади себя шаги, быстро повернулся и сунул ему меч между ребер. О-Куни и Гэндзиро были еще живы. Коскэ схватил их за волосы, подтащил к большому каштану и привязал обоих к стволу.

— Неблагодарный негодяй,— произнес Коскэ, обращаясь к Гэндзиро.— Двадцать первого июля прошлого года ты в отсутствие моего господина забрался к О-Куни. Когда я заспорил с тобой, ты показал мне письмо господина и избил меня обломком лука. Но главное в том, что ты, мерзавец, убил моего господина и покушался присвоить его имя и имущество вместе со своей подлой любовницей. Ты помнишь это, подлец?

С этими словами он снова схватил обоих за волосы и потер их лица о кору каштана. Они плакали, просили пощады, умоляли простить их, но Коскэ словно не слышал их.

— А ты, О-Куни? — продолжал он.— Мать моя в память о твоём покойном отце помогла тебе бежать и даже показала дорогу. А знаешь ли ты, что из-за тебя она себя убила? Это ты убила ее, мою дорогую мать! И жестоко расплачусь с тобой за все, ты подлая убийца моего господина, подлая убийца моей матери! — Он обнажил меч работы Тэнсё Сукэсады.— И подумать только, что такая тварь, как ты, обманывала господина! — произнес он и крест-накрест полоснул ее мечом по лицу.— А ты, Гэндзиро? Вот этой пастью ты обливал меня грязной руганью! — И он полоснул Гэндзиро мечом поперек рта.

Затем он прикончил их кинжалом матери, отрезал головы и поднял за волосы, но эти головы показались ему страшно тяжелыми, и он, обмякший и сразу ослабевший от радости свершенной мести, опустился на землю.

— Благодарю бога, чтимого мною, и имя ему Хатиман-Цукудо-Мёдзин¹ — пробормотал он, — за то что привел меня исполнить свой долг и отомстить врагам...

Помолившись, он встал и собрался уходить, но вдруг услыхал крики: «Убийство! Убийство!» Это Камэдзо и Айскэ, обезумевшие от ужаса, бежали сослепу прямо на него. «Последние враги», — подумал Коскэ и зарубил их. Шатаясь и спотыкаясь, с двумя головами в руках, он вступил на улицы Уцуномии. Прохожие в страхе уступали ему дорогу. Да и как не испугаться, когда на тебя идет человек и несет отрубленные головы? Слуги побежали рассказывать своим господам. Добравшись до дома Городзабуро, Коскэ рассказал ему о том, как свершилась месть. «Видят ли еще глаза матушки?» — спросил он. Городзабуро, застыв при виде головы сестры, едва нашел в себе силы ответить, что матушка скончалась. Дело было серьезное, доложили князю, правителю провинции. Поскольку речь шла о мести, князь отправил Коскэ с сопровождающим в Эдо. Вернувшись домой, Коскэ сообщил все подробно своему тестю Аикаве, а тот немедленно доложил начальнику хатамото господину Кобаяси.

Кобаяси подал прошение на высочайшее имя. Коскэ отомстил за смерть господина, поэтому, согласно завещанию, род Иидзимы был восстановлен с Котаро, сыном Коскэ, во главе. Коскэ же был назначен его опекуном, и жизнь в доме Иидзимы вновь потекла радостно и спокойно.

¹ Бог Хатиман — обожествленный император Одзин (201—310 гг., согласно официальной японской хронологии). Как бог войны, считался покровителем самураев.

На следующий день после этих перемен казнили Томодзо. Прочитав на месте казни сутэфуда¹, Коскэ с изумлением узнал, что преступник принялся творить злодеяния после того, как барышня Иидзима сошлась с Хагиварой Синдзабуро. Говорят, что именно Коскэ ради своего господина, ради его дочери и ради Хагивары Синдзабуро воздвигнул возле храма Симбандзуй-ин статую Будды Под Открытым Небом. Эта статуя стоит там и сейчас. На этом и закончим нашу повесть и надеемся, что она хоть немного поощрит добро и упизит зло.

¹ *Сутэфуда*.— При казни на всеобщее обозрение выставляется табличка с перечислением преступлений казнимого, иногда эта табличка просто бросается на землю у места казни, тогда она называется сутэфуда — «брошенная табличка».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>В. Маркова.</i> Предисловие	5
ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ	19

Саньютэй Энтё
ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

Редактор В. С а н о в и ч
Художественный редактор Г. К л о д т
Технический редактор М. П о з д н я к о в а
Корректор Т. Л у к њ я н о в а

*

Сдано в набор 10/II 1964 г. Подписа-
но к печати 15/IV 1964 г. Бумага
70×108¹/₃₂—7,5 печ. л. =10,3 усл.
печ. л. 9,8 уч.-изд. л. Тираж 50 000.
Заказ № 1315. Цена 28 коп.

Издательство
«Художественная литература».
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по печати.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

